

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований ВГУ
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

*Тезисы III Всероссийской научной конференции
20-21 октября 2017 года*

**Воронеж
2017**

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы III Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 20-21 октября 2017 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 118 с. 200 экз.

Редакционная коллегия:

к.ф.н. Н.А. Козельская, к.ф.н. М.Я. Розенфельд, к.ф.н. А.В. Рудакова,
д.ф.н. И.А. Стернин

Науч. ред. – к.ф.н. А.В. Рудакова

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Сборник включает материалы III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией и Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета в рамках одноименного гранта РГНФ №15-04-00250 – «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021. . В сборнике отражены материалы докладов, сделанных учеными таких городов, как Белгород, Борисоглебск, Брянск, Воронеж, Донецк, Курск, Москва, Мурманск, Нижний Новгород, Пермь, Саратов, Смоленск, Тверь, Тольятти, Тула, Якутск, Ярославль.

Сборник представляет интерес для филологов, специалистов в области психолингвистических исследований, семасиологии, лексикографии, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного.

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «РИТМ», 2017

ISBN

Н.В. Акованцева (Воронеж)

КОГНИТИВНО-КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ОТДЫХ/ОТДЫХАТЬ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

Ассоциативное поле в сознании носителя языка структурировано когнитивными категориями (о когнитивных категориях и их выделении см. [Попова, Стернин 2007]).

Под когнитивно-категориальной структурой интегрированного ассоциативного поля ОТДЫХ подразумеваются когнитивные категории, в рамках которых испытуемые осмысляют *отдых*. Категории выделяются методом обобщения и интерпретации ассоциативных реакций.

Интегрированное ассоциативное поле «отдых/отдыхать»: общее число реакций – 7562, общее число интегрированных единиц – 1152. Приводится частота ассоциаций, актуализирующих ту или иную смысловую категорию.

1. МЕСТА ОТДЫХА (1900): на природе 1083; дома 359; за границей 101; в оздоровительном учреждении 48; вне дома 47; в любом месте 22; на спортивном сооружении 18; в гостях 18; в искусственно созданных зонах отдыха 13; в новом месте 4; в любимом месте 3.

2. КОМПАНЬОНЫ (отдыхающего) (1850): друзья 715; родственники 339; любимый человек 227; отсутствие компаньона 208; семья 172; дети 47; супруги 27; животные 19; кто-нибудь 13.

3. СПОСОБЫ / ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЫХА (разновидности) (1389): спать 209; расслабляться 193; не заниматься какой-либо деятельностью 138; гулять 70; играть 68 (играть в компьютер 34; играть в подвижные игры 4); развлекаться 65; путешествовать 53; плавать 52; смотреть телевизор 48; заниматься спортом 46; загорать 42; заниматься хобби 39; восстанавливать силы 32; менять род деятельности 32; питаться 31; отвлекаться от проблем 31; слушать музыку 31; общаться 26; думать 25; танцевать 22; рыбачить 18; грустить 17; пить алкоголь 13; кататься на чем-либо 7; петь 6; весело проводить время 4; смотреть 4; заниматься рукоделием 3; заниматься сексом 3; заниматься садоводством 2; рисовать 2.

4. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ (621).

5. КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (598): активный 174; спокойный 87; продолжительный 66; увлекательный 61; пассивный 29; беззаботно 28; запоминающийся 19; шумный 15; разнообразный 14; оздоровительный 12; познавательный 12; кратковременный 11; постоянный 11; необходимый 10; экстремальный 8; дешевый 6; частый 6;

дорогостоящий 5; запланированный 4; размеренный 4; тихий 4; без алкоголя 2; продуктивный 2; регулярный 2.

6. ОЦЕНКА (278): положительная 272; отрицательная 6.

7. ВРЕМЯ ОТДЫХА (68).

8. НЕОБХОДИМАЯ ОБСТАНОВКА ДЛЯ ОТДЫХА (53).

9. ПЕРИОД ОТДЫХА (49).

10. ПРОТИВОПОЛОЖНО ОТДЫХУ (23).

11. ТЕМПЕРАТУРНЫЙ РЕЖИМ (16).

Таким образом, анализ когнитивно-категориальной структуры ассоциативного поля позволяет установить *категориальное разнообразие ассоциативных реакций в структуре поля* – количество когнитивных категорий, представленных в структуре ассоциативного поля, какие категории в АП ядерные, а какие периферийные, а также описать *ассоциативную репрезентативность когнитивных категорий* – какие категории представлены в структуре ассоциативного поля наибольшим числом ассоциативных реакций.

Исследование показало, что ОТДЫХ концептуализируется русским сознанием, прежде всего, как проведение времени на природе (преимущественно *на море*) и восстановление сил сном.

Самые яркие категории – место отдыха, компании (отдыхающего) и способы / формы проведения отдыха.

Самые ассоциативно-репрезентативные категории – способы / формы проведения отдыха и качественная характеристика отдыха.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Л.М. Борисова (Воронеж)

НОМИНАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ (на материале художественного текста)

«Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, общеизвестны, они толкуются носителями языка, отражаются в словарях)» [Попова, Стернин 2007, с. 17]. При этом следует учитывать, что «значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть информационного содержания концепта» [Попова, Стернин 2007, с. 19]. Таким образом, слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает лишь несколько основных концептуальных признаков,

релевантных для сообщения, то есть таких, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию [Попова, Стернин 2007, с. 16]. Фиктивная картина мира в художественном дискурсе также создается языковыми средствами, «при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя» [Попова, Стернин 2007, с. 8]. Степень индивидуализации может быть проиллюстрирована следующими примерами из повести А. Битова «Ожидание обезьян».

1. В старые добрые времена пропивали последнюю рубашку, «до креста», то есть и крест считался как бы одеждой, иногда и крест пропивался (помнится, князю Мышкину пытались всучить медный за серебряный...), но в наши времена то ли рубашка стала реже штанов, но пропивать стали именно последние штаны, а не рубашка. Думаю, что выражение это скорее образное (образ последних штанов в русской литературе...). Образ последних штанов достаточно незестетичен, чтобы пытаться их продать (что я, кстати, и пытаюсь сделать...), не говоря о том, чтобы их купить (кстати, купят...), выражение это скорее образное, как и выражение «у меня нет выбора», употребляемое всегда, когда выбирают как раз не из одного, а из двух, когда выбор как раз есть [Битов 2002, с. 665].

2. Павел Петрович не успел их мне [две-три мысли. – Л.М. Борисова] растолковать.

- Свинья... – говорил за меня девушкам Павел Петрович. – Можете ли вы мне объяснить, с чем связано такое традиционно пренебрежительное, неблагодарное и хамское (вот видите, я чуть не сказал – свинское) отношение к этому изумительному животному? – Павел Петрович, по-видимому, решил продолжить свою идею Творца как художника, изобличившего себя созданием воды. – Свинья не только чистоплотное, умное, но и наиболее совершенное существо в природоподобной системе крестьянского двора. Проблема безотходности производства, неразрешимая в условиях технического прогресса конца двадцатого века, была разрешена на заре развития человечества изобретением, подчеркиваю, изобретением Свинь! [Битов 2002, с. 678].

3. Ничто в истории человеческой цивилизации не повторило так совершенно Творение, уподобившись ему, как крестьянский двор. Это картина Творения в раме забора. Забор, ОГОРОД – вот изобретение, равное колесу. Изначально он и был круглым. Только раздел, наличие соседа придали ему прямоугольность...

Полная неожиданность слова «прямоугольность» потрясла оратора, и он окунул все взором и выбрал себе блондиночку, которая мне лично не понравилась (я приглядывался к другой), зато нам обоим в одном лице делала знаки третья, машинисточка знакомого издательства, меня смущил ее застенчивый призыв: вот кого следовало избежать, да не

обидеть... Сорвавшись с языка, «прямоугольность» вдохновила его, и далее он с легкостью обнаруживал связь между следующими словами: Россия, колхоз,nomады,нейтронная бомба,«без единого гвоздя», пожар,«с навозом в руках»,плотицерковь,«восемнадцать войн с Турцией, – и никаких Дарданелл»,викинги,тевтоны,шведы,татары,литовцы,поляки,Ермак,«нах Остен»,болото,прорубить окно,Сибирь,ареал,Европа,тундра,лошади,шкуры,бабы,вырезать скот,первобытные племена,самогон,ледостав,пельмени,пальмы.Калифорния... «Жаль Аляску!»Хрушев... [Битов 2002, с. 678].

4. Конечно, климат! Виноград у нас ни при какой системе не вырастет. Что у них, советской власти не было? Не только была, но и стояла передо мною во плоти, в виде депутата Верховного Совета СССР..., да и звали-то ее, по какому-то небесному недоразумению, Софи. Сама Софи, смущаясь и розовея, подавала мне чачу, как перед тем рушничок. Что она мне плохого сделала?

Отдельно опишем ее румянец, ибо он так и есть – отдельно. Отдельно от щеки, от лица – сам по себе. Румянец как еще одна часть тела. Ага! Забытое слово: крепкий. Впрочем, только что сказанное по другому поводу (...Крепка была чача. – Л.М. Борисова). Впрочем, по тому же. Крепкий дом, крепкая чача, крепкий румянец. Еще его называли «деревенским». Давно не встречал я его на наших испытых лицах. Даже в деревне... У нас в России такой румянец только у постового и встретишь. Потому что во всякую погоду на воздухе деревенский свой ген проветривает... А Акионтов-то тебя как раз сейчас и поджидает на своем посту, на выезде из деревни АКШОНТОВО, и доброжелательно задерживает тебя за скорость, которую ты превысил в задумчивости о судьбе русской деревни. И такой у него цвет лица!..

Как у Софи. Цвет. Не румянец, а цвет. В смысле не цвета, а цветка. И надо же, чтобы эту темно-бордовую, почти черную розу сквозь естественный и благоприобретенный цвет лица пробивала еще и краска смущения! Как не украсить Верховный Совет такою зарею Востока... «Румянай зарею покрылся Восток...»

Пушкин конечно же раньше всех. Вот еще одно устаревшее слово – **РУМЯНЫЙ**. При Пушкине еще румянец был. И слово, соответственно, было употребимо, ибо соответствовало. Да и самому Пушкину этот румянец был свойственен. В Лицее он самый **румяный мальчик** был. Румянец характеризует его не меньше, чем кудри и бакенбарды. Кто хоть раз видел его живым... Опять не мы.

На Пушкина тут один был похож. Румянцем и лицом. Головка Пушкина сидела на здоровенной, впрочем, шее молодого хозяина, чья была Софи. Старший хозяин, его отец, в крепости и румянце ему не уступавший, лицом поразительно походил на моего отца. Сходство это еще подчеркивалось тем, что я только что как раз о нем вспоминал, о своем

отце... Только он был жив и здоров. Таким здоровым он никогда не бывал, когда был жив. ПЫШУЩИМ здоровьем... Если столько было в русском языке точных и разных слов для описания здоровья, может, и здоровье было?

Он сидит во главе стола, мой отец, – благословляет. Передает бразды правления своему сыну... Как описать теперь еще и мужской румянец? Лица их в трещинках, как кора... На лица их падает вечерний свет, как на стволы деревьев в лесу на закате, доказывая, что в коре не меньше жизни, чем в листочке и цветке, и глядя в их... хватит подбирать слова, как нищий! – глядя в их честные лица...не могу я осудить ни их ясную хитрость, ни их довольство собою [Битов 2002, с. 682-683].

Предпринятые повествователем толкования предложенных лексем и выражений, эксплицитно репрезентирующих элементы текстопорождения на метакоммуникативном уровне, обусловлены в рамках данного конкретного произведения преимущественно национально-культурной спецификой интерпретируемого выражения или отдельно взятой лексемы и имеют четко выраженный pragматический характер. Анализируемые тематизации в художественном дискурсе стилизованы и реализуют художественный замысел автора, служат средством объективации авторского мировосприятия, поскольку художественный текст является «отражением языковой личности автора и репрезентирует индивидуально-авторскую модель мира» [Чарыкова 2000, с. 170].

Битов А. Империя в четырех измерениях. – М.: «Фортуна Лимитед», 2002. – 784 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в презентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. – Воронеж, 2000.

Н.В. Бубнова (Смоленск)

ОНИМ ДНЕПР В СОСТАВЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ДАННЫЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В результате исследования имен собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян (см. [Бубнова 2011]) нами было установлено, что топоним *Днепр* является для жителей Смоленского края общезначимым онимом и входит в состав «ядра» фоновых знаний смолян. Это во многом обусловлено ассоциативной связью «город – река, на которой он стоит».

На данном этапе работы мы исследуем, как представлены «ядерные» смоленские имена на общенациональном уровне. Для этого нами был проведен ассоциативный эксперимент со студентами разнопрофильных

вузов гг. Москвы и Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов – 1617. В эксперименте приняли участие студенты следующих московских вузов (826 испытуемых, здесь и далее для каждого вуза в скобках указано количество участников): МГУДТ (234); МГТУ имени Н.Э. Баумана (174); МГОУ (172); РГГУ (137); ВУ МО РФ (62); РАНХиГС при Президенте РФ (29); ГИРЯ имени А.С. Пушкина (18). Также участниками эксперимента стали студенты петербургских вузов (791 респондент): СПбГТИ (406), СПбГУ (209), РГПУ имени А.И. Герцена (132), СПбГУПТиД (44). В начале эксперимента участники заполняли анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения, место рождения, образование, сфера будущей профессиональной деятельности, родной язык(и). Следует отметить, что в эксперименте приняли участие испытуемые из самых разных городов России, из чего можно заключить, что в результате эксперимента нами был выявлен состав фоновых знаний о Смоленщине и ее прецедентных именах, присущий общенациональной языковой личности.

Собственно эксперимент состоял в том, что респондентам было предложено записать любые реакции, связанные с «ядерными» смоленскими онимами (в течение 7 секунд на каждый стимул). Полученный ассоциативный материал был обработан посредством создания электронной Базы данных, где для топонима *Днепр* были зафиксированы следующие количественные показатели: количество незаполненных бланков – 49 (3,1%); общее количество реакций – 385 (2579 употреблений); количество совпадающих реакций – 84 (2181 употребление); количество несовпадающих реакций – 301 (398 употреблений). Количество употреблений совпадающих реакций (84,6%) свидетельствует о стереотипности восприятия заданного стимула респондентами. Неповторяющиеся реакции представлены преимущественно единично: они являются индивидуальными или представляют собой реакции с неясной мотивационной основой. Далее для классификации будем использовать совпадающие реакции респондентов.

С точки зрения когнитивной ценности (когнитивного потенциала) в составе ассоциативно-культурного фона (далее АКФ) топонима *Днепр* могут быть выделены следующие группы реакций:

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 80 / 2163:

1. Реакции на основе связи «оним – апеллятив» **1 / 1080: река 1080.**

2. Описательные реакции **47 / 470:**

2.1. Качественные характеристики **21 / 153:**

2.1.1. Глубина: *глубина 23; глубокий 11; глубоко 8; глубокая 4.*

2.1.2. Ширина: *широкий 20; шириота 11; широкая река 5; ширина 2.*

2.1.3. Размер: *большой 14; большая 9; большая река 8; длинная 5.*

2.1.4. Цвет: *синий 7; голубой 5; голубая 3.*

2.1.5. Другие признаки: *мощь 5; далеко 4; сила 3; бурный, грязь, холодный 2.*

2.2. «Атрибуты» реки **9 / 213: вода 148; дно 12; рыбы 8; рыба 34; берег 3;**

берега, окунь, половодье, тина 2.

2.3. Объекты на реке 5 / 31: *корабль 10; лодка 9; мост 6; корабли, плотина 3.*

2.4. Другие характеристики и связанные ассоциации 12 / 73: *текущее 14; природа 11; простор 10; лето 9; юг 7; небо 5; поток, тепло 4; свобода 3; плавать, птицы, шум 2.*

3. Географические ассоциации 15 / 411: *Украина 183; Днепропетровск 68; город 43; Россия 37; Киев 34; Русь 11; Смоленск 9; Родина 5; география, Европа, карта 4; сало 3; деревня, Днепродзержинск, область 2.*

4. Реакции по смежности 7 / 84:

4.1. *Футбольный клуб (команда) 22; КВН, мотоцикл 17; команда КВН 9; футбол 8.*

4.2. *Дон 9; Тихий Дон 2.*

5. Исторические ассоциации 7 / 69: *казаки 22; история 15; война 12; Древняя Русь, казак 7; древность, Крещение Руси 3.*

6. Литературные ассоциации 3 / 49: *Гоголь 30; птица 17; Чуден Днепр ... 2.*

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 3 / 15: *величие 7; красота 5; красиво 3.*

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 1 / 3: *озеро 3.*

Абсолютное большинство реакций в составе АКФ топонима *Днепр* (2163 употреблений из 2181; 99,2%) – это реакции информативного типа, которые отражают значимые компоненты АКФ исследуемого онима. Распределение реакций по смысловым группам может несколько варьироваться (что во многом будет обусловлено индивидуальностью исследователя), но в целом перечисленные выше группы реакций позволяют сделать объективные и достоверные выводы.

Абсолютное преимущество по частотности имеет реакция на основе родовидовых отношений и ассоциативной связи оним – апеллятив: *Днепр – река*; кроме того, распространёнными являются группы описательных и географических реакций, из общей группы которых выбивается реакция *сало*, но именно такая ее смысловая принадлежность определена на основе опосредованной ассоциативной связи *Днепр – Украина – сало*.

Со Смоленщиной данный оним-стимул связывают только 9 респондентов из 1617, наиболее же стереотипной «географической» реакцией является оним *Украина*, а также наименования украинских городов (*Днепропетровск* и *Киев*). Такой результат вполне закономерен, поскольку участниками эксперимента выступали не жители Смоленского региона. Полученные нами результаты полностью совпадают с данными Русского ассоциативного словаря, где реакции респондентов отражают связь великой славянской реки, прежде всего, с Украиной, а состав реакций испытуемых в целом коррелирует (см. подробнее [Ермачкова 2009]). Попутно отметим интересный факт: в мае 2016 года депутаты Верховной Рады Украины приняли решение о переименовании города Днепропетровск в город Днепр в рамках проведения «политики

декоммунизации». Президент Украины Петр Порошенко за несколько дней до переименования указал на необходимость «вымарывания не только советских, но и имперских названий. Он призвал не допустить, «чтобы карту Украины вновь запятнали новороссийскими топонимами»» (см. подробнее [Кармазин 2016]).

С точки зрения лингвокультурологической ценности, наибольший интерес представляют группы исторических и литературных реакций на анализируемый стимул. Исторические ассоциации отражают различные этапы истории Российского государства: Древняя Русь (конец IX – начало XII века), Крещение Руси (конец X века), появление казачества на берегах Днепра (XIII – XIV века), войны (без указания хронологии конкретных военных действий). Литературные ассоциации связаны с именем классика русской литературы первой половины XIX века Н.В. Гоголя, строки которого из повести «Страшная месть» стали прецедентными для русской культуры.

В заключение отметим, что представленные выше информативные реакции позволяют эксплицировать многоплановую историко-культурную информацию в составе АКФ анализируемого онима, которая в перспективе может найти отражение в различных антропоориентированных словарях.

Бубнова Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян: дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2011. – 285 с.

Ермачкова Н.В. Смоленские ономастические единицы в Русском ассоциативном словаре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – Волгоград: Изд-во «Перемена». – 2009. – № 10 (44). – С. 97-100.

Кармазин И. И Херсон сними! За что Днепропетровск назвали Днепром и что еще переименует Киев. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/21/dnepr/> (дата обращения: 17.04.2017).

О.Б. Бурдина (Пермь)

ВОСПРИЯТИЕ ИКОНИЧЕСКОГО ЗНАКА В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Специальный текст как источник профессионального знания привлекает пристальное внимание когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности, поскольку знание выступает абсолютным ресурсом современного информационного общества.

Значение как феномен языкового сознания присуще не только верbalным единицам коммуникации. Трансляция специальной информации происходит как через слово, так и через замещающий его компонент: символ (математический, химический и др.), сигнал,

графическое (иконическое) изображение. Так, сигнал светофора выступает заменой целой инструкции по безопасному использованию дорожной развязки разными категориями пользователей: пешеход, водитель (а иногда и машинист) и другие; на градостроительном плане светофор является символом возможности безопасного использования территорий, где бывает большое скопление людей (проспекты, школы, больницы и т.д.) и заменяет большое количество вербальных пояснений.

Профессиональный (в том числе узкоспециальный) текст также всё чаще включает в себя невербальный компонент, позволяющий, с одной стороны, «сгустить» профессиональную информацию – выдать ее в сжатой и емкой форме (что позволяет быстрее ее воспринять), с другой стороны – «упростить» ее, сделать более понятной (особенно для непрофессионального пользователя). Как отмечают исследователи, зрительный материал способствует адекватному восприятию вербальной информации, ее глубокому осмыслению, переработке и быстрому запоминанию: «образный и вербальный ряд могут составлять единый компонент информационного обмена. В этом случае визуальные средства помогают фиксировать необходимый объем передаваемых знаний и социального опыта» [Киселева, Росянова 2015, с. 65].

Восприятие специального текста медицинского и фармацевтического характера претерпело значительные изменения за последние десятилетия, концепция персональной ответственности пациента за свое здоровье (концепция самолечения), предложенная Всемирной организацией здравоохранения на рубеже веков, привела к тому, что общество пытается повысить свою медицинскую грамотность. Исследователи говорят о медицинальности общества [Жданова, Пузырева 2016, с. 156]; и следовательно, профессиональный текст должен быть представлен в более понятной для пациента форме. В тексте инструкций по применению лекарственных препаратов (далее – ИПЛП), особенно в интернет-справочниках таких инструкций, стали появляться иконические изображения.

Являясь одним из трех базовых семиотических типов знаков, иконический знак характеризуется тем, что его форма и денотат сходны, то есть похожи друг на друга, находятся в отношении аналогии. Иконический знак в ИПЛП используется для обозначения категории пользователя, относящегося к группе риска при приеме препарата (схематические изображение ребенка, пожилого человека, беременной женщины, кормящей матери) или органа, на который может пагубно действовать лекарственный препарат (почки, печень) (см. Рис.).

Рисунок «Иконические знаки в ИПЛП электронного справочника IDAL»

(https://www.vidal.ru/drugs/javlor_34393)

Цветовая палитра иконического знака в ИПЛП включает всего три цвета – красный, желтый и зеленый – и носит предупредительный характер. Этой же цели служат дополнительные графические знаки (знак перечеркивания – «запрет», знак восклицания – «принимать с осторожностью». Использование иконок в фармацевтическом тексте позволяет максимально просто передать покупателю лекарственного препарата без прочтения инструкции [Тюрикова, Бурдина 2017, с. 352].

Отметим, что невербальные средства трансляции специального знания представлены даже в таком специфическом компоненте ИПЛП, как название лекарственного средства. Чаще всего это цифровые обозначения или химические символы, при этом они используются для презентации разной информации.

В названии лекарственного препарата «**ВАГИНОРМ-С**» символный компонент-приложение означает наличие дополнительного ингредиента – витамина С, при этом сохраняется его латинский как графический, так и фонетический облик (символ произносится как ‘це’).

Лекарственные препараты «**БЕЛЛУНЕ 35**», «**ДИАНЕ 25**», «**ДИАНЕ 35**» в своем названии содержат цифровой компонент, информирующий о возрастной характеристике пациенток, которым они рекомендованы, а в названии препарата «**ОМНАДРЕН 250**» числовой компонент указывает на процентное содержание основного действующего вещества. В цифровом компоненте может быть даже представлена схема приема лекарственного препарата: «**ТРИ-РЕГОЛ® 21+7**», где 21 обозначает дни приема лекарственного препарата, содержащего действующее вещество и 7 дней – прием плацебо (обычно – витаминного поддерживающего комплекса при общей гормональной терапии).

Отметим, что иногда в названиях лекарственных препаратов представлена вербализированная форма названий символов: «**ЯРИНА® ПЛЮС**», «**ДЖЕС® ПЛЮС**», «**Три-Регол**». Такие названия обычно указывают на количество активных компонентов в составе лекарственного препарата или наличие нового компонента по сравнению с уже представленным на рынке (например, оппозиция «**ДЖЕСС**» и «**ДЖЕС® ПЛЮС**»).

В заключение нашего исследования отметим, что использование невербальных средств трансляции профессионального знания в фармацевтическом тексте носит скорее спонтанный характер, однако в последнее время появляются некоторые признаки системности. Большей частью графические средства (иконки) представлены в интернет-изданиях справочников лекарственных препаратов, нежели в печатных. Использование иконических символов не носит юридического характера (они не закреплены в нормативных актах или рекомендательных документах), однако их появление и расширение сферы их употребления

демонстрирует потребность общества в таком типе информации. Появление графических символов в названиях лекарственных препаратов свидетельствует об удобстве подачи информации, однако это скорее удобство профессионала (провизора/фармацевта, врача), а не пациента. Думается, что невербальные средства репрезентации специальной информации в фармацевтическом/медицинском тексте только начинает свое развитие и имеет хорошие перспективы к дальнейшему использованию.

Жданова С.Ю., Пузырева Л.О. Невербальные характеристики образа врача и фармацевтического работника // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 12-2 (119). – С. 156-159.

Киселева С.В., Росянова Т.С. Вербальные и невербальные аспекты представления профессиональной информации (на материале английской экономической терминологии) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 4 (386). – Филологические науки. – Вып. 100. – С. 65-68.

Тюрикова А.С., Бурдина О.Б. Элементы графического интерфейса в инструкциях по применению лекарственных препаратов как способ отражения профессиональной информации // Вестник Пермской государственной фармацевтической академии. – Пермь, 2017. – № 19. – С. 351-353.

С.В. Буренкова (Омск)

ВЗАИМОСВЯЗИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА В ЛЕКСИКЕ И СЛОВАРЕ

В процессе изучения как родного, так и иностранного языка существенную роль играют различные словари, совершенствование которых в немалой степени определяет прогресс в методике преподавания языков. Поиск оптимального способа подачи материала, выбор наиболее релевантной в коммуникативном плане языковой и культурной информации являются вследствие этого актуальными задачами современной лексикографии. В свете современных принципов методики преподавания иностранных языков необходимо составление идеографических словарей, учитывающих системные, прагматические и культурологические особенности лексических единиц.

Между тем сложность описания лексической системы проявляется как в огромном количестве ее элементов, так и в многообразии их отношений. Для создания ономасиологического словаря важен не столько исчерпывающий перечень слов национального языка, наиболее важна информация о системных связях слов. Люди не воспринимают мир как множество изолированных предметов, напротив, эти предметы связаны друг с другом многочисленными связями и отношениями. Как следствие, и лексические единицы связаны между собой самыми разнообразными отношениями в рамках структуры языка, ментального лексикона, текста.

Это значит, что в словаре идеографического типа данные связи не могут оставаться в стороне, структура словаря призвана отражать взаимосвязи реального мира, построение ментального лексикона носителя языка.

Наиболее изученными являются системные связи в лексике, традиционно упоминающиеся в учебниках по лексикологии, лексической семантике: отношения лексической синонимии, лексической конверсии, антоними, гипонимии, полисемии, омонимии, паронимии, производности и некоторые другие. Вместе с тем анализ лексики позволяет увидеть, что данная типология парадигматических отношений не является исчерпывающей. В языке наблюдаются и другие, конкретные семантические отношения, более или менее регулярные. Кроме того, полнота онематологического описания может быть достигнута в случае привлечения средств разных уровней языка, что отражает реальные ассоциации между языковыми единицами, присутствующие в языковом сознании говорящих. Учет одновременно и парадигматических, и синтагматических отношений дает возможность описать семантику одного слова и лексики в целом.

Однозначно определить тип тех или иных отношений довольно сложно, но сам факт связанности отдельных групп слов между собой и невозможность отнесения имеющихся между ними связей к какому-либо из традиционных типов позволяют постулировать наличие других, ранее не заявленных типов отношений. Сравните примеры: *художник – картина, испортиться – выбросить, врач – больной, врач – поликлиника, ребенок – озорство* и мн. др. В окружающем нас мире объекты воспринимаются нами в разных связях: одни соотносятся друг с другом посредством каких-либо связывающих их действий, другие – биологически, третья – традиционно рассматриваются вместе и т.д. Между вещами, явлениями и событиями обнаруживаются определенные логические связи: *причина – следствие, действие – результат, деятель – результат, объект – качество/состояние, средство – цель, предмет – пространство, событие – время, предмет – функция, человек – возраст* и т.д.

Установление полного перечня существующих в лексике языка отношений или поиска подходящих терминов для их обозначения в перспективе может стать целью отдельного исследования. Рассматриваемые в рамках развивающегося гносеологического подхода к изучению функционирования языковых единиц структурные связи, организующие лексико-семантическую систему и ее фрагменты, могут стать ключом к изучению механизмов познания, создавая отражение цельного восприятия человеком многомерности реального мира. Более того, сопоставление лексических подсистем разных языков позволит в свою очередь определить, как отражается объект человеческого знания – бытие – в когнитивной деятельности различных лингвокультурных общностей.

Л.А. Бушуева (Нижний Новгород)

ПОСТУПОК И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ ПО ДАННЫМ АССОЦИАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В современной лингвистике вполне очевидным признается тот факт, что выявление и описание ассоциативных связей является действенным методом верификации гипотез о функционировании когнитивных моделей концептов. Как справедливо отмечает Н.В. Уфимцева, ассоциативное поле, получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента, – «это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2011, с. 308].

Поступок, будучи значимой частью человеческой жизни и являясь важной характеристикой человека, может быть представлен в виде модели, основные компоненты которой – мотив, агент и объект поступка, действие, лежащее в его основе, результат и оценка.

Цель данной работы – выяснить, как вербальные реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, отражают описанную выше структуру поступка «обман», а также отличаются или совпадают представления о данном поступке у людей разного возраста. В качестве материала использованы данные Русского ассоциативного словаря, созданного на основе ассоциативного эксперимента со студентами от 17 до 25 лет (далее – РАС) [РАС: электронный ресурс], данные Русского ассоциативного словаря школьников с 1 по 11 классы (далее РАСШ) [Гольдин и др. 2011], а также данные свободного ассоциативного эксперимента с сотрудниками ОАО «Салют», г. Нижний Новгород, в возрасте от 25 до 65 лет (далее АЭ, т.е. ассоциативный эксперимент). В эксперименте принимали участие 100 человек, которым было предложено написать любые ассоциации на слово *обман*. В ассоциативных словарях анализировались ассоциации на стимул *обман*, *обмануть*.

Анализ материала позволил построить модель поступка «обман», в структуре которой наиболее заполненными слотами являются «Агент поступка», «Объект поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка». Из перечисленных слотов наиболее конкретизированным является слот «Действие, лежащее в основе поступка». Полученные данные позволяют выявить прототипические действия, которые ассоциируются у носителей языка всех возрастных групп с обманом. Указанные респондентами действия объединены значением «воровство»: *украсть 4, карман 2, в деньгах 2, воровать 2, не вернуть 1* (РАСШ); *карман 2, деньги 1* (РАС); вероятно, реакции *лекарство, поликлиника, пенсия, государство*, принадлежащая одному

человеку, также подразумевает некую форму «финансового» обмана пенсионеров со стороны государства (АЭ). Существенно, что респонденты-школьники старших классов и студенты в своих реакциях выражают особенности манеры поведения обманщика: обман в их представлении завуалирован под маской невинности, например, *обман → сладкий яд 1, жеманство 1, лесть 1, льстить 1* (РАСШ, РАС).

Высокую частотность также обнаружили слоты «Агент поступка» и «Объект поступка». Данные, полученные в ходе анализа, позволяют сделать вывод о том, что реакции респондентов не всегда могут быть однозначно интерпретированы, так как ответы типа *друг* или *друга* на стимул *обман* могут быть отнесены и к слоту «Агент поступка», и к слоту «Объект поступка». Можно сказать, что в ассоциациях часто выражены участники (стороны) ситуации обмана которые вполне могут меняться местами. Например, *обман → друг 15, друга 37; враг 12, врага 5; человек 4, человека 13; девочка 2, девочки 1*. Ответы в форме им. падежа выявляют таких агентов поступка, как *вор 4, подруга 3, мошенник 5*.

Оценка пронизывает все слоты модели поступка «обман», например, одной из наиболее частотных реакций на стимул *обман* является его синоним разговорного стиля с отрицательно-оценочным значением *вранье 103* (РАС, РАСШ, АЭ). Выделяются и собственно оценочные реакции, среди которых преобладают ассоциаты с общеоценочным значением, абсолютное большинство которых выявляет отрицательное отношение носителей русского языка к обману: *плохо 37, плохой 16, нехорошо 5* (РАС, РАСШ). Значительную долю реакций составляют эмоционально-оценочные ассоциаты. Такая стратегия реагирования в основном характерна для школьников старших классов и студентов: *наглеши 1, ужасный 2, дермо 1, козел 1, ненавижу 1, свинство 1, хуже нет 1, фу 1, зря 1, грязь 1, грязный 2, гад 1* (РАС, РАСШ).

Единичные ответы респондентов-взрослых и школьников 5-6 классов конкретизируют положительную оценку поступка, например, *обман → кайф 1, хорошо 1* (РАСШ), *обман → радость 14*, а также нормативную оценку: *обман → стандарт жизни 1* (АЭ).

Носители языка всех возрастных групп, кроме участников свободного ассоциативного эксперимента (слот «Результат поступка» не актуализирован в ответах респондентов АЭ), считают, что результатом поступка «Обман» является обида и недоверие: *обман → обида 14, недоверие 11* (РАС, РАСШ). Школьники 1-4 классов связывают обиду с ссорой (*разругаться 1*), школьники более старшего возраста (5-6 классы) и студенты в большей степени воспринимают обман как поступок, завуалированный под внешне благопристойное действие, тайный смысл которого непременно будет раскрыт: *обман → раскрылся 1, раскрыт 2, будет раскрыт 1, раскрытый 1, раскрыть 1, открылся 1* (РАС, РАСШ). Школьники 9-11 классов и студенты ассоциируют обман с поступком,

который приносит душевную боль и страдание: *обман* → *боль 1, душевное состояние 1, унижение 1* (РАСШ), *обман* → *слезы 3* (РАС).

Примечательно, что слот «Мотив поступка» конкретизирован только в ответах респондентов старшего возраста (от 17 до 65). К прототипическому мотиву можно отнести желание агента поступка получить выгоду (наибольшее количество реакций): *обман* → *выгода 2, выгода для себя 1* (АЭ). В качестве мотивов также называется желание принести благо и ответить поступком на аналогичный поступок: *обман* → *во благо 1, ответный 1* (РАС).

Таким образом, исследование позволяет сделать следующие выводы. В сознании носителей русского языка поступок имеет определенную структуру, одни элементы которой получают выражение чаще, чем другие. Применительно к поступку «обман» в большем фокусе внимания находятся слоты «Агент поступка», «Объект поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка». В меньшей степени актуализированы представления о мотивах поступка и результате, к которому он приводит. По всей видимости, слоты, наиболее презентированные в русском языковом сознании, следует признать опорными, центральными в концептуальной модели описываемого поступка.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартынов А.О. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников I–XI классов. Т. 1. – Саратов, 2011.

Русский ассоциативный словарь URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 05.08.17)

Уфимцева Н.В. Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов / Под ред. Е.Ф. Тарасова. – М.-Калуга: Эйдос, 2011.

H.B. Вальтер (Воронеж)

НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ ГРАММАТИЧЕСКИМ И ИНФОРМАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ ГЛАГОЛОВ (на материале текстов событийных репортажей)

Основой лингвистического времени, как известно, в русском языке является, грамматическое время, взаимодействующее с лексическим, синтаксическим и контекстуальным временем. Всё это составляет функционально-семантическое поле темпоральности [Бондарко 1967].

Для того чтобы правильно определить отношения между грамматическими формами глагола в русском языке, важно учитывать оппозицию, на которую обратил внимание Н.С.Поспелов. Он предложил

разделять время говорения и время повествования в соответствии с двумя рядами грамматических значений в глагольных формах времени – с планом коммуникации и планом информации.

Исходя из этого, можно предположить, что каждая грамматическая форма времени может быть выражена с помощью следующей оппозиции: актуальный момент речи (план коммуникации) – неактуальный момент речи (план информации), а каждая глагольная форма представлена следующими оппозициями: настоящее актуальное – настоящее неактуальное, будущее актуальное – будущее неактуальное, прошедшее актуальное и прошедшее неактуальное. Следовательно, между временными формами глагола и выражаемыми ими смыслами нет однозначного соответствия [Козлова 1998]. Совпадение с моментом речи – лишь разновидность, оттенок общего значения.

Для анализа фактического материала использовались тексты событийных репортажей различных российских интернет-изданий: Lenta, «Русский репортер», Meduza, «Новая газета», «Сноб».

- *В этот день дети благодарят своих матерей, клянутся любить и заботиться о них всю жизнь, проводят время в совместных молитвах, а вечером собираются всей семьей на праздничный ужин.*
- *У нас в Туле на митингах хорошо! Там чаек наливают, гречкой кормят...*

В этих примерах глаголы в форме настоящего времени указывают на действия, которые из года в год, из раза в раз, выполняются одинаково, по традиции. Здесь время, в котором употреблен глагол, не имеет прямого значения.

- *В пятницу вечером петерские дальнобойщики объявили, что разбивают у «Меги» в Химках лагерь минимум на неделю. Похоже, что решение депутатов Госдумы, которое в тот же день снизили штраф за неуплату «Платону» с 450 тысяч до 5 тысяч рублей, их не удовлетворило.*

В этом примере смысл употребления форм глаголов в прошедшем времени нивелируется общим контекстом. Объявление дальнобойщиков было важно и тогда и действительно сейчас, как и снижение цен. Эта информация безотносительна к конкретному времени, то есть грамматическое значение глаголов не несет никакой информативной нагрузки.

Кроме того, в одном предложении можно встретить употребление глаголов в форме разных времен – настоящего и прошедшего, хотя время, обозначаемое ими, не отличается друг от друга с точки зрения отношения к моменту речи:

- *Еще через час несколько десятков телекамер смогли снять, как Улюкаев заходит в зал.*

Проанализированные нами примеры позволяют сделать вывод о том, что значение глагольных форм в текстах событийных репортажей часто имеет вневременной характер, употребляется в значении актуального с точки

зрения смысла сообщаемой в репортаже информации момента, безотносительно к точному грамматическому значению.

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.

Козлова Р.П. К вопросу о значении глагольных форм времени в русском языке // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1. – Тамбов, 1998. – С. 28- 32.

O.E. Виноградова (Воронеж)

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА КАК ФЕНОМЕНА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Современная семасиология требует описания значения не как совокупности небольшого числа дифференциальных признаков, а как совокупности ядра и периферии.

Так, М.С. Шхетер говорит о необходимости учета специфических особенностей индивидуального знания, так как для человека важны не только и не столько существенные признаки понятия, но и те (или те), которые логико-рационалистическая традиция относит к «периферии» понятия, квалифицируя их как «несущественные», «дополнительные», «сопутствующие» и т.п. Он выделяет существенную роль «несущественных» признаков и приходит к выводу, что в реальном механизме опознавательного процесса так называемые «несущественные» признаки выполняют весьма важные функции: «одни из них служат более удобными для человека ориентирами, другие играют большую вспомогательную роль в процессах обнаружения отличительных (в том числе и существенных) признаков данного класса в воспринимаемом объекте».

А.А. Залевская полагает, что «акт идентификации слова как такового по своей сущности представляет собой не актуальное сознавание индивидом всего того, что принято описывать как лексическое значение слова, а лишь переживание им готовности оперировать совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, закрепленной за словом как средством доступа к единому информационному тезаурусу человека. Это может происходить только на фоне общей готовности к действию, обеспечиваемой «раскручиванием спирали идентификации слова» с разной мерой глубины – вплоть до границ общей индивидуальной картины мира. Спиралевидная модель в сочетании с трактовкой слова в индивидуальном лексиконе как продукта ряда психических процессов (наглядно-действенных, понятийно-логических, эмоционально-оценочных) и как узла пересечения связей по линии каждого из таких процессов объясняет

способность слова обеспечивать выход за пределы непосредственно сообщаемой и воспринимаемой информации, выступая опорой для многообразных выводных задачий.

Мы полагаем, что эффективными методами наиболее полного описания значения слова в современном языковом сознании являются психолингвистические эксперименты, но и они не абсолютны, так как полученные результаты обнаруживают зависимость от пола, возраста, профессии, ситуации проведения эксперимента и многих других параметров, что с трудом поддается учету и обобщению.

В связи с этим в соответствии с принципом дополнительности семантических описаний мы полагаем, что интеграция разных методов описания семантики слова как явления языкового сознания позволяет сделать результаты описания более полными и объективными, отражающими реальность языкового сознания.

Для наиболее полного и эффективного описания семантики слова может применяться разработанная Воронежской теоретико-лингвистической школой *двуэтапная методика*, состоящая из предварительного и основного этапов.

Для каждого этапа разработаны алгоритмы описания значения слова, а также разработана методика формирования интегрального углубленного описания семантики слова разными психолингвистическими методами (для разных частей речи).

Предварительный этап (обобщение словарных дефиниций основных толковых словарей) дает максимально полное описание значений исследуемых слов в системе языка в опоре на имеющиеся лексикографические источники.

Для описания значения слова как феномена языкового сознания, лексикографические значения следует рассматривать как обязательный, но предварительный этап, который необходимо дополнить и верифицировать психолингвистическими методами.

На втором – **основном этапе исследования** – используется комплекс психолингвистических методов: метод свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента и метод субъективной дефиниции (по результатам проведенных исследований установлено, что количество значений лексических единиц, отраженных в словарях, в 90% случаев оказывается меньше, чем по результатам психолингвистических исследований).

По итогам второго этапа исследования формулируются интегрированные психолингвистические значения исследуемых единиц, отражающие ядерные и периферийные семантические компоненты каждого значения, полученные методом обобщения результатов трех психолингвистических процедур.

Обобщение и интеграция данных, полученных в результате последовательного поэтапного применения лексикографических и сочетания психолингвистических методов, дает возможность получить наиболее полное и адекватное описание содержания значения слова как феномена языкового сознания.

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. – Воронеж: «Истоки», 2016. – 157 с.

Залевская А.А. Проблема признака как основание для взаимопонимания и расхождения при межэтнических контактах. Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей. – М., 1996. – 227 с.

Шехтер М.С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. – М., 1981. – С. 226.

С.А. Виноградова (Мурманск)

ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ ЗНАЧЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Значением относительного отсубстантивного прилагательного можно считать его признаковую характеристику и отсылку к исходному существительному. Относительное прилагательные, как и любое производное слово, «передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [Кубрякова 1981, с. 6]. Соответственно, регистрация значения относительного прилагательного в словаре возможна через отсылку к исходному слову. Примером могут служить относительные прилагательные английского языка, представленные в словарях отсылкой ‘*relating to...*’: *botanical* – relating to botany; *climatic* – relating to climate; *cephalic* – relating to the head; *conceptual* – relating to mental concepts и т.д.

С другой стороны, в достаточно большом количестве случаев такой отсылки недостаточно. Даже для моносемантических прилагательных нужно учитывать размытость такого описания значения и необходимость уточнения характера отношения исходной и производной основ, особенно в словарях, претендующих на точность и полноту толкования значения.

Перед лексикографами стоит задача достаточно точно описать значение, передать возможные варианты протозначений. Вместе с тем, необходимо избежать излишней детализации значения за счет перечисления всех возможных дискурсивных вариантов. Дифференцировать различные значения и протозначения относительных прилагательных могли бы помочь семантические исследования. Как отмечают И.А. Стернин и А.В. Рудакова, «современное описание значения слова методами семной

семасиологии позволяет давать достаточно непротиворечивые метаязыковые дефиниции значений, дифференцируемые друг от друга по семному составу и конкретной денотативной отнесенности» [Стернин, Рудакова 2017, с. 8].

Рассматривая относительные прилагательные, которые могут образовывать разветвленную семантическую структуру, мы можем говорить о дискурсивном варьировании в рамках прямого непроизводного значения: *ice seas* <abounding in ice>, *icy steps* <covered with ice>, *icy crust* <consisting of ice>, *icy mountain* <made of ice, iceberg>; *flinty stone*, *flinty pebble* <of flint>, *flinty sparks* <derived from flint>; *flinty ground*, *flinty gravel* <full of flint-stones>. Словари отражают такую дифференциированность различным способом: предлагая варианты протозначений в рамках одного из значений: *cantonal* – of, pertaining to, of the nature of a canton; *causal* – relating to or acting as a cause; или распределяя их по разным значениям.

Разновидности возможных отношений исходных и производных значений, не поименованных специально, но возникающих в сознании в дискурсе (имплицитных приращений значений), рассматривались ранее и была предложена их классификация, включающая аналогический и импликационный тип приращений, последний делится на аргументные и субстантно-аргументные. Такой подход мог бы унифицировать способы описания значений относительных прилагательных в словаре.

От дискурсивных вариантов значений (протозначений) следует отличать вторичные значения, метонимические, метафорические, являющиеся результатом семантической деривации. Очевидно, что в этом случае прилагательное перестает функционировать как относительное, а переходит в разряд качественных. При этом такие полисемантические относительные прилагательные уже сложно называть относительными, исследователи предлагаю называть их относительно-качественными, качественно-относительными и т.д. Диахронические исследования показывают, что часть относительных прилагательных теряет свои относительные значения, в современном английском языке полностью становясь качественными: *brassy* – consisting of or covered with brass [SOD]. → resembling brass in colour; sounding like a brass musical instrument; harsh and loud; (of a person, typically a woman) tastelessly showy or loud in appearance or manner [OD]; *bushy* – covered with bush or bushes → growing thickly (like bushes); *airy* – † of or belonging to the air [SOD] → spacious, delicate, casual [OD]; а также *strawy*, *cloudy*, *dewy*, *silken*, *stony*, *wooden* и т.д. Значения таких отсубстантивных качественных прилагательных тоже могут передаваться отсылкой к исходному существительному, при этом отношение исходной и производной основ могут выражаться как: ‘*resembling ... in taste, colour, behavior, sound, consistence, function, purpose, making a similar impression, etc.*’

Итак, семантическая классификация значений относительных прилагательных, распределяющая их на семантико-деривационные и дискурсивные с дальнейшей детализацией возможных типов отношений исходного и производного значений, могла бы стать подспорьем при описании значений относительных прилагательных в словаре. Трудность, однако, состоит в том, что крайне сложно дать конечный список всех смысловых приращений. Решение проблемы лексикографирования относительных прилагательных английского языка требует дальнейшего рассмотрения и уточнения.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. – Воронеж: «Истоки», 2017. – 34 с.

SOD – Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles / by Angus Stevenson. 6th edition. Oxford University Press, 2007. 3742 p.

OD – Oxford English Dictionary. The definite record of the English Language. Copyright 2016. URL: www.oed.com;

Л.Н. Дьякова, Т. Зубкова, И. Сахарова (Воронеж)

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ

В повседневной работе воспитателя важное значение уделяется развитию у дошкольников всех основных аспектов устной речи: произношения, лексического запаса, грамматического строя, навыков связной речи.

На занятиях используются практически все приемы и методики, направленные на развитие словарного запаса ребенка: чтение художественной литературы, пересказ, постановки, наблюдение, рисование, заучивание стихов, лексические упражнения, дидактические игры.

Особенно важным в этом направлении нам представляется развитие коммуникации. Большой эффективностью при этом обладает общение детей разного возраста. Общение с детьми более старшего возраста ставит малышей в благоприятные условия для восприятия речи и ее активизации: они активно подражают действиям и речи, усваивают новые слова, овладевают ролевой речью в играх, простейшими видами рассказов по картинкам, описаниям игрушек.

Наблюдения над речью дошкольников показывают, что в их речи преобладают слова, связанные с природой и окружающим миром, семьей,

домом, то есть тем, что дети видят ежедневно. Наиболее часто встречаются названия животных: *корова, слон, петух, собака, кошка*. Достаточно частотны в речи дошкольников глаголы, обозначающие движение (*бежать, прыгать, крутить педали, падать*), бытовые слова (*ложка, ботинок, шорты, расческа, мыло, подушка*), слова, обозначающие звуки и крики животных (*мяукать, кукарекать, рычать*), слова, связанные с профессией (*врач, артист, учитель, президент, директор*), слова, почерпнутые из сказок (*Баба Яга, в некотором царстве, заколдовал – расколдовал, волшебство, сказочная принцесса, дворец*).

При этом в речи детей отмечается недостаточное количество обобщающих слов (*товары, продукты, овощи, инструмент, мебель, одежда, еда* и т.д.). Дети называют небольшое количество слов в каждой группе предметов, некоторые дети называют два-три наименования овощей, а назвать насекомых, рыб вообще затрудняются.

Многие слова, которые дети слышат по телевизору или в речи взрослых, им непонятны. Например: *классификация, БТР, барак, бардак, шоу*. О таких словах дети говорят: «Если мы этих слов не понимаем, значит их нет».

Словарь дошкольника обогащается преимущественно в процессе игры. В обогащении речи ребенка существительными, глаголами, прилагательными, обобщающими словами, в уточнении значений уже имеющихся у него слов, привитии ребенку простейших навыков образования новых слов большое значение могут иметь игры по развитию словарного запаса (прибавить суффикс и приставку, угадать слово, подобрать синоним или антоним, продолжить предложение, придумать рифму), также используются логические игры, викторины, эстафеты, распределение слов по смысловым группам и т.д.

Эту работу, как показывает наш опыт, лучше проводить с опорой на наглядность. К примеру, при закреплении в речи детей прилагательных, которые относятся к таким словарным группам, как форма (*круглый, квадратный*), вкус (*горький, сладкий*), цвет (*зеленый, оранжевый*), температура (*горячо, тепло*) и т.д., активно можно использовать натуральные предметы. Это способствует и развитию ассоциативного мышления.

Обратим внимание на то, что необходимо контролировать формирование значений слов в сознании ребенка. Это можно делать так: попросить детей объяснить значения употребляемых ими слов. Приведем некоторые примеры (данные наблюдений за речью 6-летних воспитанников детского сада № 115 г. Воронежа):

ДУША: *Это когда ты в кого-то влюблен, когда переживаешь, когда ты о ком-то думаешь и можешь в этом признаться.*

ВДОХНОВЕНИЕ: Когда любишь, придумываешь и рисуешь, когда можешь писать стихи, когда в голову приходят хорошие мысли, когда тебе нравится скульптура, когда ты удивляешься и радуешься.

РИФМА: Это слова, которые подходят друг другу, как папа с мамой, это песня, клавиши на пианино, когда складно.

РУМЯНЫЙ: Это яблоки, морозно, арбуз.

ШЕЛЕСТ: Листья, бумагу скомкал, дождь по листьям. Это слово «пушистое», будто перышки взъерошенные. Это слово серого цвета.

ДРЕМУЧИЙ: Пещера, где очень темно, вечером сова в лесу ухает, а мы с бабушкой идем, это густой, лохматый. Это когда кто-то дремлет, но не спит, а подглядывает сквозь незакрытые глаза.

УГРЮМЫЙ: Это как урюк, сушеный абрикос в компоте.

ШЕПОТОМ: Тише, чем дождь.

Сегодняшние дети знают, что такое *айфон*, *планшет*, *ксерокс*, но не всегда точно понимают смысл обычных слов. Например, никто из малышей не дал правильного определения слову «хмурый». Были только ассоциативные версии: *медведь*, когда *храпишь*, *мультик скучный*. Также не смогли дети объяснить смысл слов *«удача»* (это когда рядом с дачей можно играть, это конфету съесть) и *«журчит»* (на собачку Жульку похоже). Зато практически все дети хором слово в слово объяснили, что такое университет: *Это где много умных людей*.

Очевидно, что успешное речевое развитие напрямую зависит от чувственного восприятия ребенком окружающего мира и от его предметной деятельности. Он воспринимает действительность, прежде всего, чувственно, и эти образы ложатся в основу формирующихся в его сознании значений слов.

E.A. Дьяконова (Москва)

«ВИЗУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ПРИ ОПИСАНИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В сентябре 2016 г. был проведен психолингвистический эксперимент, целью которого было описать психолингвистическое значение топонима *Москва*. В нем приняло участие 100 испытуемых (мужчины и женщины в возрасте от 8 до 83 лет).

Испытуемым была предложена следующая инструкция:

1. Свободный ассоциативный эксперимент: *Напишите любое слово, которое ассоциируется у вас со словом «Москва».*

2. Направленный ассоциативный эксперимент: *Ответьте на вопрос: «Москва – какая?».*

Помимо традиционной «вербальной» части эксперимент содержал «визуальную» часть, в которой приняли участие 27 испытуемых (мужчины и женщины в возрасте от 8 до 83 лет).

Испытуемым была предложена следующая инструкция: *«Нарисуйте образ Москвы».*

Был выдан лист белой бумаги формата А4, простой карандаш и набор цветных фломастеров.

Необходимо отметить два важных факта: 1) среди испытуемых не было профессиональных художников или художников-любителей; 2) испытуемыми выступали жители г. Москвы и Московской области, то есть люди, многократно бывавшие или живущие в Москве.

Мы сравнили результаты «вербальной» и «визуальной» частей проведенного эксперимента.

Одна из основных особенностей заключается в том, что на картинках частотность повторения образов не совпадает с их появлением в «вербальной» части. Например:

- образ водоема в вербальной части появляется лишь однажды – *Москварека*; на рисунках – 6 раз;
- образ кораблика в вербальной части не появляется ни разу, а на картинках 4 раза;
- Храм Василия Блаженного в «вербальной» части ни разу не фигурирует, однако в «визуальной» он изображен 4 раза;
- фонтаны в «вербальной» части ни разу не фигурируют; в «визуальной» этот образ появляется 1 раз, хотя с точки зрения рисования это достаточно сложный объект;
- образ дерева в «вербальной» части ни разу не встречается; в «визуальной» этот образ появляется 11 раз;
- образ солнца в «вербальной» отсутствует, в «визуальной» этот образ появляется 8 раз;
- Останкинская башня в «вербальной» части появляется 1 раз, в «визуальной» – 3 раза.

Кроме того, необходимо отметить несовпадение «вербальной» и «визуальной» реакций одного и того же испытуемого.

Очевидно, что верbalный и визуальный образ Москвы в значительной степени отличаются друг от друга, хотя есть и большое количество совпадений.

В сентябре 2017 г. мы повторили описанный выше эксперимент, состоящий из «вербальной» и «визуальной» частей, в котором приняло участие 4 человека (мужчины и женщины в возрасте от 33 до 56 лет). Однако на этот раз среди испытуемых не было москвичей или жителей Подмосковья; трое из четверых испытуемых никогда не бывали в Москве. Кроме того, среди испытуемых была профессиональная художница, которая многократно посещала столицу.

Представляется интересным сравнить их «вербальные» и «визуальные» реакции.

Жительница Омска, 33 года

Вербальная реакция:

Москва – это *столица великой державы России.*

Москва – какая? *Огромная, современная, старая, красивая.*

Визуальная реакция: *Изображено здание с часами и флагом на крыше, напоминающее Спасскую башню Кремля, деревья и идущие люди.*

Жительница Омска, 56 лет

Москва – *столица моей Родины.*

Москва – какая? *Далекая, красивая, величавая.*

Визуальная реакция: *Изображено улыбающееся солнышко с человеческим носиком и глазками с ресницами.*

Житель Тамани, 50 лет

Вербальная реакция:

Москва – *это столица.*

Москва – какая? *Населенная, интеллигентная, богатая.*

Визуальная реакция: *Изображен двухэтажный домик, дорожка, соединяющая его с елкой и то ли облако, из которого идет дождь, то ли крона дерева и ствол.*

Жительница Тамани, 54 года (профессиональная художница)

Вербальная реакция:

Москва – *это суета, много людей, нет солнца.*

Москва – какая? *Серая, бегущая, людная, энергичная, высотная.*

Визуальная реакция: *На переднем плане старинная башня с остроконечной крышей, церковь с куполом, на заднем плане многоэтажные однотипные многоквартирные дома.*

Изображение все расположено в верхней части листа, нижняя часть (примерно 3/4 листа) пуста. Необходимо отметить, что это рисунок, сделанный профессиональным художником, и если бы она хотела нарисовать «бегущую, людную» Москву, она бы вполне справилась с этой задачей. Тем не менее, картинка никак не отражает ни «суету, ни многолюдность, ни энергичность, ни бег». Единственное совпадение – «высотная». Кроме того, в вербальной части никак не представлена идея православия и старинности, которая отражена на картинке.

В результате проведенных экспериментов можно сделать вывод, что при составлении психолингвистического словаря для полноты картины очень желательно ввести «графическую» составляющую, которая могла бы представлять собой обобщенный визуальный образ, созданный на основе «визуальных» реакций носителей языка.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография. – Воронеж: Истоки, 2016. – 157 с.

Н.И. Иванова (Якутск)

АССОЦИАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К РОДНОМУ И ДРУГИМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ

Социолингвистический исследовательский опыт последних лет четко обозначил совмещение психолингвистических и социолингвистических процедур в комплексном изучении той или иной языковой ситуации. Нами с 2008 г. предпринимаются локальные ассоциативные эксперименты в исследовании языковых установок в условиях двуязычия, значение которых важно в экспликации коммуникативного сознания, коммуникативного поведения носителей якутского и русского языков в г. Якутске в диахронии, позволяющих выявлять динамику показателей этноязыковой идентичности, определять социолингвистический статус, степень витальности языков. Проведение подобных экспериментов в других регионах РФ открывает возможности для сопоставления их результатов.

Придерживаясь мысли З.Д. Поповой, И.А. Стернина о разграничении языкового и коммуникативного сознания и принимая их постулат о том, что под коммуникативным сознанием подразумевается совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека [Попова, Стернин 2002], основываемся на том, что в коммуникативное сознание входит и информация о других (неродных, изучаемых) языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др. В качестве метода сбора информации выбран направленный ассоциативный эксперимент. В толковании концепта, ключевого понятия когнитивной лингвистики, мы придерживаемся точки зрения З.Д. Поповой, И.А. Стернина и понимаем его как: «...дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2010, с. 34]. Также принимаем их определение

концептосферы как упорядоченной совокупности концептов народа, информационной базы мышления [Попова, Стернин 2010, с. 36].

Тенденция к снижению этноязыковых показателей у молодежи, их растущая потребность в множественности идентичности, снижение их языковой компетенции по итогам социолингвистических опросов 2008 и 2014 гг. стали мотивацией к дальнейшему изучению динамики языковых установок студенческой молодежи. Личностные установки носителей языков выявляются нами посредством анализа реакций респондентов, полученных при направленном ассоциативном эксперименте и ограничивающихся в наших условиях исследования отношением носителей к языку. В эксперименте, проведенном в 2008 г., участвовало 111 студентов, в 2014 г. – 126 студентов, этнических якутов.

Ассоциативный эксперимент показал, что якутский язык, родной язык для большинства испытуемых, в данное время представляется *сложным, трудным* для изучения и использования, хотя 7 лет назад большинство реакций было представлено признаком *родной*, что отражало, в первую очередь, значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению. Этноидентифицирующий мотив (64) и положительная эстетическая оценка (47) также имеют достаточную значимость в презентации концепта. В целом можно отметить трансформацию представления о родном (этническом для некоторых респондентов) языке в коммуникативном сознании студентов-якутов от базового культурного к прагматическому, утилитарному. Заметна положительная динамика в восприятии якутского языка русскими студентами: от *непонятного, сложного, странного, трудного* в 2008 г. до *сложного, непонятного, интересного, красивого* в 2016 г.

В 2016 г. в качестве информантов кроме студентов-якутян были выбраны и студенты-дагестанцы (104 студента психолого-педагогического колледжа г. Кизляр Республики Дагестан), как представители региона РФ, наиболее отдаленного от Республики Саха, отличающегося по многим национально-культурным признакам (в т.ч. конфессиональной принадлежности, соотношению русского и местного населения в республике) от якутских реалий. Интересно было проследить общее и различное в языковых установках представителей неякутского сообщества и представителей якутской студенческой молодежи. Результаты отражают устойчивость родного языка в коммуникативном сознании дагестанцев, присутствие более позитивного эмоционального восприятия родного языка.

Таким образом, можно отметить продуктивность психолингвистических методов, в частности, ассоциативных экспериментов, в проведении комплексных социолингвистических исследований.

Попова З.Д., Стернин И.А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание: сб. научных трудов. Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ:Восток – Запад, 2010.

E.YO. Ивина (Воронеж)

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА, СТИМУЛИРУЮЩИЕ К ДАЧЕ ИЛИ ПОЛУЧЕНИЮ ВЗЯТКИ

В данной работе мы рассмотрим средства и способы эвфемизации, которые используются в устных и письменных текстах коррупционной тематики.

Под эвфемистической языковой единицей в нашем исследовании подразумевается «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его табуированности, традиционного неприменения или грубости, оскорбительности, невежливости и т.п.)» [БТС]. То есть эвфемизм – это слово или выражение, которое используется для более мягкого обозначения негативного явления. Эвфемизм представляет собой некоторое переименование, основанное на возможности различной интерпретации действительности. Необходимо отметить, что эвфемизмы стоит рассматривать только в определенном контексте, при изменении которого эвфемистическая функция слова может исчезнуть.

Согласно современному российскому законодательству «коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [ФЗ].

Взяточничество является наиболее опасной формой проявления коррупции. Взяточничество и коррупция – явления взаимосвязанные и взаимообусловленные, сопутствующие, следующие друг за другом.

Существует множество способов эвфемизации для скрытия или маскировки коррупционного явления:

- употребление фразеологизмов: *сунуть барашка в бумажке; не подмажешь, как говорится, не поедешь; руки друг другу моем*

(производное от фразеологизма *рука руку моет*); *а у кого здесь рыло-то чистое* (производное от фразеологизма *рыльце в пуху*);

- эллипсис (*давать, сунуть* в значении «дать взятку»);
- использование жаргонных слов (*бакиши* надо дать);
- использование устаревших слов (*мзду* посулил);
- прономинализация (нам нужно бы *кое-что* предпринять);
- перенесение с вида на вид (*подарить, подсунуть, отстегнуть* вместо *дать взятку*).

Стоит отметить, что в некоторых случаях трудно определить конкретный способ эвфемизации, потому что в выражении есть контекстуальный намек на дачу или получение взятки (*Да ладно, Федь, а у зятя твоего, дом сам собой вырос что ли? Или на твою зарплату?*).

Таким образом, существует множество способов эвфемизации взятки в коррупционных текстах, что обусловлено общественным порицанием взяточничества и обусловленной эти необходимости скрытия выражаемой информации. Необходимо выявление всех типов языковых средств номинации взятки для эффективного лингвокриминалистического анализа коррупционных текстов.

БТС – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.

Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

A.A. Илунина (Воронеж)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Понятие прецедентного текста было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым. Рассматривая его применительно к сознанию языковой личности, ученый дал прецедентному тексту следующее определение: «Назовем прецедентными тексты, значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987, с. 216].

Прецедентным текстом называют «рекуррентный феномен любого дискурса (художественного, публицистического, рекламного и др.), который закреплен в сознании языковой личности и функционирует в дискурсе как культурный знак в соответствии с интенциями говорящего» [Моисеенко 2015, с. 16].

Прецедентные тексты могут быть и невербальными (произведения живописи, скульптуры, музыки, архитектуры). Корпус прецедентных текстов меняется в ходе исторического развития языкового коллектива.

Теория прецедентности активно разрабатывалась в трудах таких ученых, как Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин и др.

Прецедентные тексты занимают особое место в языковом сознании носителя языка, что позволяет говорить об «интертекстуальной компетенции», «интертекстуальном тезаурусе» (Н.А. Кузьмина), «межтекстовой компетенции» (И.В. Арнольд) языковой личности. Как справедливо замечает И.А. Арнольд, «в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений (например, иронических), модели разных тропов, схемы возможных стратегий интерпретаций, учитывающих, что смысл включений может постепенно раскрываться в дальнейшем контексте или в авторских комментариях» [Арнольд 1993, с. 9].

Важное место в структуре прецедентных текстов в языковом сознании носителя языка занимают тексты художественной литературы. Характер и количество текстов художественной литературы в интертекстуальном тезаурусе языковой личности зависит от типа языковой личности. Художественная литература ориентируется, прежде всего, на элитарный и среднелитературный тип языковой личности. Если рассматривать остальные типы языковой личности, у них количество прецедентных художественных текстов резко падает, ограничиваясь, в лучшем случае, ядерными текстами национального литературного «золотого фонда», прежде всего, в сильных позициях – таких, как заголовочный комплекс. Средством воспроизведения интертекстуального тезауруса в рамках языкового коллектива является школьное преподавание литературы как предмета.

Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвузовский сборник научных трудов. – СПб., 1993. – С. 4-12.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 404 с.

O.O. Ипполитов (Воронеж)

ЯВЛЕНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

*(на примере актуализации концепта
«Жизненный путь-дорога» в русском языковом сознании)*

Концептосфера любого носителя сознания включает в себя множество концептов разных видов [Ипполитов 2012; Попова, Стернин 2007; Рудакова 2002].

При рассмотрении концепта «Жизненный путь-дорога» как элемента различных концептосфер (индивидуальной, групповой и даже национальной) русского языкового сознания можно обратить внимание на достаточно частое возникновение диверсификации (от лат. *diversus* – разный и *facere* – делать), то есть ситуации осознания неоднозначности потенциально возможного предстоящего будущего и необходимости совершения в связи с этим ряда определенных действий (можно расценивать как следование известной поговорке «знал бы, где упаду – соломки подстелил бы!»).

Проявляется это в различных планах.

В количественном плане диверсификация может проявляться на уровне одной из соответствующих концептосфер:

а) индивидуальной (когда каждый отдельно взятый носитель сознания оценивает различные возможные варианты будущего со своей собственной точки зрения);

б) групповой (формирование оценки различными носителями сознания, осознающими позитивность своей коллективной целостности и опасающимися утраты перспектив ее существования – « дальнейшей жизненной дороги группы»);

в) национальной (мнение подавляющего большинства носителей сознания, считающих себя частью конкретного народа и рассматривающего свой собственный жизненный путь в том числе в качестве элемента общего с другими путей).

В содержательном плане диверсификация может проявляться как минимум на одном из трех уровней:

1) теоретическом – когда носитель сознания оценивает возникающую на его жизненном пути предполагаемую разновариантность как маловероятную и никаких реальных действий не предпринимает;

2) достаточном – когда носитель сознания оценивает предполагаемую разновариантность как вполне вероятную, но исходит из оценки, что для обеспечения стабильности его положения в тех или иных ситуациях уже сделанного им должно оказаться достаточно;

3) деятельностном – когда ввиду прогнозируемой поливариантности носитель сознания совершает определенные действия, чтобы «подстраховаться» «на всякий случай».

В соответствие с обозначенными параметрами представляется возможным формирование обобщенной матрицы со следующими узлами и объективирующими их примерами:

А1. Индивидуальный теоретический: *Мне на голову может обрушиться лепнина с карниза «сталинки», но делать крюк вокруг здания мне не охота* (лепнина то ли обвалится, как в прошлом месяце, то ли нет).

А2. Индивидуальный достаточный: *Банковский кризис мне не грозит – у меня все деньги вложены в подушку* (кризис то ли произойдет, то ли нет).

А3. Индивидуальный деятельностный: *Я параллельно получаю еще одно высшее образование – кто знает, где и кем доведется работать?*

Б1. Групповой теоретический: *Ни за что не поверим, что наш отдел могут сократить!*

Б2. Групповой достаточный: *Наша кафедра проверок не боится – у нас вся документация ведется аккуратно.*

Б3. Групповой деятельностный: *Если мы все не выполним задачу, нас просто сократят!*

В1. Национальный теоретический: *Да какая сейчас может быть термоядерная война?!*

В2. Национальный достаточный: *Экспортируемых энергоресурсов еще нашим правнукам хватит!*

В3. Национальный деятельностный: *Доллар растет, значит, надо за рубли закупать бытовую технику.*

Рассмотрение явления и развития ситуаций диверсификации на различных занятиях с учащимися имеет не только теоретическое, но и важное общепедагогическое значение. Подрастающим поколениям необходимо давать позитивные (для социума) жизненные ориентиры, формировать из них деятельностную смену нынешнему работающему поколению. И одной из важнейших задач при этом следует признать привитие каждому носителю сознания, готовящемуся вступить в самостоятельную жизнь, умений и навыков в любой неоднозначной ситуации искать различные варианты разрешения проблемы.

Поставленную задачу представляется возможным выполнять при использовании фрагментов различных мемуарных источников, когда достоверность предлагаемого к рассмотрению материала обеспечивается самим жанром его источника.

Ипполитов О.О. Концепт «Путь-дорога» на материале мемуарной прозы // Когнитивные исследования языка. Вып IX: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012 г.: сб. материалов. – М.: Институт языкоznания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 669-672.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2002. – 80 с.

Д.Л. Карпов (Ярославль)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ

Статья подготовлена в рамках проекта, реализуемого на средства «Проект-победитель» Грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2016/2017.

Проблема коррупции в настоящее время является одной из важнейших в современном российском обществе: только за последнее время был инициирован ряд громких уголовных дел, обновлено антикоррупционное законодательство, ежегодно выходит национальный план противодействия коррупции.

Не последнюю роль в процессе борьбы с коррупцией играют гуманитарные науки, прежде всего речь идет о лингвокриминалистике, которая только наращивает свой теоретический и практический опыт, но в то же время молодая наука активно развивается.

Вследствие того, что в российском законодательстве недостаточно четко определены многие термины, необходимые для квалификации фактов дачи/получения взятки, филологи вынуждены прибегать к дополнительным средствам анализа текста.

Так, например, в юриспруденции так и не сформулировано окончательное определение понятия «взятка», что может объясняться разнородностью самого явления, широким диапазоном его признаков.

По нашему мнению, в определении значения слова в ходе исполнения экспертизы важную роль играет тематический анализ спорного текста. Именно он помогает реализовать основополагающий принцип лингвистической экспертизы: «любое явление рассматривается только в контексте».

Рассмотрим случай, показывающий значимость тематического анализа спорного текста по антикоррупционным делам.

На рассмотрение эксперту были даны записи диалогов сотрудников полиции (М1 и Ж1), в которых один предлагал «замять», «тянуть» дело и не передавать его в суд, предлагая за это вознаграждение под видом премии [Стернин, Карпов 2013]. При этом сама номинация передаваемых денег – «премия» – встречается в тексте диалога лишь в одном фрагменте, но повторяется несколько раз:

M1.: То есть тебя тоже, как и меня, не премировали? Или премировали?

...
M1.: Надо тебя премировать (слышны шаги, ходит по кабинету). Давай, мы тебя премируем?

...
M1.: Я тебя премирую.

...
M1.: Я тебе не взятку предлагаю, я тебе премию, как руководитель предлагаю.

...
M1.: ...я тебя как руководитель премирую.

В контексте появляется и слово «взятка», что уже служит сигналом для эксперта потенциальной коррупционной ситуации. В то же время из фрагмента диалога продолжительностью ок. 3 минут (вся стенограмма продолжительностью ок. 50 минут) нельзя точно определить, о чем именно идет речь, эксперты, проводившие первичную экспертизу, определили передачу средств как собственно премию.

Несмотря на то, что анализ приведенных выше фраз дает возможность определить, что слово «премия» в данном тексте употреблено в не свойственном ему значении, микроконтекст не позволяет сформулировать контекстуальное значение слова. Кроме того, из анализа микроконтекста нельзя установить, для чего передаются денежные средства.

Каждое из определений термина «взятка», данное Уголовным кодексом РФ, непосредственно связано с целью передачи денежных средств: «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам», «совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц», «за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц» [УК] и пр.

Таким образом, чтобы дать достаточное, пусть и не полное, определение значения слова «премия» в рассматриваемом тексте, необходимо провести тематический анализ всего текста (в рассматриваемой экспертизе вопрос, требующий этого, был сформулирован как «в чём суть разговоров?»), а не только тех фрагментов, на которые обращено внимание эксперта следователем (в данном случае вопрос о цели подследственного также не был сформулирован).

Тематический анализ выявил следующие цели взяткодателя:

1. Неисполнение обязанностей (просьба затянуть дело: *M1.: Сколько тянуть будешь, сколько можно вытянуть по срокам? M1.: Мы сколько сможем срок потянуть? M1.: Сколько ты будешь ее доделывать? / Ж1.:*

Там работы на сутки / М1.: Ну хорошо – это две недели. М1.: А заболеть?)

2. Просьба достать телефон свидетеля: *М1.: Реально узнать этот телефон? М1.: Скажи: «Телефон-то дай».* *М1.: Только нужен номер телефона и все. Кроме тебя это никто не сделает.* *М1.: Не знаю, ты просто телефон узнай.* *М1.: Ты просто скажи край, прокуратура, нужен номер телефона, билинг вот и все и пр.*

Таким образом, необходимо сделать вывод, что действия, о которых просит М1 являются незаконными: откладывание разбирательства по уже расследованному делу, раскрытие номера телефона свидетеля третьему лицу.

Безусловно, передача денег от М1 к Ж1 не может быть интерпретирована как премирование: «1) Официальное денежное или иное материальное поощрение в награду за что- н.; 2) Дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за перевыполнение плана, за снижение себестоимости продукции и т.п.».

С помощью тематического анализа эксперт может сделать однозначное заключение о том, речь в спорном тексте идет именно о взятке: «Получение [а также дача. – Д.К.] должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе» [УК].

Именно анализ контекста позволяет наиболее точно определить значение употребляемого в спорном тексте слова **«премия»**: дача лично должностному лицу взятки в виде денег за приостановление передачи уголовного дела в суд, а также передачу телефона свидетеля третьему лицу, т.е. за действия, которые входят в служебные полномочия должностного лица.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СЛОВА
В ТЕМПОРАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**
(на примере слова «декрет»)

Семантика слова подвержена темпоральным изменениям – она меняется со временем. Это проявляется в следующих аспектах:

- появление новых значений;
- переход значений в категорию устаревших;
- исчезновение старых значений;
- изменения в составе семантических компонентов значений.

Это явление может быть проанализировано на примере общественно-политической лексики, то есть лексики, наиболее подверженной влиянию изменений в обществе, отражающей эти изменения.

В рамках русского языка это может быть прослежено на материале имеющихся словарей XX – XXI веков: например, в словаре Д.Н. Ушакова отражена общественная ситуация 30-х гг. XX века, период строительства социализма и идеологической борьбы с буржуазным наследием, буржуазной идеологией; «Толковый словарь языка Совдепии» создан в эпоху перестройки и поясняет значения периода развитого социализма; словарь С.А. Кузнецова отражает современное состояние российского языкового сознания.

Сопоставить значения трех временных периодов можно следующим методом:

1. Выписываются единым списком несовпадающие значения всех исследуемых временных периодов.
2. Отмечаются совпадающие значения в каждом из словарей.
3. Значения, совмещающие (обобщающие) в словаре несколько значений, разбиваются на отдельные значения и тоже расписываются.
4. Сопоставляются значения по представленности в разных временных периодах, выделяются несовпадающие (характерные только для отдельных периодов).
5. Выявляются устаревшие значения.
6. Выявляются вышедшие из употребления значения.
7. Выявляются появившиеся значения.
8. Совпадающие значения разных временных периодов сравниваются по составу семантических компонентов, выявляются появившиеся и ушедшие семантические компоненты.

Покажем методику на примере анализа темпоральной траектории развития слова ДЕКРЕТ.

ДЕКРЕТ

	Представленность в языковом сознании 30-80-х гг. ХХ в.		Pредставленность в языковом сознании нулевых гг. ХХI в.
Список словарных значений	Толковый словарь Д.Н. Ушакова	Толковый словарь языка Совдепии	Толковый словарь С.А. Кузнецова
1. Постановление верховной власти, имеющее силу закона	Постановление верховной власти по какому-либо вопросу, имеющее силу закона	- (но значение существует)	Постановление верховной власти по какому-л. вопросу, имеющее силу закона
2. Декретный отпуск по беременности	-	Декретный отпуск по беременности	- (но значение существует)

Анализ показывает, что в 30-е годы у слова ДЕКРЕТ не представлено значение «декретный отпуск», оно появляется в языковом сознании позже.

В нулевые годы значение «постановление верховной власти по какому-либо вопросу, имеющее силу закона» существует, но приобретает характер историзма, уже не употребляется в современном языке, а значение «декретный отпуск» актуализируется в структуре значения. Наблюдается тенденция к перестройке смысловой структуры слова ДЕКРЕТ: одно значение постепенно ослабляется, становится историзмом, второе появляется и актуализируется.

Таким образом, значение слова ДЕКРЕТ меняется со временем. Основными формами темпоральных изменений в его семантике являются:

- выход значения из активного употребления;
- появление у слова новых значений;
- появление в семантике слова сем «историзм», «устаревшее»;
- изменение оценочной семантики слова.

Темпоральная динамика изменения семантики слов может быть выявлена путем сравнения семантики слов в словарях разных временных периодов.

C.B. Коваленко (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ АНТРОПОНИМА ПИКАССО

Цель нашего исследования заключается в определении психолингвистического значения имени собственного. Рассмотрим эту проблему на примере имени художника Пабло Пикассо.

В ходе исследования были проведены свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) со стимулом *ПИКАССО*, направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ) со стимулом *ПИКАССО* – *какой* и направленный ассоциативный эксперимент со стимулом *ПИКАССО* – *что делает*. Испытуемыми явились 200 жителей Воронежа в возрасте от 18 до 35 лет. Эксперимент проводился в ноябре 2016 г. – марте 2017 г.

Результаты ассоциативных экспериментов были обработаны, построены ассоциативные поля исследуемого имени собственного. Для описания и систематизации полученных данных мы использовали метод семной интерпретации [Стернин, Рудакова 2011, с.130], в результате чего было сформулировано психолингвистическое значение исследуемого антропонима. Для каждой семьи был вычислен индекс яркости (ИЯ).

ПИКАССО 600 ии

Известный 0,03 художник 0,51 по имени Пабло 0,04, создающий работы, принадлежащие к направлению абстракционизма 0,01; своеобразный 0,10, талантливый 0,04, творческий 0,02, интересный 0,01, плохой 0,01 художник.

Менее 0,01: абстрактно мыслящий, авангардист, балагур, безухий, великий, веселый, взрослый, возвышенный, вызывает положительные эмоции, грустный, делает мир лучше, заурядный, его работы сложны для восприятия, импрессионист, импульсивный, испанец, итальянец, классический, красивый, кривой, кубист, лежит, лысый, любит жену Галу, меняет восприятие, мечтает, модернист, нарисовал много картин, нарисовал «Черный квадрат», носил берет, носил шарф, познавательный, показывает, полный, психически нездоровый, разный, рисовал неоднозначные полотна, рисовал размытые картины, рисовал часы, рисует красочные картины, с особенными глазами, сидит, скульптор, соответствующий своему времени, сумасшедший гений, сюрреалист, театральный, усатый, утонченный, французский, худой, экспериментатор.

Неинтерпретируемые реакции: буратино 1.

Отказы 44

Обсуждение результатов

Результаты эксперимента позволяют выделить два значения данного антропонима.

1. Пабло Руис-и-Пикассо, испанский и французский художник, скульптор, график, театральный художник, керамист и дизайнер. Выявленные в трех экспериментах семантические компоненты можно интегрировать в 61 сему. Наиболее яркой является сема *художник* (ИЯ 0,51). Высокий индекс яркости данной семьи свидетельствует о наличии сильного ядра [Коваленко 2017, с. 30]. Выявлены ложные семьи: *абстракционист* (ИЯ 0,01), *безухий*, *итальянец*, *нарисовал «Черный*

квадрат», рисовал часы (ИЯ менее 0,01).

Индекс знания этого значения составляет 0,90. Слово в этом значении имеет очень высокий уровень освоенности. В ходе исследования было выявлено 33 семы, представленные одной реакцией. Появление этих сем мотивировано в основном личностными качествами и деятельностью носителя имени.

2. Поэт. Данное значение является ложным. Индекс знания этого значения составляет менее 0,01.

Выделяется малое количество неинтерпретируемых реакций (0,2%) и отказов (7,3%).

Индекс субъективной освоенности слова в целом составляет 0,93.

Таким образом, имя **ПИКАССО** является актуальным для языкового сознания современных носителей языка.

Коваленко С.В. Семантическое сходство собственных имен // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 27-32.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

H.A. Козельская (Воронеж)

К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОЙ СПЕЦИФИКИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

(на примере лексем *учитель* и *учительница*)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021.

С целью выявления гендерной специфики семантики слова мы сопоставили психолингвистическое значение лексем *учитель* и *учительница*, полученное с помощью методики семной интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента (см. методику [Рудакова 2014]), в котором участвовали преимущественно молодые люди – жители Воронежа, Воронежской области и некоторых близлежащих городов (100 испытуемых).

Как известно, в толковых словарях изъяснение слов, называющих лиц по роду их деятельности и имеющих форму двух родов, обычно осуществляется по мужскому роду, напр.: **Учитель**. 1. Тот, кто преподает какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель... Учительница ж. [БТС].

В нашем эксперименте на основании интерпретации ассоциатов рассматриваемых стимулов были сформулированы следующие психолингвистические значения рассматриваемых лексем:

Учитель – человек, который профессионально занимается преподаванием учебных предметов в школе (реже в вузе) и воспитанием учеников, обладает знаниями, умом, добротой; пользуется уважением, обычно одобрительно оценивается, вызывает и положительные, и отрицательные эмоции. СИЯ 98.

Учительница – лицо женского пола, преподает учебные предметы в школе, обладает знаниями, умом, строгим характером; обычно одобрительно оценивается, вызывает и положительные, и отрицательные эмоции. СИЯ 84.

Сравнение семантического наполнения семем **учитель** и **учительница** позволило выявить более конкретно их сходство и различие. В семемах лексем **учитель** и **учительница** есть общие семы, которые совпадают и различаются по совокупному индексу яркости. Они представлены в Таблице 1 (цифры обозначают индекс яркости семы – ИЯС, вычисленный как отношение количества ассоциатов, относящихся к одной семе, к совокупному индексу яркости всей семемы – СИЯ).

Таблица 1

Общие семы	Учитель	Учительница
место работы (школа)	0,22	0,22
наличие знаний	0,05	0,03
наличие интеллекта	0,03	0,04
предмет преподавания	0,01	0,07
по характеру строгий	0,01	0,09
по характеру добрый	0,02	0,02
внешний облик	0,01	0,03
вызывает одобрение	0,09	0,05
вызывает неодобрение	0,02	0,02
вызывает отрицательные эмоции	0,01	0,01
вызывает положительные эмоции	0,01	0,01

Как видим, в обеих семемах самой яркой и совпадающей семой оказывается сема *место работы*; на втором месте в семеме **учитель** сема *наличие знаний* (*знания 2, дает знания 1, доносчик знаний 1, ученый человек 1*), а в семеме **учительница** – сема *по характеру строгая (строгая 8)*; на третьем месте в семеме **учитель** – *наличие интеллекта (ум 2, умный 1)*, а в семеме **учительница** – *предмет преподавания (математики 3, немецкого языка 2, русского языка 1)*.

Очень ярко в семеме **учитель** представлена сема одобрения (*хороший 2, величайший, идеал, от Бога, правильный, светлое, святой, хороший человек 1*), а неодобрение, отрицательные и положительные эмоции в обеих сравниваемых семемах оказались одинаковыми по яркости. Есть

сходство и в идентификации обоих стимулов, через понятие о самом родном и близком человеке: это, например, мама 1.

Эндемичными для семемы **учитель** являются семы: *может быть другом 0,04 (друг, помочь, понимание, товарищ 1); является воспитателем 0,05 (наставник 2, педагог 2, классный руководитель 1); с низкой зарплатой 0,03 (бедный человек, без зарплаты, зарплата 1); вызывает сочувственное отношение 0,03 (бедный человек, нервы, тяжело 1); пользуется уважением 0,02 (уважаемый, уважение 1).*

Для семемы **учительница** эндемичные семы: *по характеру злая 0,01; по возрасту молодая 0,01; выглядящая современно 0,01.* В ассоциативном поле данного стимула самой значительной по количеству является синтагматическая реакция *первая 11, первая моя 1.* Это говорит о коммуникативной востребованности слова и может быть интерпретировано как отдельная сема – *дает начальные знания* – эндемичная для семемы **учитель**.

Анализ психологически реального значения лексемы **учитель** показывает, что в обыденном сознании молодых она актуализирует представление о профессии как таковой, предполагающей обучение и воспитание молодого поколения в школе и вузе; одобрительной общественной оценке этой профессии и социальной незащищенности ее представителей. В семантике лексемы **учительница** ярче представлены семы, формирующие более конкретное понятие о человеке – женщине, которая дает начальные знания ребенку в школе, преподает разные предметы, отличается строгостью, но вместе с тем вызывает положительные эмоции и одобрение. Фактически исследуемые лексемы не составляют пару обозначений, отличающихся только гендерной принадлежностью, это близкие, но не совпадающие по значению слова.

Таким образом, методика семантической интерпретации позволяет выявить гендерные особенности семантики слова, которые остаются имплицитными при толковании слова лексикографами в толковом словаре.

БТС – Большой толковый словарь русского языка [сост. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография. – Воронеж: Истоки, 2014. – 184 с.

Е.И. Колесникова (Воронеж)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ СЛОВА

Целью исследования является выявление мужской и женской специфики семантики слова по методике, изложенной в [Колесникова 2015; Стернин,

Рудакова 2011, с. 19-27, 139-164]. Материалом для анализа послужили результаты ассоциативных экспериментов с 50 словами.

Проведенное исследование показывает, что в языковом сознании носителей языка отчетливо выявляются гендерные особенности семантики слова.

Гендерная специфика значений исследованных единиц проявляется в следующих формах:

1. Значения совпадают, но заметно различаются по яркости в сознании мужчин и женщин (35 % единиц).

Например, значениями, демонстрирующими существенные различия по яркости, в слове **БОЛЬШОЙ** являются:

- занимающий высокое общественное или служебное положение (в мужском сознании выражено на 34% ярче);
- имеющий лишний вес (эксп.) (в мужском сознании выражено на 48% ярче);
- вышедший из младенческого возраста, подросший (в женском сознании выражено на 36% ярче);
- важный по содержанию, значению; серьезный (в женском сознании на выражено 84% ярче);
- характеризующийся высшими достижениями; представленный выдающимися деятелями, мастерами высокого класса (в женском сознании выражено на 64% ярче).

Значениями, демонстрирующими существенные различия по яркости, в слове **ДУМАТЬ** являются:

- намереваться, собираться делать что-л. (в мужском сознании выражено на 48% ярче);
- скучать (эксп.) (в мужском выражено сознании на 86% ярче);
- считать виновным в чем-н., подозревать (в женском сознании выражено на 28% ярче).

2. Наличие чисто мужских значений (11,5% единиц).

Например, в слове **БЕЛЫЙ** чисто мужскими значениями являются:

- светловолосый (эксп.);
- символизирующий пустоту, отсутствие чего-либо (эксп.);
- элегантный (эксп.).

Чисто мужскими значениями слова **ДУМАТЬ** являются:

- заботиться, беспокоиться;
- ничего не делать (эксп.);
- заниматься интеллектуальной деятельностью (эксп.).

3. Наличие чисто женских значений (8,6% единиц).

Например, чисто женскими значениями слова **ДУМАТЬ** являются:

- лолагать, считать, предполагать;
- искать (эксп.).

Чисто женское значение слова ***РАБОТА*** – *продукт труда, изделие, произведение.*

Чисто женское значение слова ***ВЫСОКИЙ*** – *выдающийся по значению; почетный, важный.*

Выявляются также гендерные семные различия в структуре значений, которые проявляются в наличии чисто женских сем, чисто мужских сем и заметных различиях по яркости совпадающих сем. Например, в слове ***ВОЕННЫЙ*** чисто женской семой является сема *красивый* (СИЯ 0,10), чисто мужскими семами – *предназначенный для осуществления операций* (СИЯ 0,13), *противоположно мирному* (СИЯ 0,06).

Можно сделать общий вывод о том, что частотное ядро русского языка является преимущественно гендерно маркированным (86%).

Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова // Сопоставительные исследования 2015: сб. науч. трудов. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 30-36.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

A.C. Колпакова (Борисоглебск)

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА «НОВОГО СЛОВА» В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Целью проведенного психолингвистического эксперимента явилось выявление субъективного восприятия *нового слова* в обыденном сознании носителей русского языка. В эксперименте участвовали слушатели лектория «Русский язык сегодня» в Воронежской областной научной библиотеке им. И.С. Никитина.

Испытуемыми явились люди в возрасте от 14 до 40 лет, всего 61 человек: курсанты, старшие школьники, студенты вузов, преподаватели (мужчин – 22, женщин – 37, двое испытуемых не указали свой пол и возраст).

Испытуемым предлагалось закончить фразу «я считаю новыми такие слова, как ...» и написать не менее 3 слов, которые по их представлению являются новыми в русском языке.

В результате эксперимента были получены 157 реакций, двое участников эксперимента не выполнили задание (мужчина в возрасте 19 лет и женщина в возрасте 40 лет).

Носители русского языка считают новыми следующие слова: *селфи* – 21; *хайп* – 10; *мерчендайзер* (*менчердайзер*) – 7; *блогер* – 5; *айфон*, *менеджер* – 4; *смартфон* – 3; *вайбер*, *вкусняшка*, *вульгарный*, *импицмент*,

киллер, компьютер, мян, промоутер, социальные сети, фейк, фрилансер, юзать – 2; адронный коллайдер, актуальный, апгрейд, бизнесмен, блатной, бортовик, буби, веган, вейпер, вертушка, воркаут, гуглить, дежурка, дигитал, дрон, жиза, инноватика, интернет, карьерист, кек, компьютер, копирайтер, лайк, лайкать, лаучер, любовь, маникюр, менеджер по клинингу, менеджмент, модерн, модерн, модернизация, мониторинг, монтаж, мысли, нанотехнологии, неологизм, носитель информации, общага, оккультист, парить, пилотаж, планишет, плойка (сонька), полиция, праймериз, репост, репостить, ролл, саммит, селфи-палка, стейк, стиль, стим, таблетка (планишет), тайминг, трэш, тупить, упороться (выпить), фейсбук, флешка, фрагмент, френч-пресс, фреш, хайтер, хоккей, чел, чикуля, ЧПОк, чушок, шалава, шипперить, шоуром, штраф, эгzon (эгоист), эгоист, шопинг, все компьютерные слова – 1.

Ядро: селфи – 21;

Ближняя периферия: хайп – 10; мерчендайзер (менчердайзер) – 7;

Дальняя периферия: блогер – 5; айфон, менеджер – 4; смартфон – 3; вайбер, вкусняшка, вульгарный, импичмент, киллер, компьютер, мян, промоутер, социальные сети, фейк, фрилансер, юзать – 2.

Таким образом, в языковом сознании носителей современного русского языка существует достаточно явно выраженное представление о том, какие слова в русском языке *новые*. Прежде всего, это *селфи*, *хайп* и *мерчендайзер*, а также *блогер*, *айфон*, *менеджер*, *смартфон*, *вайбер*. Обращает на себя внимание, что все эти слова иностранные, при этом некоторые из них уже давно не новые, например *блогер*, *менеджер*, *мерчендайзер*. Это свидетельствует о том, что в оценке слова как *нового* носители языка используют также такие признаки, как *иностранные*, *заимствованное* и, возможно, *непонятное*, *непривычное для меня*.

При этом у испытуемых практически не возникает трудностей в эксперименте (всего 2 отказа из 61 участника), что свидетельствует о том, что такой параметр как *новизна слова* актуален в языковом сознании носителей языка.

О.Ю. Крючкова, Н.В. Крючкова (Саратов)

ГНЕЗДОВЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВ-СТИМУЛОВ

Анализ ассоциативных статей производных имен существительных разной словообразовательной структуры (*голосование, выборы, дружба, простота, старец, волшебник, птенчик, матушка* и др.) и ассоциативных статей непроизводных имен существительных (*гость, ярмарка, деньги, смех, комната, дорога, спектакль, завтрак, ужин, гастроли*,

катастрофа) показал, что гнездование (группы однокоренных реакций) – явление регулярное для стимулов-существительных независимо от характера их словообразовательной структуры и типа словообразовательной семантики. Гнездовые фрагменты с тем же корнем, что и стимул (гнезда стимула), или гнездовые фрагменты с другим корнем (инокорневые гнезда) отмечены во всех 35 проанализированных ассоциативных статьях Русского ассоциативного словаря [РАС 1994-1998] и Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников I–XI классов [РАСШ 2011].

В большинстве ассоциативных гнезд производных слов-стимулов присутствуют как их непосредственно мотивирующие, так и (в случаях производности непосредственно мотивирующего слова) вершина – «исходное» слово словообразовательного гнезда. Ср.:

- S *голосование* – R *голос, голосуют, голосовать, голоса, голосует, голосуем, голосуйте за, голосую;*
- S *птенчик* – R *птица, птенцы, птицы, птенец, детеныши птицы, маленькая птица, птица-малыш, птица-ребенок.*

Из 11 непроизводных (немотивированных в синхронии) стимулов в РАСШ только два (*ярмарка* и *спектакль*) не дали инокорневых со стимулом реакций. При этом инокорневые гнездовые фрагменты в этих ассоциативных статьях представлены достаточно широко.

Существуют условия, стимулирующие или снижающие появление гнезд стимулов: прозрачная словообразовательная и морфемная структура слова-стимула, значительный объем соответствующего языкового словообразовательного гнезда и употребительность его единиц vs. общеязыковые процессы деэтимологизации и лексикализации словообразовательно мотивированных слов-стимулов. Однако в целом связи по типу словообразовательных пар и словообразовательных цепей относятся к числу регулярных в ассоциативно-вербальной сети среднего носителя языка. К числу устойчивых корреляций этого вида относятся:

- наименования лиц мужского пола – их феминные корреляции: *господин – госпожа, учитель – учительница, волшебник – волшебница;*
- словообразовательные пары и цепочки, включающие имена существительные с субъективно-оценочным значением: *мать – матушка, птица – птенец – птенчик, птица – птаха – пташка;*
- пары «прилагательные – существительные со значением отвлеченного признака»: *старый – старость, волшебный – волшебство, простой – простота;*
- пары «глагол – отглагольные имена на -ение, -ние»: *впечатлять/впечатлить – впечатление, голосовать – голосование, предложить / предлагать – предложение, сражаться – сражение, молчать – молчание;*
- имена лиц и их производящие: *бандит – банда, воин – воевать, волшебник – волшебный, старец – старый.*

Наличие типовых пар и цепей в составе гнезд стимулов свидетельствует о психологической устойчивости соответствующих словообразовательных связей, о существовании в языковом сознании и предречевой готовности говорящих целостных семантико-коммуникативных блоков и их значительной роли в осознании семантики слов-стимулов.

Во всех проанализированных ассоциативных гнездах стимулов обнаруживаются семантические фрагменты, устойчиво повторяющиеся у разных групп испытуемых. Такие фрагменты можно охарактеризовать как типовые семантические блоки ассоциативного словообразовательного гнезда. Типовые фрагменты ассоциативных словообразовательных гнезд маркируют основные элементы осознаваемого говорящими содержания слова-стимула, нередко выделяют наиболее значимые компоненты фрейма соответствующего понятия.

Например, типовой блок гнездовых реакций на S *старец*: *стареть, старость, старый, старик, старуха* – включает указание на становление качественного признака (*стареть*), наименование самого признака (*старый*), в том числе в его абсолютированном виде, в отвлечении от конкретной ситуативности, признака как такового (*старость*), указание на лиц – носителей данного признака, в том числе с учетом их гендерной принадлежности (*старик, старуха*).

В блок типовых реакций на S *простота* входят лексемы *простой, просто, простофиля, простак, простушка*, которые репрезентируют стратегию осознания стимула путем выделения (наименования) самого качественного признака и лиц – носителей данного признака.

В типовом фрагменте ассоциативного словообразовательного гнезда на S *выборы* (*выбрать, выбирать, выбор, избрать, избирать, избиратель*) представлены основные слоты фрейма события *выборы* – цель мероприятия и участник, определяющий его результат.

Блок типовых реакций на S *вешалка* (*вешать, вешаться, повесить, повеситься, виселица*) свидетельствует об устойчивой ассоциативной связи данного стимула с ситуацией другой референтной области, возникающей вследствие многозначности мотивирующего глагола *вешать*. Влияние мотивирующего глагола на осознание мотивированного им стимула служит еще одним подтверждением предположения о парном (блочном) существовании в ассоциативно-вербальной сети корреляций «мотивирующее – мотивированное».

«Точками конденсации смысла», «точками концентрации сем, характеризующих слово-стимул» (см. [Караулов 2010, с. 167-171]) служат не только группы однокоренных со стимулом реакций, но и другие, инокорневые словообразовательные гнезда в ассоциативной статье стимула. Ср., например, в РАС: R *мудрый, мудрец, мудрость* на S *старец*; R *душевный, душа* на S *простота*; R *демократия, демократический* на S *выборы*; группы инокорневых гнездовых реакций на S *вешалка*: *одежда,*

одежная; коридор, коридорная; раздевалка, раздеваться; театр, театральная. В ассоциативной статье *S ярмарка* в РАСШ выделяется более 10 гнездовых фрагментов с корнями-основами *весел-, город-, крас-, куп-, пестр-, прода-, цвет-, слад-, торг-, шум-, ярк-*; в ассоциативной статье *S спектакль* отмечены фрагменты гнезд с такими корнями-основами, как *актер-, весел-, драм-, зр-, игр-, интерес-, кукл-, маск-, показ-, сцен-, театр-*. Вместе с собственно гнездами стимула (однокорневыми по отношению к стимулу реакциями) инокорневые гнезда очерчивают основные контуры актуального содержания стимула, существующего в сознании массового (среднего) носителя языка.

Роль гнездовых ассоциативных реакций в раскрытии актуальной семантики слов-стимулов, наличие устойчивых словообразовательных корреляций между стимулом и его ассоциатами дают основание поставить на обсуждение вопрос о целесообразности включения в словарные описания актуальных значений слов зоны актуальных дериватов, представляющей актуальные, психологически реальные деривационные связи слова.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 328 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – Кн.1–6. – М.: Поморский и партнеры, 1994–1998: [Электронный ресурс]. URL: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php>.

РАСШ – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 тт. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартынов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.

И.А. Кудрейко (Донецк)

СЛЕНГ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В 60-е годы XX века началось планомерное изучение русского разговорного языка. Именно в этот период объектом изучения стала естественная повседневная устная речь горожанина. Следует отметить, что на современном этапе эти исследования не утратили своей актуальности, так как функционирующая на различных территориях русская речь является источником материала по лексикологии, фонетике, морфологии, синтаксису изучаемого языка. Главной предпосылкой успешного исследования русской городской речи является надежная методологическая обеспеченность. Среди многочисленных методов сбора лексики выделяем анкетирование. В нашей анкете большая часть вопросов специализирована, разбита на тематические группы, касающиеся человека,

сфер его деятельности и т.п.; отдельную группу составляют многозначные слова. М. Покровский отмечал, что история значения известного слова будет только тогда понятной, когда это слово будет изучаться в связи с другими словами, синонимическими с ним, а главное, с теми, которые не принадлежат к одному кругу представлений и которые входят в состав одной лексико-семантической группы (далее ЛСГ).

В работе анализируем молодежный сленг, который в последнее время заметно активизировался. Л. Ставицкая отмечала, что периоды активизации молодежного сленга совпадают с периодами общего стилистического снижения языка. Исследовательница выделила четыре волны развития молодежного сленга с начала XX века: первая волна – 1920-е гг., когда революция и гражданская война породили армию беспризорников, а речь молодежи пополнил «блатной» лексикон; вторая волна – 1950-е гг. связана с появлением «стиляг»; третья волна – 1970-1980 гг. появление неформальных молодежных движений; четвертая волна – начало 1990 гг., когда общие процессы демократизации повлияли на языкотворчество молодежи. В начале XXI в. на территории Донецкой области мы наблюдаем пятую волну активизации молодежного сленга, которая обусловлена общественными процессами, происходящими на исследуемой территории.

Материалом исследования стали результаты анкетирования, проведенного в начале 2017 г. среди студентов высших учебных заведений г. Донецка. Наиболее многочисленная сленговая тематическая группа касается человека. Эта тематическая группа делится на ЛСГ (парадигмы), среди которых выделим:

1) части тела человека, воспринимаемые зрительно: **амбар** (строение для хранения зерна и т.д.) – **амбар** (лицо): *С твоим амбаром в кино сниматься* (записано от Малакеевой А., г. Донецк); **ветки** (боковые отростки от основного ствола растения) – **ветки** (руки): *Он говорил по телефону и размахивал своими ветками так, что пролил чай на клаву* (записано от Пасечник Е., г. Донецк);

2) название человека: **кадр** (элемент кино- или видеоряда) – **кадр** (неординарная личность): *Этот кадр сильно раздражал моего отца* (записано от Щельниковой Е., г. Донецк), синонимы: **крендель** (кондитерское изделие из сдобного теста, напоминающее восьмерку), **кекс** (сдобное кондитерское изделие с вкраплениями из ягод и пр.): *Все считали, что этот крендель постоянно выпендривается* (записано от Кононец Е., г. Артёмовск); *Этот кекс – у нас душа компании* (записано от Яценко Д., г. Ясиноватая); **хлебушек** (уменьшил.-ласк. к слову «хлеб» в значении: пищевой продукт, выпекаемый из муки) – **хлебушек** (человек с низким IQ): *В комнату ввалился еще один хлебушек – вечер обещал быть веселым* (записано от Щельниковой Е., г. Донецк);

3) действия: **догонять, догнать** (поравняться с движущимся впереди) – догонять (понимать): *Ты совсем не догоняешь?* (записано от Ярошенко Н., г. Макеевка).

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что время существования молодежной субкультуры с комплексом своих норм поведения, идейных и психологических ориентаций определяет существование молодежного сленга как средства выражения мировоззрения этой социальной группы. Следовательно, изучение функционирования молодежных сленгизмов в рамках как определенной группы, так и за ее пределами с последующим переходом в общенародный язык определяют необходимость дальнейших исследований.

Т.Ю. Кудрявцева (Воронеж)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА

На каждом этапе изучения русского языка в иностранной аудитории ключевой, бесспорно, является лексическая работа. Объединяя различные аспекты языка (фонетику, грамматику, стилистику и т.д.), она активизирует знания учащихся и способствует успешному освоению основных видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения и письма). Однако студентам-иностранным в процессе обучения часто приходится сталкиваться со словами, называющими особые, специфические и зачастую уникальные явления русской жизни, реалии национальной культуры, – безэквивалентной лексикой, которая в большинстве случаев оказывается наиболее сложной для понимания, запоминания и воспроизведения. Ведь интерпретацию «самобытных» слов не всегда возможно осуществить с помощью привычных, регулярно применяемых на практике приемов семантизации – наглядности или поиска синонимов [Крючкова 2014, с. 123]. Неслучайно на уроке (особенно в период довузовской подготовки) предпочтение отдается адаптированным текстам, в которых лексические трудности оказываются нивелированными, а внимание переносится на грамматический материал, что позволяет существенно облегчить его усвоение. Но абсолютный отказ от «непереводимых» слов, их последовательное «игнорирование» препятствуют развитию языкового мышления, речевого и культурного кругозора учащихся.

Известно, что семантизация является едва ли не самым ответственным этапом работы с лексикой, и ее способы варьируются в зависимости от речевого материала и уровня подготовки студентов. Зачастую учащимся-нефилологам сразу предъявляется словарное значение. Это лишает их возможности развивать «лингвистическое» мышление, блокирует

«языковую догадку». Между тем «семантический поиск», основанный на «ресемантизации», приращении смысла, уточнении уже известного значения слова, позволяет расширить языковое сознание обучающихся.

При работе с новым текстом студенту можно предложить сформулировать значение незнакомого слова, опираясь на уже имеющиеся знания, на представления о структуре языка, его законах (что нередко используется в русскоязычной аудитории). Этот прием наиболее эффективен для слов с прозрачной внутренней формой и/или слов, легко поддающихся морфемному анализу.

Яркий, «убедительный» контекст также позволяет учащимся самостоятельно «расшифровать» новое, неизвестное им ранее понятие. Так, внимательно прочитав текст о Емельяне Пугачеве [Ковалева 2013, с. 38] и познакомившись с особенностями крестьянского быта в эпоху правления Екатерины II, они, вероятно, смогут дать определение «крепостному праву».

Особый интерес представляют случаи, когда требующее семантизации слово присутствует лишь в заглавии текста. Точность его интерпретации будет напрямую зависеть от убедительности, наполненности самого текста, от количества содержащихся в нем «подсказок».

Если же уровень владения языком не позволяет учащемуся самостоятельно понять какое-то слово и он затрудняется определить его значение, необходимо обратиться к одному из существующих толковых словарей [Аркадьева 2014, с. 14-16], отдавая предпочтение тем из них, в которых не просто дается толкование слов, но и содержится богатый культурологический комментарий, сопровождающийся иллюстративным материалом. Однако после «словарной» работы целесообразно осуществить «обратную семантизацию», продемонстрировав способ определения значения слова без обращения к словарю.

Аркадьева Т.Г., Кольцова Л.М., Кудрявцева Т.Ю., Панова М.В., Чуриков С.А. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 14-20.

Ковалева Л.В. Путешествуем по России. – Воронеж, 2013. – 145 с.

Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 480 с.

СЕМАНТИКА ПОЛЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Если под языковым сознанием понимать «совокупность механизмов порождения, восприятия и хранения системы языка в сознании» [Стернин, Рудакова 2011], то следует признать, что эти механизмы могут быть представлены не только в виде языкового знания на уровне лексико-семантических единиц во всех их связях и употреблениях. Они срабатывают и на более высоком (абстрагирующем) уровне, позволяя генерировать знания о мире, например, в обобщенных категориальных образованиях, к каковым можно отнести категорию безличности.

Содержательная основа безличности – грамматикализованное выражение в языке процессов, состояний, бытия, результатов чьей-либо деятельности вне представления об активном деятеле или предмете мысли как стихийных, самопроизвольных или не зависящих от чьей-либо воли. Сформировавшееся в языковом сознании носителей языка такое пространство имеет все признаки поля (наличие центра и периферии, а внутри поля – частных микрополей; способность к пересекаемости с другими полями, наличие зон синкремизма).

Безличность – прерогатива грамматической семантики, категория грамматического мышления. В метаязыке лингвистики единицы поля безличности (безличные предложения – БП) могут быть представлены инвариантной семантической метамоделью ‘*тогда-то там-то (тому-то, с тем-то) таково делается, происходит*’ и ее модификатором ‘*тогда-то там-то (тому-то, с тем-то) таково*’, где суть безличности формируется 1) филиацией базовой номинативно-глагольной модели предложения в сторону абсолютизации предиката; 2) закрытием позиции подлежащего; 3) семантическим наполнением сформировавшейся модели ‘стихийность, самопроизвольность, независимость от воли субъекта’.

Семантика БП складывается из четырех составляющих: 1) семантики синтаксической позиции главного члена (ГЧ): репрезентация стихийного инволютивного модально-временного процесса (состояния) безотносительно к прямому предмету мысли; 2) лексической семантики предикатного компонента; 3) семантики дистрибуции ГЧ БП, которая определяется семантической валентностью и синтагматическими потенциями предиката; 4) субъективного фактора (негация, модальность, квантификация, метафоризация и проч.).

Методику описания семантики единиц поля безличности кратко представим на примере: *Э, голубчик! обманывай других этим; будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовицою людей* (Н. Гоголь).

1. Семантика позиции: ‘инволюнтивный’ процесс безотносительно к активному субъекту’. Ср.: *будет взбучка и ты получишь*.
2. Лексическая семантика глагольного предиката – экзистенциальность.
3. Семантика дистрибуции наслаждает значение отношения (два участника ситуации) на значение физического воздействия (обязательна позиция каузатива – заполненная или нулевая).
4. Употребление безличной формы глагола в метафорическом значении (ср.: *будет = достанется, влетит*) с фразеологизацией (*Будет тебе!*).

Наложение данного высказывания на эталонную семантическую схему показывает степень наращения смыслов и видоизменения семантического пространства в производной конструкции. На значение инволюнтивно представленного процесса накладывается метафорически переосмыщенное значение физического воздействия одного участника ситуации на другого как рокового, неизбежного. Этим обусловлен выбор говорящим модели БП.

В ядерной группе глагольных БП самый обширный семантический диапазон: *impersonalia meteorologica*, экзистенциально-безличные, инволюнтивно-безличные, результативно-безличные и др.

Периферию поля безличности в процессе развития модели Vf3s и обогащения содержательно-информационной базы БП стали заполнять конструкции с неглагольным предикатом с целью передачи различных статальных состояний природы, среды, человека, социума, состояний как результата чьей-то деятельности, воздействий, а также модально-оценочных отношений к действительности.

М.Н. Лазарева (Пермь)

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИЯХ СМЕЖНЫХ НАУК (на материале французского языка)

Изучение названий растений в качестве терминологических единиц в рамках ботанической терминологии давно является предметом пристального внимания лингвистов [Забинкова 1958; Киселевский 1962; Балашова 1999, с. 226-228; Панасенко 2000]. Вместе с тем известно, что в процессе познания природного объекта его изучение проводится не одной «всеобъемлющей» наукой, а под разными углами зрения различными, хотя и близкими науками. Растительный мир является объектом изучения не только фундаментальной науки – ботаники, но и прикладных наук, в частности, фармакогнозии – раздела фармации, который изучает растения с точки зрения их практического применения в качестве лекарственных средств. Единство объекта изучения предопределяет некоторую общность

терминологического инвентаря, который используют эти науки для обозначения своих объектов.

Разная целевая направленность фундаментальной и прикладной наук обусловливает структурно-семантическое своеобразие терминологических единиц: при совпадении плана выражения план содержания этих лексических единиц часто не совпадает. Это явление, свойственное и другим наукам, связано с тем, что в основе разных систематизаций одного и того же предметного мира лежат разные системы понятий. Поэтому значения одних и тех же терминов, включенных в разные системы понятий, не полностью совпадают друг с другом [Степанов 1977, с. 295-297].

Значительную часть терминов фармакогнозии образуют названия растительного сырья, а также продуктов растительного происхождения (смол, соков, камедей, бальзамов и т. п.) с имплицитной формой выражения структурно-смысовых компонентов. Подавляющее число этих наименований заимствовано, как правило, из редких языков, например: *Galanga* < араб. *khalangjan* ‘сладкий имбирь’ – калган (корневище растений семейства имбиревых); *Circuma* < перс. *kourkoom* ‘шафран’ – куркума, каркамель, желтый имбирь (корень растений семейства имбиревых *Circuma longa* и *Circuma tinctoria*); *Quinquina* < кечуа (язык индейцев в Перу) *kinakina* ‘кора’ – хинная корка (кора южноамериканских растений рода *Cinchona*); *Jaborandi* < гуарани (язык индейцев в Парагвае) – яборанди (листья экзотических деревьев семейства рутовых); *Cachou* < порт. *cacho* (из малайск. *kachi*) – кашу (сок одного из видов акации, *Acacia Catechu*); *Caoutchouc* < исп. *caucho* ‘древесный сок’ – каучук (эластичное вещество, получаемое из сока многих растений-каучконосов).

Эти наименования возникли в языке как обозначения определенным образом обработанного сырья, которое ввозилось из-за границы и точное ботаническое происхождение которого долгое время оставалось неизвестным. Например, *Galanga* (имбирь) как лекарственное сырье было известно уже в 870 г., а производящее его растение было описано лишь в 1870 г. Войдя в лексику французского языка на правах экзотизмов, позднее они оказались включенными в лексическую систему языка, вызвав в ней определенные лексико-семантические изменения.

Возникновение особых экстралингвистических условий (развитие науки, открытие ботанических источников давно известных продуктов) послужило толчком для семантического развития известных терминов. «Пустые клетки» в терминологии ботаники заполнялись уже известными наименованиями, которые получали новое содержание. Наиболее естественным путем развития значений слов явился метонимический перенос. В результате многие лексические единицы, используемые первоначально для обозначения растительного сырья, стали употребляться для обозначения соответствующих растений, например: *Styrax* – 1. *Vaime*

extrait des styrax, employé notamment en parfumerie ou en pharmacie.
2. Arbrisseau de la famille des Styracacées, dont certaines espèces fournissent des baumes.

Характерная особенность данной лексико-семантической группы состоит в одинаковом характере синтагматической сочетаемости, который обнаруживается в торговых наименованиях растительного сырья. Существование торговых названий сырья связано с потребностями мировой торговли и вызвано тем, что один и тот же ботанический вид в зависимости от природных условий его произрастания, особенностей обработки сырья и других факторов может быть источником разных торговых сортов и, наоборот, один и тот же сорт сырья может быть получен от разных с ботанической точки зрения растений. Сохранению торговых названий в терминологии фармакогнозии способствуют не только внеязыковые, но и внутриязыковые причины, так как в случае «межсистемной» полисемии в торговых названиях происходит актуализация значений, релевантных для системы понятий прикладной науки.

Торговые названия состоят из двух слов: первое представляет собой общепринятое обозначение сырья или продукта, второе дает ему внутривидовую характеристику на основе различных параметров. Очень часто разграничение торговых сортов происходит по географическому признаку, например, корень солодки (*Réglisse officinale*), получаемый из растения *Glycyrrhiza glabra* (солодка голая), поступает на рынок под торговыми марками *Réglisse d'Espagne (d'Alicante)*, *Réglisse de Bayonne*, *Réglisse de Calabre*, *Réglisse de Russie*, *Réglisse d'Iran*. Синтагматическая сочетаемость фитонима *Réglisse* с обозначениями географических объектов снимает междисциплинарную полисемию, указывая на принадлежность к терминологии прикладной науки.

В подобных наименованиях наблюдается отсутствие того значения («смысловой структуры»), которое было заложено в них первоначально. Так, например, в словосочетаниях *Semen-contra de Russie ou de Sarepta* (русское, или сарептское цитварное семя) указано название страны или порта, через которую сырье транспортировалось в Европу. Со временем этот транзит изменился, но первоначальное название сорта сохранилось.

Помимо географического признака, основой для дифференциации сырья могут служить некоторые особенности его внешнего вида (форма, цвет, размер, запах и т.п.). Например, ароматичная камеде-смола стиракс, получаемая из растений стиракс припудренный (*Styrax pulverulenta*), стиракс лекарственный (*Styrax officinalis*), ликвидамбар восточный (*Liquidambar orientalis*), имеет несколько торговых названий *Styrax solide*, *Styrax liquide*, *Styrax rouge-brun*, *Styrax blanc*, *Styrax en pain*. Одна и та же лексическая единица *Styrax* обслуживает терминологию и фундаментальной, и прикладной науки, но различная синтагматическая

сочетаемость снимает междисциплинарную полисемию: в словосочетаниях *Styrax officinalis*, *Styrax pulverulente* раскрывается значение ‘растение’, а в словосочетаниях *Styrax liquide*, *Styrax solide* – значение ‘смола, бальзам’, значимое для фармакогнозии. Актуализация значений происходит и в более широком контексте, например: *On falcifie le Styrax avec les rūsines des Conifures* (стиракс подделывают с помощью смолы растений семейства хвойных).

Таким образом, проведенный анализ показал, что для снятия полисемии, основанной на метонимическом расширении, синтагматическая сочетаемость является определяющим фактором дифференциации значений многозначных терминологических единиц, обслуживающих терминологии смежных областей знания.

Балашова Т.В. Синонимия и вариативность в названиях лекарственных растений // Предложение и слово. – Саратов, 1999.

Забинкова Н.Н. Некоторые вопросы современной ботанической терминологии и принципы составления латино-русского ботанического словаря: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1958.

Киселевский А.Н. Белорусская ботаническая терминология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1962.

Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.

Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977.

Bruneton, J. Pharmacognosie: Phytochimie, plantes médicinales. – 3e éd. rev. et augm. – Paris: Tec & Doc Lavoisier Édition, 1999.

О.Ю. Латышев (Москва)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Функционирование и применение термина «языковое сознание» на грани психологии и лингвистики способствует дальнейшему сближению данных наук и интенсивному развитию психолингвистики – как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Вопрос развития транслингвальной личности студента, участвующего в университетской программе академической мобильности, в первую очередь затрагивается в связи с трансформацией его языкового сознания. А.Н. Леонтьев утверждает, что «сознание в своей непосредственности есть открываяющаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [Леонтьев 1975, с. 167]. Нами наблюдается прямая зависимость принципиальных изменений в состоянии языка студента и его

речевых проявлений от количества времени, проведенного студентом в принимающем вузе иной страны, интенсивности его участия в научных мероприятиях и экспериментальных исследованиях, организованных с использованием языка, на котором ведется обучение в данном университете. Очевидно, принципиальные изменения в картины мира, происходящие при переезде в другую страну, существенно изменяют внутреннее состояние студента и накладывают определенный отпечаток на качество его родной речи. Представляется вполне вероятным существование и других закономерностей влияния степени погружения в чужую языковую среду на качество произношения слов на родном языке, сохранения умения быстро сформулировать точное и полное высказывание на нем, равно как и соблюдения языкового строя в целом.

Данная проблема побуждает к соположению и комплексному применению методов языкознания и психологии не только в целях изучения сути данного явления, но и для формирования алгоритмов профилактики нежелательного транслингвизма, либо разумной адаптации «транслингва-неофита» к потребностям общения с носителями как его родного, так и приобретенного им языка. Стремительные изменения в языковом сознании студентов российских вузов, длительное время учившихся за рубежом, достаточно часто становились предметом обсуждения ученых [Latyshev 2017].

В ходе исследования нами были замечены существенные отличия характера рефлексии профессорско-преподавательского состава направляющих вузов в восприятии указанной проблемы. Это дало нам основания прийти к выводу о том, что развитие транслингвальной личности студента видится коллегам и в позитивном ключе, и в качестве результата существенной недоработки со стороны организаторов программ академической мобильности в отношении сохранения его языкового сознания. С одной стороны, полный (или преимущественный) переход студента на другой язык общения рассматривается его родным вузом как значительное приобретение. Данная точка зрения мотивируется тем, что этот студент может в дальнейшем сыграть в жизни своего вуза позитивную роль, подсказывая тончайшие нюансы приобретенного им языка своим однокурсникам. Не исключено, что его услугами смогут воспользоваться и профессора, чей лекционный материал в условиях такой непосредственной поддержки приобретет более убедительное для студентов и доверительное звучание, впитав в себя еще только утверждающиеся в живом иностранном языке новые нормы лексики и фразеологии. Это сродни подходу к изучению языков И.А. Бодуэна де Куртенэ [Latyshev 2017], настоятельно рекомендовавшего не ограничиваться при изучении языка только памятниками письменности, сколь ни была бы велика их объективная ценность. Так и студент, стремительно становящийся носителем другого языка, способен посильнее ориентировать близких ему соотечественников

на следование передовым тенденциям практического переосмысления иноязычного языкового материала.

Однако таким образом принимается во внимание ситуация билингвизма у студента, или неполного транслингвизма, когда он еще испытывает потребность в общении на родном языке и способен по-прежнему ее удовлетворить. Если так будет позволительно выразиться, имеется в виду билингвизм «с ярким транслингвальным акцентом». В случае же, если язык принимающей страны полностью вытеснил из студенческого языкового сознания грамматические постулаты его родного языка, мы вынуждены констатировать, что транслингвизм в личности данного студента приобрел почву для негативного варианта развития. Мы полагаем, что случай полного транслингвизма тяготеет скорее к «идеальной» модели, нежели к традиции своего повседневного функционирования и к числу достаточно вероятных ситуаций. Однако и здесь мы также придерживаемся точки зрения А.Н. Леонтьева в том отношении, что «единицей» сознательного действия является целостный акт отражения объекта субъектом, включающий единство двух противоположных компонентов: знания и отношения» [Леонтьев 1975, с. 280]. Соответственно, для нас имеет принципиальное значение не только то, насколько студент во время пребывания в другой стране овладел иностранным языком и даже не то, вытеснил ли последний представления о его родном языке. Нам важно еще и понять, как студент относится к изменениям, произошедшим в его сознании, в первую очередь – языковом.

Для ряда студентов приобретаемый язык несет с собой совершенно другую реальность, описывает явления совершенно иного порядка, масштаба, эмоционального наполнения. Многие слова и выражения иностранного языка не находят адекватных аналогов в его родном языке по ряду разнообразных причин. Понятия, выражаемые словами иностранного языка, в российской реальности либо существенно редуцированы, либо перемещены в пассивный словарь большинства носителей русского языка, либо полностью утрачены. Либо еще даже не возникли многие лексемы, характерные для повседневного общения в принимающей студента стране. Они соответствуют не столько машинам, механизмам и программно-аппаратным средствам, недоступным в нашей стране по причине иного уровня ее технологического развития, сколько нюансировке описания и выражения эмоций, чувств, ощущений, форм отношений между людьми, никогда не существовавших, либо предельно огрубленных, либо полностью утерянных в нашей отечественной традиции.

Latyshev O.Yu. Baudouin De Courtenay – the Pride of Slavic Philology // 2017 7th International Conference on Languages, Literature and Linguistics (ICLLL 2017)), December 9-11, 2017, Kyoto, Japan.

Latyshev O.Yu. ROLE OF BAUDOUIN DE COURTENAY IN THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF NATIVE LANGUAGES // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» 19-21 октября 2017 г. Республика Татарстан, г. Казань, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-04-14056).

Ю.А. Литвинова (Воронеж)

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СИНОНИМИЧНОСТИ

В современной лексикологии общепризнанным является положение о том, что слово как единица лексической системы существует в ряду других слов, с которыми связано по форме и по содержанию. Синонимические связи и синонимические отношения представляют собой наиболее типичный вид связей слов по их лексическому значению. Обозначая один и тот же предмет или понятие, синонимы представляют разные способы их выражения. Существование синонимов связано со способностью языковой системы иметь несколько означающих для одного означаемого [Черняк 2010, с. 5].

Проблема синонимии является одним из вопросов современного языкоznания, поскольку рассматривается как одно из проявлений системности лексики. Системные отношения в языке были выявлены Ф. де Соссюром еще в начале XX века, который выявил, что синтагматические и парадигматические отношения являются основанием для сравнения единиц языка.

Известно, что синонимия представлена на разных уровнях языка: грамматическом, словообразовательном, фразеологическом и лексическом [ЛЭС 1990, с. 446-447]. В фокусе исследования данной работы является лексическая синонимия.

Достижения в области современной лингвистики создали фундамент для широкого и разноспектного изучения синонимических отношений как одного из важных видов системных связей слов.

При изучении синонимии необходимо учитывать следующие положения: 1) синонимические связи слов и словесных групп являются частным случаем связей тематических, отражающих реальные связи мира действительности; 2) синонимия представляет собой определенную систему взаимоотношений между значениями отдельных языковых единиц

(слов и словесных групп), систему, сложившуюся в общенародном языке и действующую в течение более или менее длительного периода его исторического существования; 3) в составе синонимических группировок языковые единицы объединяются на основе общности их значений, при разграничении синонимов мы рассматриваем наряду с общими элементами их семантических структур то различное, отдельное, что характеризует каждый синоним [Черкасская 1976, с. 6].

В данной работе под *синонимами* мы понимаем две и более лексические единицы, которые находятся в парадигматических отношениях, связаны по смыслу, одно или несколько значений (семем) которых совпадают по семантическому ядру (*СЯ*) (архисема + несколько ядерных сем), а также имеют частично совпадающую сочетаемость.

Лексические единицы, которые совпадают и по *СЯ* и по *сочетаемости*, были названы нами *близкими синонимами*, а лексические единицы, которые совпадают либо по *СЯ*, либо по *сочетаемости* – *приблизительными синонимами*.

На основе многочисленных исследований было выявлено, что различные методы описания значений дают результаты, которые являются необходимыми при установлении отношений синонимичности между исследуемыми языковыми единицами, а также семантической близости между ними.

Так, метод лексикографического описания семантики слова позволяет выявить функциональные и стилистические пометы, системные значения слова, понять в каком семантическом объеме существует то или иное слово и его значения в языке и, таким образом, выделить ядерные семы значения, а также определить его *СЯ*.

Психолингвистические эксперименты позволяют уточнить *СЯ*, иногда расширить его, выделить зону сочетаемости, синонимии, идентифицирующие семы, которые позволяют исследователю понять, что конкретно ИИ имеют в виду под данным словом, а также выявить яркость коннотативных признаков в составе значения. Коннотативные признаки выражают степень положительного или отрицательного отношения к исследуемым языковым единицам.

Контекстуальное описание семантики слов позволяют выделить зону сочетаемости, которая разнообразно представлена у многих исследуемых лексических единиц, что, как было сказано выше, является необходимым критерием для установления синонимических отношений.

Так, дифференциация денотативного значения и зоны сочетаемости была проведена по результатам интегрированного лексикографического, психолингвистического и контекстуального описаний лексем *город*, *мегаполис*, *град*.

Результаты, полученные по данным интегрированного описания значений показывают, что *СЯ* таких лексических единиц, как *город* (*СЯ* –

*крупный н.п., административный, промышленный, культурный, торговый центр), частично совпадает с СЯ лексемы **мегаполис** (СЯ – **крупный н.п.**, который образовался в результате срастания большого числа соседских агломераций) и полностью совпадает с СЯ лексемы **град** (СЯ – **крупный н.п., административный, промышленный, культурный, торговый центр**). Что касается зоны сочетаемости, то лексема **город** имеет одно совпадение (современный) с лексемой **мегаполис** и ни одного совпадения с лексемой **град**.*

Результаты интегрированного описания значений исследуемых лексических единиц показывают, что такие лексические единицы, как *город* и *мегаполис*, являются *близкими синонимами*, т.к. имеют частично совпадающее СЯ и зону сочетаемости, а лексические единицы *город* и *град* – *приблизительные синонимы*, т.к. совпадают только по СЯ.

Таким образом, для получения наиболее достоверных результатов, т. е. выявление семантической близости между исследуемыми языковыми единицами и установлении синонимических отношений между ними, необходимо интегрировать данные, полученные по результатам лексикографического, психолингвистического и контекстуального методов описания значений лексических единиц.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 590 с.

Черкасская Е.Б. Синонимические отношения у устойчивых сочетаний нефразеологического характера в английском языке // Исследование по лексикологии и фразеологии. – М., 1976.

Черняк В.Д. Синонимия в русском языке: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 128 с.

O.I. Лыткина (Москва)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ЧИНОВНИК» В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Наше исследование представляет собой описание структуры и содержания лексемы «чиновник» в русской наивной картине мира, под которой мы понимаем обиходные представления членов одного языкового коллектива. Материалом нашего исследования послужили публицистические тексты за последние годы (выборка проводилась по данным Национального корпуса русского языка), результатам ассоциативного эксперимента и материалам словарей русского языка.

Как показывают наши наблюдения, лексема **чиновник** имеет следующую сочетаемость: *высокий, высокопоставленный, высокого ранга, влиятельный, государственный, крупный, местные, отечественные,*

российские, региональные, федеральные, городские. Следует отметить в целом нейтральный характер прилагательных, причем некоторые из них имеют положительную коннотацию (*высокий, высокопоставленный, высокого ранга, влиятельный, крупный*). Однако этого нельзя сказать о типах информации в содержании лексемы, которые мы установили методом контент-анализа публицистических текстов с вхождением лексемы **чиновник**. Итак, чиновник – это *бюрократ, функция которого охранять и подавлять; вор, нечист на руку, нерасторопен, недобросовестно выполняет свои обязанности, патриот, исполнительный, но недалекий, невежественный, ушлый, равнодушный, бессовестный, неподотчетен закону и общественному контролю, паразит, в костюме и галстуке*. В содержание лексемы также входят такие смысловые признаки, как *государство, плановость, феодализм, злоупотребление, вседозволенность, коррупция*.

Приведем один пример подобных текстов: *И вот Канкрин на 80 миллионов рублей за счет откупов повышает доходы от продажи спиртных напитков. У Канкрина любопытная позиция – можно относиться к ней как угодно – он говорит примерно следующее: «В России, извиняюсь, крадут все. Украдет чиновник, куда это пойдет? Прямо по Грибоедову: танцовщицу заведут, не одну, а трех разом, какую-нибудь борзую, поместье купят, вероятнее всего, в Париж поедет, потратится. Украдет предприниматель – а откупщики – это, как правило, предприниматели, купцы – пойдет в дело* [Национальный корпус русского языка: URL].

Следует также отметить, что в синонимическом ряду (как известно, анализ синонимов используется как один из методов для установления содержания концепта) с доминантой **чиновник** много слов с негативной оценкой, ср.: *бонза, буквоец, бумажная душа, бюрократ, волокитчик, канцелярист, канцелярская крыса, крапивное семя, официал, пенсионер, приказная строка, приказный крючок, рядец, сановник, службист, функционер, чернильная душа, чернильная крыса, чинарик, чинодрал, чинуша, ябеда* [Сайт синонимов: URL].

Любопытны в этом отношении результаты ассоциативного эксперимента. На слово-стимул «чиновник» было получено 70 различных реакций, из которых самыми частотными, представляющими ядро значения, являются: *бюрократ* (19 реакций); *Гоголь* (5); *вор, государственный, деньги, нос, ревизор, служащий, стол, толстый, чин* (2). Среди единичных реакций, относящихся к периферии, можно отметить и те, которые были уже отмечены нами ранее: *берет взятки, богатый, бумага/бумаги, бумагомарка, буржуй (без дела сидящий человек), важный, взяточник, высокий, высокопоставленный, главный, глупый, жулик, занудство, мелкий, морда, писака, портфель, сановник, толстопуз, хапуга* [Русский ассоциативный словарь: URL].

Сама лексема **чиновник** выступает как реакция на следующие слово-стимулы: *чванливый* (12), *важный* (11), *бюрократ* (10), *государственный* (5), *взятка* (4), *высокомерный* (4), *штатский* (4), *мелкий* (3), *дипломат* (2), *надменный* (2), *надутый* (2), *служащий* (2). Среди единичных реакций следует отметить: *заносчивый, исполнить, канцелярский, клерк, кляуза, сан, скряга, служба, спесивый* [Русский ассоциативный словарь: URL].

В этом отношении показателен опрос губернаторов, результаты которого были опубликованы в журнале «Прямые инвестиции». На вопрос «Почему молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями?» высокопоставленные чиновники начинали ответ с разоблачения сложившихся стереотипов о государственных служащих. В качестве примеров приведем некоторые из высказываний: «Но глубоко ошибаются те, кто думает, что должность государственного служащего — это некая *синекура, теплое местечко*, где можно *сделать карьеру, ничего по сути не делая*» [курсив наш. – О.Л.]; «Не секрет, что госслужба предполагает *карьерный рост и повышение зарплаты* по стажу и классности» [Почему молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями?, с. 16]; «Да, конкурс в вузы высокий. Во многом это связано с тем, что в представлении многих молодых людей *работа чиновника «не пыльная», а уровень дохода высокий*, что у каждого чиновника *персональный автомобиль* и многие другие *материальные блага*»; «Ведь не секрет, что часто выбор специальности диктуют родители. Они видят, как тяжело приходится предпринимателям, каковы финансовые риски, ответственность, и говорят своим детям: только не в предприниматели. Иди на госслужбу. *Тепло, светло*, а если все получится, дослужишься «до степеней известных». Во-вторых, *бюрократия* в любой стране – это *коллективно безответственная*, но при этом *довольно благополучная сущность*. В-третьих, разговоры об «*откатах чиновникам*» сыграли злую шутку. Некоторые думают, что очень скоро зарплата им станет не нужна» и т.д. [Почеку молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями?, с. 17].

Итак, образ **чиновника** в русской наивной картине мира неразрывно связан с представлениями о материальном благополучии, хорошей карьере, злоупотреблениями, взяточничеством, равнодушием.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> Дата последнего обращения – 18.03.2017.

Почему молодые люди в России больше хотят стать чиновниками, чем предпринимателями? // Прямые инвестиции. – № 2. – 2011. – С. 16-17.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Карапулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к рекции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ACT-Астрель, 2002. – 784 с. – Т. II. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>. Дата последнего обращения – 14.03.2017.

Сайт синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://словарь-синонимов.рф> / Дата последнего обращения – 21.03.2017.

E.A. Маклакова (Воронеж)

СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ И ЕДИЧНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Исследуя проблемы описания полисемантических слов на основе компонентного анализа и семной интерпретации их семантики, нельзя обойти вниманием такие явления, как собирательность и единичность значения, проявляющиеся в семантике ряда лексем.

К подобным наименованиям лиц относятся в основном словосочетания и слова, которые имеют в своем составе существительное счетное (*тройка, сотня, двадцатка*), а также собирательные существительные, «в форме единственного числа обозначающие совокупность одинаковых или подобных отдельных предметов в отвлечении от этих последних» [Ахманова 2017, с. 466].

В том случае, когда отдельные представители обозначаемой группы лиц (т.е. какого-либо количество лиц) имеют некоторые общие признаки, на основе которых возможно отличить их от представителей какого-либо другого объединения лиц, следует говорить о некой совокупности лиц, которые обладают сходными особенностями и представляют собой единое целое формирование.

Необходимо также подчеркнуть, что собирательность как нерасчененное обозначение совокупности одинаковых или сходных наименований лиц, представляемых как одно целое, свойственна значительному количеству нарицательных существительных, которые в целях достижения большей художественной выразительности употребляются в различных тропических смыслах, например в виде метафоры, метонимии, синекдохи.

Отметим, что полисемантические наименования лиц, не имеющие форму множественного числа и при этом в форме единственного числа обладающие, как собирательным значением, так и значением единичного лица, представляют для данного исследования наибольший интерес.

В связи с этим возникает проблема выявления и описания множественности как раздельного множества (очень большого количества) лиц или как множества лиц, объединенных в совокупное целое.

На наш взгляд пути ее решения можно найти, используя арсенал семной семасиологии – раздела семасиологии, изучающего лексические значения языковых единиц через описание их как упорядоченной совокупности сем – минимальных компонентов значения, отражающих признаки предмета номинации, в составе семемы.

В нашем исследовании описание значений слова выполнено на семном уровне с использованием аспектно-структурного анализа их семантики, который предоставляет потенциальную возможность выявить, описать и обобщить информацию о совокупности сем в структуре значения слова [Маклакова 2014].

Анализ словарных дефиниций, которые могут быть использованы в качестве исходного источника материала для семного описания значения, несомненно, входит в методологический арсенал семной семасиологии, однако его применение требует выполнения ряда условий.

В ряде случаев контекстуальные примеры позволяют значительно дополнить словарные дефиниции с точки зрения собирательности / единичности значения в описании наименований лиц, а также выявить ряд новых семем наиболее частотных слов языка, описание которых пока еще отсутствует в словарных дефинициях.

В процессе проведения семемного анализа таких многозначных лексем следует выделять и описывать семантику всех входящих в их состав семем (значений): как служащих для обозначения единичного лица, так и семем, включающих в свою семантическую структуру сему собирательности и тем самым, называя группу сходных лиц в виде единого целого, например:

профи

семема-1 – лицо, мужской // женский пол, обладает высоким мастерством и отличными специальными знаниями в какой-л. области; *И вот тут Илья поступил как настоящий профи* [Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога (1997) // «Столица», 1997.05.13 – НКРЯ];

семема-2 – совокупность лиц, мужской / женский пол, обладают высоким мастерством и отличными специальными знаниями в какой-л. области; *И это тоже «примета времени»: нынешняя выставка рассчитана на профи, на крупных застройщиков, на оптовых потребителей строительных материалов и оборудования* [Ирина Бондаренко. Картинки с выставки (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.05.20 – НКРЯ]; *Ты и твои ребята – все профи, я на вас надеюсь* [Вячеслав Морозов. Адмирал ФСБ (2004) // «Наш современник», 2004.04.15 – НКРЯ];

союзник

семема-1 – лицо, мужской // женский пол, действует в союзе с кем-л.; *Все данные добыл с помощью Ларисы Ивановны. Она теперь наш главный союзник. За последние дни активно вошла в курс событий* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003) – НКРЯ];

семема-2 – совокупность лиц, мужской / женский пол, действуют в союзе с кем-л.; *Еще один союзник, которого государство должно привлечь на свою сторону, – это работники и население в целом* [Евсей Гурвич. Однокое государство ищет себе союзника (2003) // «Российская газета», 2003.02.06 – НКРЯ];

элита

семема-1 – лицо, мужской // женский пол, относится к лучшим представителям общества или какой-л. его части; *Да вы что?* – законно удивилась **элиты** экономической мысли. – Этот человек уже несколько лет как министр нашего экономического развития [Александр Ивантер, Татьяна Гурова. Ющенко отравили, Грефа загипнотизировали (2004) // «Эксперт», 2004.12.20 – НКРЯ];

семема-2 – совокупность лиц, мужской / женский пол, относятся к лучшим представителям общества или какой-л. его части; *Интеллектуальная элита крупных городов также во многом пополнялась провинциалами* [Ю.Ф. Флоринская, Т.Г. Рошина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005 – НКРЯ].

Таким образом, многозначную лексему можно рассматривать как своеобразную базу данных, время от времени пополняющуюся новой информацией и в связи с этим видоизменяющуюся под влиянием различных факторов развития языковой картины мира, свойственной определенному народу.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – 576 с.

Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ...док. филол. наук. – Воронеж, 2014. – 367 с.

НКРЯ – Национальный корпуса русского языка // Электрон. дан. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. ruscorpora.ru, свободный.

И.В. Милованова (Воронеж)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТЕРМИНА

Степень восприятия любой научной информации определяется знанием специальных терминов, так как именно они составляют ее основу. Термины являются основным компонентом научного стиля, и в специальном научном тексте недопустимы замены термина нетерминологической лексикой.

Ученые постоянно сталкиваются с проблемой обозначения того или иного явления или понятия, поэтому терминология всегда была в центре внимания филологов и лингвистов. Для уяснения понятийного аппарата той или иной отрасли знания, однозначности и четкости терминов необходимым является составление словарей. Этой задачей, прежде всего, занимается научно-техническая лексикография, в основе которой лежит терминоведение [Комарова 2000].

Не все слова имеют специфический профессиональный смысл. Однако во многих работах приводятся свойства идеального термина:

- однозначность в пределах одной терминологической системы;
- значение термина должно быть точным и не должно пересекаться по значению с другими терминами;
- желательно, чтобы термин не имел синонимов;
- значение термина формулируется в виде логического определения;
- значение термина не должно зависеть от контекста.

Термины, как и всякие другие языковые единицы, неоднородны. Разновидности терминологических наименований обусловливаются двойственной природой термина: с одной стороны, его принадлежностью к лексической системе языка, с другой – характером обозначаемого им специального понятия и особенностями отношений между ними.

Ограничение понятийно-терминологической системы одной областью знаний приводит к формированию специфических базовых понятий в каждой из областей. Эти понятия опираются не на строгие дефиниции, а на некоторые самопроизвольно установившиеся на практике термины. Основными недостатками такой терминологии являются:

1) многозначность (полисемия), когда один и тот же термин применяется для обозначения разных понятий. В качестве примера данного явления можно привести употребление терминов *timber* и *wood* в терминологической системе лесного дела. Термин *timber* означает как лес, растущий на корню, так и лесоматериал (материалы из древесины, сохранившие ее природную физическую структуру и химический состав); термин *wood* обозначает понятия как леса (совокупность лесных древесных и иных растений, животных, почвы, микроорганизмов и других природных компонентов, имеющих внутренние взаимосвязи и связи с внешней средой), так и древесины (основная масса ствола, ветвей и корней древесных растений, состоящая из тканей, выполняющих проводящие, механические и запасающие функции в дереве) [Милованова 2014]. Перевод таких терминов при работе с научной литературой будет полностью зависеть от контекста;

2) синонимия, когда одному и тому же понятию соответствует несколько различных терминов. Таких примеров в терминологических словарях встречается много. Например, термин *годичные кольца* (слои прироста древесины ствола или ветви дерева) в английском языке имеет значения *annual rings* и *concentric rings*; *заповедный лесной участок* – *natural area, research natural area, scientific purpose area; хвойное дерево* – *cone bearing tree, coniferous tree, needle-leaved tree* [Милованова 2014];

3) отсутствие четких определений (дефиниций) для многих, часто основополагающих терминов;

4) неточность терминологии или отсутствие аналогичного термина в языковой системе другого языка. Например, точный аналог термина

урочище лесное (часть территории лесничества или лесхоза, имеющая характерные особенности и, как правило, границы по естественным рубежам – рекам, ручьям, безлесным пространствам, горным хребтам, ущельям и т.п.) в английском языке отсутствует. Он передается описательным способом с помощью словосочетаний *natural boundary* и *state forest with specific features and natural borders* [Милованова 2014];

5) громоздкость, а иногда и труднопроизносимость ряда терминов. Яркими примерами этого могут служить экономический термин *entrepreneurship* (предпринимательство) и термин из области ландшафтной архитектуры *arboretum* (дендрарий).

Для терминологической системы отсутствие синонимии, омонимии и полисемии является идеальным случаем. Для выделения терминологических словосочетаний существительного с прилагательным необходимо определять однородность определений при существительном, и если оно выражает одно понятие в пределах определенной области, то оно фиксируется независимо от количества входящих в него слов.

Препятствиями на пути к практическому овладению терминами, их использованию и описанию являются свойства терминов, которые проявляются в их реальном функционировании в рамках постоянно развивающейся и открытой концептуальной системы, элементы которой периодически подвергаются переосмыслинию, выстраиванию по принципу иерархической зависимости, родовидовых отношений и т.п. При употреблении терминов приходится постоянно сталкиваться с их многозначностью при обозначении одного и того же понятия, отсутствием четких, согласованных определений. Сходные, а также одинаковые по смыслу слова и словосочетания многочисленны, что порождает большое количество терминов-синонимов. Это негативно сказывается на научном языке, который тяготеет к норме одного наименования – термина для понятия. Вышеперечисленные свойства термина противоречат теоретическим требованиям однозначности и определенности дефиниций.

Особое место в лексикографии занимает проблема определения термина, поскольку она не ограничивается рамками толкового типа словаря. Лингвистический аспект проблемы – это двойственная природа термина, его принадлежность одновременно к двум системам: логической системе языка и терминологической системе, за которой стоит система специальных понятий. С разделением лексикографии на общую, специальную, учебную, двуязычную проблема определения стала обсуждаться относительно каждого типа словаря – определение термина в толковых, терминологических, переводных, учебных и др. Следует подчеркнуть, что все лексикографические определения, какими бы разнообразными они ни были по форме, семантизируют термин, определяют его значение. Их цель – это описание специального понятия, раскрытие его существенных и отличительных признаков и указание его

места в системе специальных понятий через установление отношений с другими понятиями данной понятийной системы [Борисова 1990].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что при работе над терминологическими словарями необходимо учитывать всю многогранность, неоднозначность и специфику терминологической системы той или иной области знаний. Грамотное и точное описание терминов, являющееся результатом вдумчивой и кропотливой работы со специальной литературой и источниками на иностранном языке, создает основу для правильной интерпретации материалов и более глубокого понимания научных текстов.

Борисова Л.Т. О системном подходе к представлению терминологии в отраслевом словаре // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. – Горький; Горьковский ун-т, 1990. – С. 23-24.

Комарова З.И. Основные направления терминологической работы в России и за рубежом // Лингвистический бюллетень уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. – С. 25.

Милованова И.В. Английский язык: термин. словарь по лесн. делу и ландшафт. архитектуре / И.В. Милованова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Фед. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Воронеж. гос. лесотехн. акад.» – Воронеж, 2014. – 185 с.

O.B. Новоселова (Тверь)

КАТЕГОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В настоящее время на фоне повышенного интереса к когнитивному аспекту языка выявление сущности языковых и коммуникативных категорий является актуальным и перспективным направлением лингвистических исследований. Действительно, в языковом сознании носителей языка существуют представления о различных коммуникативных категориях, нормах, принципах и правилах, которые проявляются в речевом поведении собеседников. Другими словами, каждый участник социальной интеракции в состоянии определить на основании языковых, иллокутивных и прагматических знаний, а также семантических характеристик высказывания коммуникативную толерантность и справедливость своего высказывания и высказывания, адресованного ему.

Примечательно, что в фокусе современной лингвистики оказывается речевое поведение говорящего как когнитивного агента, на которое одновременно воздействуют различные коммуникативные категории – *толерантности, искренности, достоверности, истинности, милосердия* и

справедливости – находящиеся по своим содержательным и прагматическим характеристикам в семантических отношениях частичного включения, отождествления в ряде ситуаций или противопоставления друг другу. По этой причине исследования, посвященные анализу категориальной сущности отдельных языковых явлений и описанию тех или иных коммуникативных категорий, основываются, как правило, не только на выявлении содержательного объема рассматриваемых категорий, но и на их связи с другими смежными коммуникативными категориями, так как эти категории способны взаимно «накладываться» друг на друга и пересекаться друг с другом» (ср.: [Стернин 2005, с. 328]).

С указанных позиций особый интерес представляет оценка высказываний различной иллоктивной направленности с позиций *категории коммуникативной толерантности* и *категории коммуникативной справедливости*, которые пригодны для описания эффективности взаимодействия собеседников, но которые достаточно трудно разграничить в содержательном плане. Так, одним из основных гиперонимических признаков, используемых для описания категориальной сущности коммуникативной толерантности и коммуникативной справедливости, является признак *успешности (эффективности) диалогического взаимодействия* партнеров по общению. Однако если в категории коммуникативной толерантности делается акцент на эффективность диалога как на взаимодействие с «благими» по отношению к адресату намерениями, *реализованными в корректной форме*, а также на «умение скрывать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров», то эффективность взаимодействия с позиций категорий коммуникативной справедливости подразумевает реализацию иллоктивных намерений собеседников, *наиболее приемлемых* в той или иной типовой ситуации диалогического взаимодействия и *обусловленных пресуппозициональными факторами действительности* [Романов 1988; Новоселова 2016].

Интерактивное пространство категории коммуникативной толерантности ограничено, с одной стороны, взаимодействием собеседников в рамках бесконфликтного диалога, который ингибитирует этот процесс, не допуская реализации деструктивных высказываний или противодействующих коммуникативной инициативе говорящего регулятивных действий [Романов 1988]. С другой стороны, интерактивное пространство категории коммуникативной толерантности ограничено взаимодействием, в результате которого сохраняется комфортное эмоциональное состояние каждого из партнеров по общению.

В свою очередь, интерактивное пространство категории коммуникативной справедливости шире, и оно выходит за рамки бесконфликтного сотрудничества собеседников, так как в повседневном взаимодействии собеседники различного социального статуса встречаются

с большим количеством типовых жизненных сценариев, в которых невозможно преднамеренно или случайно избежать директивных, менасивных или деструктивных типов высказываний. Кроме того, у партнеров по общению не так много возможностей избежать как инициативных, так и ответных высказываний, оказывающих определенное аффицированное или дискомфортное эмоциональное воздействие на адресата.

По этой причине, опираясь на категорию коммуникативной толерантности и принимая во внимание ее ограниченное интерактивное пространство, не представляется возможным вскрыть механизм функционирования ряда прагматических типов высказываний, понять причины их появления в той или иной пресуппозициональной ситуации и выяснить их влияние на ход дальнейшего взаимодействия собеседников. Наоборот, категория коммуникативной справедливости охватывает больший «диапазон» высказываний, она не привязана к какой-либо сфере применения, а в ее интерактивное пространство входят типовые речевые образцы различной иллокутивной направленности. Следовательно, ориентация коммуникантов на толерантное речевое поведение будет способствовать формально бесконфликтному диалогу, участники которого *не смогут в полной мере реализовать свое коммуникативное намерение*, выразить отношение к обращенному к ним высказыванию и, соответственно, не смогут оценить искренность коммуникативных намерений собеседника. Поэтому категория коммуникативной справедливости – как категория, отражающая синергийную природу диалогического взаимодействия – наиболее пригодна для описания всего архива дискурсивных практик социальной интеракции и оценки эффективности их реализации в дискурсивном пространстве.

Новоселова О.В. Феномен «справедливого слова» или о прагматической категории коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 62-71. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкоznания АН СССР, Калининский СХИ, 1988.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 324-337.

A.B. Пантелейева (Белгород)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

После Октябрьской революции в стране произошел полный слом государственного и социального устройства. Не удивительно, что появилось много слов, обслуживающих новые явления жизни. Многие из них в течение столетия прошли путь от неологизмов до историзмов.

Цель нашего исследования – выявить употребляющиеся в современном русском языке лексические единицы, содержащие «временную ссылку», то есть употребление которых было характерно для соответствующего периода развития российского общества. Употребление данных слов в современной речи может служить диагностическим признаком возраста использующего их лица – предположительно, эти слова говорящий усвоил в советское время, что является косвенной характеристикой его возраста на данный момент.

По данным «Толкового словаря языка Совдепии» В.М. Мокиенко [Мокиенко, Никитина 1998, с. 25-682] были выявлены советизмы, употребление которых в современном русском языке затем было проанализировано по «Национальному корпусу русского языка» [<http://www.ruscorpora.ru/>, 15.07.2017].

Были изучены только современные словоупотребления, «жизнь» которых можно проследить в настоящее время. Укажем тематические группы проанализированных советизмов:

1. названия государственных управлений, органов власти;
2. пропаганда;
3. охрана порядка в стране;
4. образовательные учреждения;
5. неполитические организации и объединения людей;
6. названия лиц;
7. политические термины;
8. личностные качества (получившие названия в результате появления советского мышления, развития советского образа жизни);
9. предметные имена, связанные с явлениями, возникшими в советское время.

По данным «Корпуса» большинство слов-советизмов употребляются в современных русских текстах.

Однако некоторые слова не зафиксированы в «Корпусе»: *комснаб*, *авиадарм*, *совобороны*, *бригадмил*, *детсовет*, *чэсэровка*, *военкордив*, *военлет*, *военмор*, *кабешня*, *бамовка*, *вхутемасовец*, *групорг*, *жактовец*, *юнрабселькор*, *юнселькор*, *боз*, *совмашка*, *труддесант*, *ФЗО*. Отсутствие

этих единиц даже в художественной и исторической литературе говорит о периферийности этой лексики даже для языка советского периода.

Те же единицы, которые вошли в состав «Корпуса», в подавляющем числе случаев были отмечены в контекстах художественной и исторической литературы, посвященной советскому периоду нашего государства. Такое словоупотребление не имеет диагностического значения для определения возраста автора в лингвокриминалистическом анализе текста. Диагностическими признаками возраста подобные употребления будут тогда, когда они будут зафиксированы в текстах, характеризующих современные события. Поиск таких употреблений будет продолжен.

Мокиенко В.М., Т.Г. Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб: Филио-пресс, 1998. – 701 с.

Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/> дата обращения – 15.07.2017.

З.Д. Попова (Воронеж)

ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТНОГО ИНФИНИТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Грамматики русского языка различают инфинитив субъектный и инфинитив объектный [Грамматика 1954. т. II, ч. I, с. 214; Грамматика 1970, с. 513; Краткая русская грамматика 1989, с. 400]. Сочетание подчиняющего слова с субъектным инфинитивом, являясь в высказывании сказуемым-предикатом, относится к подлежащему – субъекту (*он захотел уйти – он захотел и он будет уходить*). Сочетание подчиняющего слова с объектным инфинитивом представляет сказуемое-предикат, относящееся не к субъекту высказывания, а к его собеседнику (*он разрешил мне уйти – разрешил ОН, а уйти предстоит МНЕ*).

Просматривая новые публикации воронежских прозаиков [Попова 2010; Шишлянникова 2017; Я в твои ладони... 2009], автор этих тезисов не мог не обратить внимания на разительное несоответствие высказываний с субъектным (710) и объектным (47) инфинитивом по их количеству.

Изучение контекстов с субъектным и объектным инфинитивами позволило определить особенности значения объектного инфинитива в семантическом пространстве русского языка.

1. Если о своих действиях люди размышляют в любой ситуации, то для соображений о действиях других людей нужны собеседники, которым адресуется это действие, нужна коммуникативная ситуация. Собеседник может быть реальным, присутствующим при разговоре с автором высказывания. Но он может быть и виртуальным, например, как группа

участников коммуникативной ситуации, либо вообще как все предполагаемые слушатели или читатели создаваемого текста.

Мать перед уходом на работу приказала дочке набрать ведро вишни (53-3). Бабуля... велит и мне укладываться (66-3). Даже врачи рекомендуют больше есть крупяных блюд (109-3). Пока отец запрещал ей участвовать в битвах (132-2). Воздух еще позволяет надышаться собой (156-1). Посторонитесь, дайте же пройти преподавателю, негодники (88-3).

2. Если лексико-семантические группы слов, подчиняющих субъектный инфинитив, охватывают обозначения разных видов собственной речемыслительной деятельности человека и его эмоциональных переживаний, то ЛСГ слов, подчиняющих объектный инфинитив, относятся к обозначениям волеизъявлений на разрешение или запрещение действия, а также входят в ЛСГ просьбы и помощи (см. примеры).

3. Субъектный инфинитив обслуживаются структурные схемы КТО ХОТЕЛ, МОГ, НАЧАЛ ЧТО ДЕЛАТЬ и КОМУ ХОТЕЛОСЬ, УДАЛОСЬ ЧТО СДЕЛАТЬ. Объектный инфинитив находим в структурных схемах КТО/ЧТО ЗАПРЕЩАЕТ, РАЗРЕШАЕТ, ПОМОГАЕТ КОМУ ЧТО ДЕЛАТЬ и КТО ПРОСИТ КОГО ЧТО СДЕЛАТЬ.

Дана помогает мне идти (83-2). Этот громовой голос заставил корсаров расступиться (37-2). Белочка, помоги, пожалуйста, спустить моего воздушного змея (155-1).

Место для формы адресата не всегда заполняется, поскольку адресат всегда ясен из коммуникативной ситуации, из письменного контекста.

Его друзья и сослуживцы (кто еще жив) не дадут совратить (26-3) – мне, автору высказывания. Рая, приходи завтра с утра: должны селедочку завезти (45-3) – нам в наш магазин. И другие дела подпирали: и теленку пойло дать, и курам «посыпать», и внуков накормить в конце концов (64-3) – подпирали хозяек-бабушек.

Высказывания с объектным инфинитивом позволяют увидеть, что говорящий обращается к собеседнику – реальному или виртуальному, разрешая или запрещая ему совершить то или иное действие. Обращение к адресату не обязательно воспроизводится в прямой речи. Оно может подсказываться наблюдателем или автором текста.

Значение объектного инфинитива в системе русского языка определяется как будущее действие адресата, которое он, как производитель этого действия, будет или не будет выполнять в более или менее ближайшем будущем.

Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис, ч. I. – М.: Изд-во Академии наук СССР 1954. – 704 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
Краткая русская грамматика. – М.: «Русский язык», 1989. – 769 с.

Попова М. Дорога к тебе: сборник стихотворений и прозаических зарисовок. – Воронеж: Истоки, 2010. – 180 с.

Шишлянникова А. Чтобы бесследно не пропасть. – Воронеж: Факультет журналистики, 2017. – 142 с.

Я в твои ладони душу положу мою: Стихи. Проза членов литературного объединения «Воин». – Воронеж: «Росинформресурс» ЦНТИ, 2009. – 164 с.

Д.Ю. Просовецкий (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Существуют различные подходы к описанию эмоционально-оценочной лексики. Их главный недостаток – высокая степень субъективности, которая не позволяет убедительно доказать, что лексема содержит эмоциональный и/или оценочный компонент.

Цель нашего исследования – предложить максимально формализованный метод, позволяющий установить наличие эмоционально-оценочного компонента лексемы. Метод основан на анализе ассоциативного поля лексемы и данных психолингвистического эксперимента, в котором испытуемым предлагается соотнести лексему с одной из базовых эмоций.

Следует отметить, что «базовые эмоции» - это не субъективное понятие. Установлено, что так называемые «базовые эмоции» являются врожденными. Действительно, во всех случаях исследователями предлагается разное количество базовых эмоций и различные критерии для их выделения, но при этом обычно получаются сходные результаты. Подобные классификации предлагали М. Арнольд, П. Экман, Н. Фрижда, Дж. Грей, К. Изард, У. Джеймс и другие [Niedenthal 2017]. Так, согласно Полу Экману, базовых эмоций семь: радость, удивление, печаль (грусть), гнев (злость), отвращение, презрение, страх. Список от Изарда несколько иной, хотя число 7 сохранено: удовольствие (радость), интерес (возбуждение), удивление (испуг), горе (страдание), гнев (ярость), страх (ужас), отвращение (омерзение), стыд (унижение). В скобках приведено равноправное название. По мнению гештальт-терапевтов, основные эмоции следующие: гнев, страх, печаль, волнение, счастье, любовь. Слова типа «разочарованный», «виноватый», «обиженный», «раздраженный» обычно скрывают гнев. «Растерянный», «напряженный», «встревоженный» — страх, «одиночество», «скуча», «пустота» — печаль.

Таким образом, действуя по аналогии с методом обобщения словарных дефиниций [Стернин 2015] к базовым эмоциям мы несомненно можем отнести следующие: *радость, гнев, печаль, удивление, отвращение, страх*.

Как показано в работе [Просовецкий 2016], неотъемлемый критерий наличия оценочного компонента – бинарная оппозиция. Компоненты этой

бинарной оппозиции представляют собой крайние точки, полюса для соответствующего критерия оценки. При наличии бинарной оппозиции можно говорить об оценочной шкале, то есть промежуточных состояниях между двумя крайними точками. В традиционном понимании оценки добавляется ещё один критерий: составляющие бинарной оппозиции также должны быть квалифицированы как *хорошо (хороший)* – *плохо (плохой)*. То есть, вообще говоря, можно, например, говорить об оценочном компоненте лексемы «удалённый» (находящийся далеко), поскольку имеет место бинарная оппозиция «далеко – близко», но при традиционном подходе необходимо также иметь возможность сказать, что «далеко» – это плохо, а близко – «хорошо» или наоборот. При этом возникает неоднозначность и зависимость от экспертного мнения. Одним из способов разрешения данной сложности является индекс ассоциативного сходства (ИАС), который позволяет формальным образом сделать вывод о связи элементов бинарной оппозиции с лексемами «хорошо – плохо».

Теория и методика подробно изложена в [Просовецкий 2016], поэтому рассмотрим основные моменты на примере. Пусть нам необходимо определить наличие оценочного компонента в лексеме «вор». Можем ли мы сформировать бинарную оппозицию? Эта оппозиция будет иметь вид «*вор – честный*». Теперь нужно определить, является ли данная оценка классической, то есть можно ли сказать, что «*вор – это плохо*», а «*честный – это хорошо*» или наоборот. Для этого рассчитаем ИАС.

$$\text{ИАС}(\text{ВОР, ПЛОХОЙ})=0.17$$

$$\text{ИАС}(\text{ВОР, ПЛОХО})=0.02$$

$$\text{ИАС}(\text{ВОР, ХОРОШИЙ})=0.06$$

$$\text{ИАС}(\text{ВОР, ХОРОШО})=0.01$$

Как видно из представленных расчётов можно утверждать (основываясь на формальном критерии), что лексема «*вор*» содержит оценку и эта оценка классическая.

Очень часто происходит смешение эмоционального и оценочного компонента значения. Рассмотрим пример. Пусть необходимо определить наличие эмоционального компонента в лексеме «*вор*» (наличие классического оценочного компонента установлено выше). Для этого необходимо провести психолингвистический эксперимент, в рамках которого испытуемым предлагается определить соотнесённость данной лексемы с одной из базовых эмоций, то есть указать содержит ли данная лексема какую-либо эмоцию из перечисленных. После этого анкеты испытуемых обрабатываются и можно сделать вывод о том, содержит ли лексема эмоцию или нет.

Существует множество способов обработки полученных данных. Можно показать их эквивалентность. Их главное отличие заключается в точности получаемых результатов. Поскольку нам необходимо получить качественные результаты, то из опыта анализа наиболее целесообразным

представляется применение следующего критерия: < 20% - нет эмоции, от 20% до 80% - эмоция контекстно/интонационно зависима, > 80% - есть эмоция.

Принципиальным является тот факт, что определение описанной методикой эмоционального и оценочного компонента, во-первых, производится формализовано и не зависит от мнения исследователя, пусть и экспертного. Во-вторых, это позволяет отследить временную динамику и своевременно диагностировать изменения в структуре значения. Так, например, лексема «карьерист» за сравнительно небольшой промежуток времени (порядка 15 лет) изменила свою оценку с негативной на нейтральную. В-третьих, полученные результаты отражают реальные процессы, происходящие в обыденном языковом сознании. Если установлено, что лексема имеет эмоциональный и/или оценочный компонент, то она имеет его не в умозрительных заключениях исследователя, а в реальном языковом сознании, что представляется немаловажным.

Просовецкий Д.Ю. Семантика общеоценочной лексики в русском языке. – Саарбрюкен: Ламберт, 2016. – 181 с.

Стернин И.А. Методы описания семантики слова. – Москва-Берлин: DirectMedia, 2015. – 34 с.

Niedenthal P., François R. Psychology of Emotion (Principles of Social Psychology). – New York: Routledge, 2017. – 320 с.

М.Я. Розенфельд (Воронеж)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ В СТАТИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Объектом психолингвистического исследования может стать как языковое сознание группы лиц, выделенной по какому-либо признаку, так и индивидуальное языковое сознание. Целью нашей работы является изучение индивидуального лексикона мастеров художественного слова, главным образом создателей поэтических текстов. Данный научный проект имеет междисциплинарную направленность. В качестве индикатора соприкосновения художественного текста и «обыденной» речи его автора могут выступать ключевые слова авторского текста, или маркемы [Кретов 2010].

Методологической базой такого междисциплинарного исследования выступает серия психолингвистических экспериментов, направленных на выявление семантики и структурных связей ключевых слов авторского лексикона. Полученный экспериментальный материал подвергается разноаспектной и, прежде всего, статистической обработке, в связи с чем

наша работа оказывается сопряженной с компьютерной лингвистикой. При помощи различных компьютерных программ осуществляется моделирование индивидуального лексикона испытуемого. Выявленные в ходе психолингвистических экспериментов связи лексем, а также их значения в дальнейшем целесообразно соотнести с соответствующими показателями данных слов в художественных текстах автора.

В экспериментальные списки включается 50 маркем, извлеченных из художественных текстов изучаемого автора, и 50 «фоновых» лексем. О принципе отбора слов, а также о целях исследования испытуемому не сообщается.

Исследование осуществляется на базе экспериментов четырех типов.

1. Свободный ассоциативный эксперимент. Экспериментальный список – 100 слов.

2. Направленный ассоциативный эксперимент, где испытуемому предлагается составить словосочетание со словами экспериментального списка, ответив на вопросы «какой?» и «что делает?». Экспериментальный список – 100 слов.

3. Эксперимент на свободные дефиниции, где испытуемый должен дать определение предложенным словам. В данном эксперименте – в силу его трудоемкости – в экспериментальный список не включаются «фоновые» слова.

4. Серия экспериментов на группировки (экспериментальный список – 100 слов). Сначала испытуемый должен объединить предложенные слова в тематические группы и дать название каждой из них. На следующем этапе следует разбить все исходные слова на пары по признаку близости значения – эксперимент на симиляры, а слова, не вошедшие в пары, поместить в отдельную группу. Затем аналогичным образом нужно поступить с лексемами, противоположными по значению, – эксперимент на оппозиты.

Полученные экспериментальные данные (к настоящему времени серия описанных экспериментов проведена с двумя воронежскими поэтами – Полиной Синёвой и Галиной Умывакиной) используются для составления ассоциативных полей маркем и фоновых слов экспериментального списка. Алгоритм построения ассоциативного поля слова подробно описан в работе [Фаустов 2017].

Ассоциативно-верbalная сеть, создаваемая на базе предложенного алгоритма, может быть представлена в виде графа. Разработанная на данном этапе исследования компьютерная программа (разработчик – Н.Ю. Свиридова, магистрант факультета ПММ ВГУ) дает возможность рассмотреть такой граф в статистическом аспекте. Наиболее важными оказываются статистические сведения, позволяющие сопоставить:

а) поведение маркем и не-маркем в индивидуальном лексиконе;

б) поведение маркем, извлеченных из поэтического текста и так называемого суммарного файла – поэтических и непоэтических текстов автора.

Среди сопоставляемых показателей наиболее значимыми являются: объем ассоциативного поля лексемы (количество шагов и ступеней); количество переключателей и замыкателей в цепях ассоциативного поля слова; доля маркем среди переключателей и замыкателей; количество употреблений каждого слова в качестве переключателя и замыкателя.

Приведем фрагмент таблицы, иллюстрирующей статистические параметры ассоциативных полей маркем и не-маркем. Все слова в таблице иерархизированы по степени количественной выраженности каждого из рассматриваемых признаков (сам признак указан в названии столбцов). Полужирным шрифтом выделены маркемы и числовые показатели, относящиеся к ним. В каждой строке напротив лексемы приводится число в скобках и без: число без скобок – это количество лексем, например, переключателей, которые встречаются в ассоциативном поле данного слова; в скобках приводится количество употреблений таких слов.

**Фрагмент таблицы, составленной по материалам экспериментов,
проведенных с Полиной Синёвой**
(маркемы извлечены из поэтических текстов)

Слово	Кол-во переключателей	Кол-во замыкателей	Доля маркем в переключателях	Доля маркем в замыкаталях	Шаги : ступени
одиночество	22 (23)	10 (14)	0,73 (0,74)	0,60 (0,57)	10: 30
свидание	13 (14)	8 (10)	0,77 (0,79)	0,75 (0,80)	8: 20
встреча	13 (14)	8 (10)	0,77 (0,79)	0,75 (0,80)	9: 20
улыбка	13 (15)	7 (7)	0,62 (0,67)	0,71 (0,71)	7: 18
цветок	11 (12)	8 (10)	0,91 (0,92)	0,75 (0,80)	7: 18
красота	13 (15)	6 (6)	0,62 (0,67)	0,83 (0,83)	7: 17
молодость	13 (15)	6 (6)	0,62 (0,67)	0,83 (0,83)	7: 17
радость	12 (14)	6 (6)	0,67 (0,71)	0,83 (0,83)	6: 17
счастье	12 (14)	6 (6)	0,67 (0,71)	0,83 (0,83)	5: 17
страдание	12 (14)	6 (6)	0,67 (0,71)	0,83 (0,83)	7: 17
искренность	13 (13)	5 (5)	0,54 (0,54)	0,60 (0,60)	9: 14
полночь	9 (11)	6 (6)	0,89 (0,91)	0,83 (0,83)	5: 15
рассвет	9 (9)	5 (7)	0,89 (0,89)	0,80 (0,86)	4: 14
воздух	8 (8)	6 (8)	0,88 (0,88)	0,67 (0,75)	5: 15
глина	8 (10)	5 (6)	0,88 (0,90)	0,60 (0,67)	7: 15
пространство	8 (8)	4 (7)	0,88 (0,88)	0,75 (0,86)	4: 15
сдержанность	8 (8)	2 (3)	0,75 (0,75)	0,00 (0,00)	7 :11
солнце	7 (7)	2 (2)	0,71 (0,71)	0,50 (0,50)	3 :11
тишина	7 (7)	2 (4)	0,71 (0,71)	0,00 (0,00)	7: 11
голос	7 (7)	2 (4)	0,71 (0,71)	0,00 (0,00)	5: 11

разговор	7 (7)	2 (4)	0,71 (0,71)	0,00 (0,00)	5 :11
молчание	7 (7)	2 (3)	0,86 (0,86)	0,00 (0,00)	6 :11
музыка	7 (7)	2 (3)	0,71 (0,71)	0,00 (0,00)	8 :11
мгновение	6 (6)	2 (2)	0,67 (0,67)	0,50 (0,50)	6: 8
земля	5 (7)	2 (2)	1,00 (1,00)	0,50 (0,50)	4: 11
комната	5 (6)	2 (3)	1,00 (1,00)	1,00 (1,00)	4: 12

Анализ статистических данных ассоциативных полей маркем и фоновых слов позволяет сделать следующие выводы.

1. Маркемы, извлеченные из поэтического текста, являются наиболее активными словами в формировании ассоциативных полей единиц лексикона – как маркем, так и не-маркем.

2. Объем ассоциативного поля маркемы в среднем меньше объема ассоциативного поля не-маркемы.

3. Маркемы склонны к группировке, к сближению по основным статистическим показателям. Стягиваются преимущественно наиболее задействованные в построении ассоциативно-вербальной сети маркемы.

4. Параметр *объем поля* маркемы и ее активность в построении ассоциативных сетей находятся в отношении соответствия. Маркемы, характеризующиеся высокой частотностью при образовании ассоциативных полей, обладают сходными, сравнительно небольшими, объемами полей.

Кретов А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования // Универсалы русской литературы 2: сборник статей / Под ред. А. А. Фаустова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 138-153.

Фаустов А.А., Воронина И.Е., Розенфельд М.Я., Свиридова Н.Ю. Сравнительный анализ активности ключевых слов: автоматизированный подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2017. – № 1. – С. 175-180.

A.B. Рудакова, Н.В. Вальтер (Воронеж)

ОПИСАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОГО СЛОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», НИЧ 15021

В последние годы в русистике обозначился интерес к выявлению и описанию семантики служебных слов, в частности предлогов, традиционно оценивавшихся как лексически неполноценные.

Опираясь на опыт зарубежных лингвистов и в сотрудничестве с ними, ведущие отечественные специалисты (О.Н. Селиверстова, Г.Е. Крейдлин, Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян и др.) предприняли ряд описаний, в которых продемонстрированы основные идеи и методики исследования лексического значения предлогов.

Предметом исследования выступила семантика многозначного первообразного русского предлога «с». Цель данного исследования – изучение семантики предлога «с» в сознании носителей русского языка.

Материалом исследования послужили ассоциативное поле стимула «с», представленное в «Русском ассоциативном словаре-тезаурусе» [РАС], а также данные толковых словарей русского языка [БТС, ТСЕ]. Далее ассоциаты поля были обработаны методом семантической интерпретации и сформулировано психолингвистическое значение слова «с» [Рудакова, Стернин 2015; Стернин, Рудакова 2011]. Определялись совокупный индекс яркости семемы (СИЯ как отношение ассоциатов, вербализующих отдельную семему, к общему числу ассоциатов поля), индекс яркости семы (как отношение количества ассоциатов, вербализующих сему, к общему числу ассоциатов поля).

С

1. (Указывает) на лицо 0,12, (предмет), участвующие во взаимном или совместном действии 0,08; это, например, (делать что-либо) с ним 0,16, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, (купить) со столом 1 0,01, (испытывать) с чувством 0,01, с горем 0,01, с этим 0,01; противоположно без 0,01, нет 0,03; метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,58. Пример употребления: *Дочь с мамой пошли гулять*.

2. (Указывает на что-то), лицо 0,13, (на которые направлено действие); это, например, (познакомить) с ним 0,14, с другом 0,03, с парнем 0,01, с подругой 0,01, (поздравить) с праздником 0,01, (играть) с козой 0,01, с головой 0,01, (бороться) с чувством 0,01, с горем 0,01, (помочь) с этим 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,47. Пример употребления: *Играть с собакой было весело*.

3. (Указывает) на кого-либо 0,12, (что-либо), (находящемся в каком-либо состоянии, положении); это, например, (беда) с ним 0,14, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, с этим 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,42. Пример употребления: *С другом вчера приключилось странное*.

4. (Указывает) на место 0,01, предмет 0,01, (откуда направлено движение или действие); противоположно в 0,04, к 0,03, до 0,01; это, например, (вернуться) с вокзала 0,01, (взять) с елки на полку 0,01, с окна

0,01, со стола 0,01, с чего 0,01, (сойти) с начала 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,21. Пример употребления: *Возьми книгу с полки.*

5. (Указывает) на место 0,03 возникновения чего-либо; например, (ехать) с вокзала 0,01, (начать) с начала 0,01, с окна, со стола 0,01, с чего 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,13. Пример употребления: *С мероприятия все шли веселые.*

6. (Указывает на наличие чего-либо у кого-либо); например, (человек) с головой 0,01, с чувством 0,01, (комната) со столом 0,01, с этим 0,01; противоположно нет 0,03, без 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,13. Пример употребления: *Покупатели с большими деньгами сейчас редкость.*

7. (Указывает на средство, способ осуществления действия); например, (уйти) с головой 0,01, (делать) с чувством 0,01, с этим 0,01, (жить) с праздником 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,09. Пример употребления: *Он жил с праздником в душе.*

8. (Буква русского алфавита) 0,09. СИЯ 0,09. Пример употребления: *Здесь надо писать «с».*

9. (Согласный звук) 0,09. СИЯ 0,09. Пример употребления: *Она отчетливо произнесла «с».*

10. (Указывает) на приблизительную меру 0,01 чего-либо; то же, что до 0,01, около 0,01, по 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,08. Пример употребления: *Буду отдыхать примерно с неделем.*

11. (Указывает на время осуществления действия); например, (жить) с начала 0,01, с 7 0,01, с 8-ми 0,01; метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01. СИЯ 0,08. Пример употребления: *Начать нужно с семи утра.*

12. (Условное сокращение слова «страница»); то же, что (по-английски) «р.» 0,01; это, например, страница №7 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01. СИЯ 0,04. Пример употребления: *Смотрите на с. 157.*

13. (У наречий вносит значение образа действия, места, направления, причины); например, сначала 0,01, слева 0,01. СИЯ 0,02. Пример употребления: *Слева был большой дом.*

Не интерпретированные реакции 0,04 (*с 2, ого!*)

Не актуально 0,12

Анализ психолингвистического значения предлога «с» показывает, что

- для носителей языка актуальны все значения слова «с» как предлога (кроме трех значений);
- наиболее ярко представлены семемы – «указывает на лицо, предмет, участвующие во взаимном или совместном действии» и «указывает на то, на что направлено действие»;
- в языковом сознании не представлены значения слова «с» в качестве приставки (кроме наречного) и частицы;
- в языковом сознании представлены «непредложные» значения (буква и звук русского языка);
- значения слова «с» в основном вычленяются по сочетаемости с существительными и глаголами, семантика которых указывает на значения предлога.

Таким образом, психолингвистическое описание семантики предлога «с» подтверждает мысль о том, что предлог имеет семантическое наполнение, которое «понятно» носителям языка.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караполов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Рудакова А.В., Стернин И.А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №4. – С. 100-108. // <http://tverlingua.ru/>

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

ТСЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова // URL: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения 02.01.2017).

М.С. Смехнова (Воронеж)

ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ (на материале англоязычной потребительской рекламы)

Сегодня одним из распространенных способов создания эффективной потребительской рекламы, рассчитанной на широкий круг покупателей, является ее дифференциация в зависимости от параметров целевой аудитории. Потенциальный потребитель является своего рода ориентиром для создателей рекламы, которые адаптируют текст и изображение, фокусируясь на особенностях и области интересов выбранной целевой

группы. Многие исследователи поддерживают идею о том, что сформированные в социуме представления о маскулинности и фемининности влияют на восприятие рекламного сообщения. Поэтому для достижения основной цели рекламы – побудить читателя приобрести рекламируемый товар – важно учитывать способы воздействия на конкретного потребителя. В связи с этим возникает вопрос о применении исследований в области лингвистики, посвященных изучению проблематики гендерного аспекта в контексте рекламы, что подразумевает решение целого ряда задач.

Анализ употребления гендерно маркированной лексики в текстах потребительской рекламы журналов британских изданий *Cosmopolitan* и *Men's Health*, которые имеют ярко выраженную гендерную направленность (гендерно ориентированные лексемы эксплицитного характера и лексические единицы, которые приобретают гендерные характеристики в креолизованном тексте рекламы), показал, что гендерный аспект семантики реализуется:

- в личных и притяжательных местоимениях с компонентом рода – *she, he, her, his, him*,
- в лексических единицах, номинирующих гендерную принадлежность лица – *woman, women, lady, miss, man, men, gentleman*.

При этом гендерно маркированные лексемы имеют наиболее высокую степень актуализации в таких категориях текстов как реклама парфюмерных средств (35,89%) и реклама автомобилей (12,3%) в женских журналах и в категориях реклама парфюмерных средств (14,5%), реклама декоративной косметики, реклама средств ухода и гигиены (16,6%) и реклама автомобилей (10,41%) в мужских журналах.

Местоимения *you, your* актуализируют гендерную ориентацию только в контексте креолизованного текста. Иконический компонент рекламы, содержащий собственно женский или мужской образ и/или изображение самого продукта, формируют ассоциативную связь с гендерной принадлежностью читателя.

Относительно взаимодействия вербальных и невербальных средств возможно утверждать, что все представленные примеры рекламы представляют собой креолизованные тексты, в которых в роли иконического компонента выступает либо сам рекламируемый объект, например, флакон рекламируемого парфюмерного товара или пищевой продукт, либо непосредственно женщина или мужчина, в зависимости от гендерной ориентированности рекламного текста. Анализ эмпирического материала показал, что невербальный компонент реализует функцию восполнения недосказанной части информации, усиления определенной характеристики рекламируемого товара, его особенности или функции. Подобного рода импликатура способствует повышению эффективности восприятия рекламного текста, побуждению к покупке.

ТЕРМИНОЛОГИЯ НАЛОГОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ЕДИНСТВО И ПРОБЛЕМЫ

Терминологические системы налогового права и гражданского права теснейшим образом связаны между собой. Налоговое право заимствует понятия и термины из гражданского права, причиной чему служит единая имущественная природа предметов их правового регулирования, а также логика развития имущественных отношений, согласно которой *налоговые отношения* следуют за *гражданско-правовыми*.

Проще говоря, объект налогообложения (прибыль, доход, имущество) возникает чаще всего в лоне гражданско-правовых отношений, т.е. в результате сделки или длящегося правового состояния гражданина в качестве собственника какого-либо имущества.

Благодаря использованию гражданско-правовых понятий (и соответствующих терминов) процесс налогового правотворчества облегчается.

Понятие – это мыслимая модель какого-либо объекта (явления), а *термин* – его языковой знак, имя. Такое понимание сформировано на основе общенаучной методологии, логики, языкоznания и семиотики, где термин рассматривается в качестве языкового знака (символа, имени), обозначающего какой-либо объект и выражающего понятие о нем, а понятие – как смысл термина [Войшвилло 1994, с. 45; Губаева 2004, с. 52].

Ряд правоведов учитывают эти важнейшие положения и указывают, что юридический термин – это слово или словосочетание, «выражающее правовое понятие», являющееся «наименованием юридического понятия», «носителем понятия» [Ивакина 2008, с. 186].

Но, к сожалению, далеко не всегда такое понимание присутствует в отраслевых науках и законодательстве.

Основы использования гражданско-правовых институтов, понятий и терминов в налоговом праве законодатель попытался заложить в статье 11 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), пункт 1 которой гласит, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства РФ, используемые в НК РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено НК РФ.

Таким образом, ст. 11 НК РФ предписывает понимать термины в *исходном* значении, но и одновременно допускает установление *специального* значения терминов в НК РФ.

Пользуясь этой оговоркой, в НК РФ законодатель формулирует специальные определения понятий «имущество», «обособленное подразделение организации», «индивидуальный предприниматель» и др. (п. 2 ст. 11, в ст. 38 НК РФ). Некоторым гражданско-правовым понятиям

новый смысл придается в контексте. Например, значение термина «аренда» видоизменяется в составе фразы «услуги по аренде» (ст. 148 НК РФ).

Возникает парадоксальная ситуация: в системе «гражданское право – налоговое право» ряд терминов приобретают несколько значений, т.е. становятся многозначными. Само словосочетание «многозначные термины» является абсурдным, т.к. термины по определению должны быть однозначными, но именно это словосочетание характеризует сложившуюся ситуацию.

Одна группа ученых утверждает, что изменение значений терминов отражает специфику налоговых отношений [Гусева 2006, с. 138].

Другая, более многочисленная группа выступает за однозначность терминов, ссылаясь на то, что законодательство призвано быть понятным и соответствовать принципу правовой определённости [Волкова 2010, с. 39].

Конституционный Суд России в Определении от 07.12.2010 № 1622-О-О указывает, что неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости. Вспоминаются слова Конфуция: «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу».

Требование однозначности терминов является общенаучным [Войшвилло 1994, с. 65], предъявляется оно и в теории права [Общая теория права 1996, с. 217]. Юридическая терминология должна служить задаче обеспечения четкого нормативного регулирования, что возможно только при однозначности терминов.

Задача достижения однозначности терминов в гражданском и налоговом праве непроста, но выполнима. Она решается с помощью унификации терминов, замены терминов, доработки языковой формулировки терминов.

Унификация терминов в гражданском и налоговом праве – приведение терминов и понятий в соответствие с теми, что существуют в гражданском праве. Термин однозначен, если он всегда обозначает одно понятие.

Унифицируются те понятия, которые *обеспечивают преемственность гражданских и налоговых отношений*: обозначают объекты гражданских прав, их юридически значимые характеристики, юридически значимые действия с этими объектами, субъектов гражданских прав. *Они объективно должны заимствоватьсь в исходном смысле*. Необходима унификация понятий имущества, индивидуального предпринимателя, работ, услуг.

Но сохранение смысла понятий не всегда возможно или нецелесообразно ввиду особенностей налоговых отношений. Например, понятия пени и зачёта в налоговом праве видоизменили свой смысл, вбрав в себя признаки публично-правового режима. Понятие обособленного подразделения организации было сужено в НК РФ путем

указания на срок его создания – более одного месяца, чтобы не возлагать лишних обязанностей в сфере налогообложения на «краткосрочные» подразделения организаций.

Во избежание многозначности здесь нужно **вводить новый термин либо дополнить языковую формулировку старого термина.**

Термин «обособленное подразделение организации» мы предлагаем заменить в НК РФ термином «налоговое подразделение организации».

А гражданско-правовые термины «залог», «поручительство», «банковская гарантия», «пеня» в НК РФ нужно **дополнить указанием на налоговую сферу употребления.** Конкретно предлагается дополнить их формулировки определением «налоговый» или дополнением «в налоговом праве». Такой прием уже используется в конструкции терминов «зачет налогов», «возврат налогов» и др.

Правильный подбор одного из приведенных методов позволит повысить правовую определенность в налоговом законодательстве.

Кроме внесения отдельных изменений по доработке терминологического аппарата налогового законодательства, необходимо пункт 1 ст. 11 НК РФ изложить в следующей редакции: «*Термины, обозначающие специально-юридические понятия гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства.*»

А преамбулу п. 2 следует изложить так: «*Понятия, используемые в настоящем Кодексе...*», чтобы не было намека на возможность применения заимствованных понятий в ином значении.

Войшвило Е.К., Дегтярев М.Г. Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс). Кн. I. – М.: Наука, 1994. – 312 с.

Волкова Н.Н. Рецепция гражданско-правовых норм в налоговом законодательстве. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 160 с.

Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004. – 160 с.

Гусева Т.А. Налоговое планирование в предпринимательской деятельности: правовое регулирование. – М.: Волтерс Кluвер, 2006. – 472 с.

Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. – М, 2008. – 448 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.

Общая теория права / под ред. А.С. Пиголкина. – М., 1996. – 384 с.

Овсянников С.В. Формы и пределы взаимодействия гражданского и налогового права // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 1. – С. 83-85.

Э.Ю. Соколова-Сторчай (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИНОНИМОВ (на примере лексем *сервис, обслуживание*)

Чтобы дифференцировать значения синонимов **сервис, обслуживание**, мы провели свободный ассоциативный эксперимент (100 ии).

В результате обработки результатов эксперимента было построены ассоциативные поля обоих стимулов:

Сервис 100: обслуживание 26; услуги 14; авто 6; автомобиль 5; удобства 4; автомобильный, обслуга, ремонт 3; машина, плохой, помошь 2; 5+, автосервис, бизнес, Билайн, вилки, деньги, доставка, доступность, Интернет, качество, кофе, не нужно тратить время, обман, отличный, офис, поддержка, посуда, технический, техобслуживание, удобно, центр, чашки 1; отказ 8.

Обслуживание 100: сервис 40; качество, услуга 4; офицант, персонал, ремонт, хорошее 3; работа 2; благо, вежливое, вежливость, вне конкурса, высокое, гостиница, гостиничное, кафе, клиент, клиентов, комфортное, магазин, на кассе, не очень, нет, номер, опека, отель, поддержка, помошь, прислуга, ресторан, служба, тарелки, техобслуживание, удобство, фирма, хреновое, шлюха 1; отказ 8.

Методом обобщения словарных дефиниций толковых словарей были получены значения исследуемых слов в современном русском языке, каждому значению были атрибутированы ассоциации, выявленные в ходе эксперимента, и методом семантической интерпретации (И.А. Стернин, А.В. Рудакова) были сформулированы психолингвистические значения исследуемых слов.

Для этого строится психолингвистическая дефиниция каждого значения в опоре на семы, актуализированные ассоциативными реакциями. Используется метод семной интерпретации ассоциаций. Если в реакциях актуализирована архисема значения, она приводится в начале дефиниции; если ее нет, архисема формулируется исследователем и записывается в структуре словарной дефиниции в скобках.

Психолингвистическое значение слова СЕРВИС

1. (Предоставление) услуг 0,14 и удобств 0,04, (например, подача) кофе 0,01; (является) бизнесом 0,02, (выполняется) обслугой 0,03, в офисе 0,01; (бывает) качественным 0,01, отличным 0,02, плохим 0,01, обманом 0,01.

Синоним: обслуживание 0,26.

СИЯ 0,56

2. (Размещение на столе) вилок 0,01, посуды 0,01, чашек 0,01

СИЯ 0,03

3. (Предоставление) доступных 0,01 услуг 0,14 и удобств 0,05, помогающих 0,02 (людям) сэкономить время 0,01, например, доставка 0,01.

СИЯ 0,24

4. Техобслуживание 0,02, поддержка 0,01, автосервис 0,01, ремонт 0,03 автомобилей 0,16 или (сотовых телефонов) в (специальном) центре 0,02, (например, Билайн 0,01); (является) бизнесом 0,01, (бывает) плохим 0,01, отличным 0,02.

Синоним: обслуживание 0,26

СИЯ 0,56

5. (Информационные услуги), например, Интернет 0,01

СИЯ 0,01

Психолингвистическое значение слова *ОБСЛУЖИВАНИЕ*

1. Работа 0,02 (например, служба 0,01, фирма 0,01) (по предоставлению) удобств 0,01; выполняется персоналом 0,03 (например, официант 0,03, прислуга 0,02, шлюха 0,01) в гостинице 0,02 или отеле 0,02, в кафе 0,01 или ресторане 0,01, в магазине 0,01 (например, на кассе 0,01, клиент 0,02); (бывает) хорошее 0,03, качественное 0,04, вежливое 0,02, комфортное 0,01, высокое 0,02, хреновое 0,03;

Синоним: сервис 0,40

СИЯ 0,79

2. (Размещение на столе приборов), например, тарелок 0,01

СИЯ 0,01

3. (Предоставление) услуг 0,04 и удобств 0,01, (в сфере) опеки 0,01(например, служба 0,01), (в сфере оказания) помощи 0,01 и (производства) благ 0,01; (бывает) хорошее 0,04, плохое 0,01.

СИЯ 0,14

4. Техобслуживание 0,01, ремонт 0,03 (например, работа 0,02) и поддержка 0,01 (автомобилей); бывает хорошее 0,04, плохое 0,01.

СИЯ 0,12

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Анализируемые значения синонимичны, так как в ассоциативных реакциях рассматриваемые слова взаимно указываются как синонимы: **сервис – обслуживание, обслуживание – сервис**.

В процессе семантической интерпретации результатов ассоциативного эксперимента нами было выявлено значение, не отраженное в толковых словарях, – № 5. Стоит отметить, что данное значение характерно только для слова **сервис**. Другими словами, по значению «сайт, предоставляющий бесплатные услуги аудитории интернета» лексемы **сервис** и **обслуживание** не синонимичны.

Оба слова имеют совпадающие значения. Из совокупности значений (их выявлено 5) совпадают 4, уровень синонимичности исследуемых слов очень высок.

При этом совпадающие значения рассматриваемых синонимов заметно различаются по яркости:

- у значения «работа по удовлетворению чьих-н. бытовых, текущих или постоянных нужд, потребностей» высокий индекс яркости зафиксирован у слова **обслуживание** (0,77). У слова **сервис** ИЯ данного значения заметно меньше – 0,56. При этом *обслуживание* преимущественно связано в языковом сознании носителей языка со сферой гостиниц и ресторанов, а *сервис* имеет более широкое значение;
- значение «совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах» имеет ИЯ 0,24 в слове **сервис** и примерно вдвое меньше в слове **обслуживание** – 0,14;
- значение «процесс работы по эксплуатации машин, станков, технических устройств» демонстрирует высокий индекс яркости у слова **сервис** (0,56). У слова **обслуживание** ИЯ данного значения составляет лишь 0,12.

Таким образом, лексемы **сервис** и **обслуживание**, являясь синонимами, достаточно отчетливо дифференцируются в языковом сознании. Их значения заметно различаются по яркости, в слове *сервис* есть значение, которого нет в лексеме *обслуживание*. Более широкая семантика слова *сервис* в основном значении и большая яркость остальных его значений объясняет тот факт, что носители современного языкового сознания для номинации денотата отдают предпочтение лексеме *сервис*, которая становится заметно более употребительной в современном русском языке.

Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.

A.O. Стеблецова (Воронеж)

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В ДИСКУРСЕ ОЦЕНИВАНИЯ

Национальная специфика культуры, коммуникации, сознания проявляется на самых разных уровнях анализа языка и речи – от семантики слова до лингвистики текста и дискурс-анализа.

Сопоставительные исследования национальных дискурсов предлагают богатый материал для выявления особых черт, свойственных представителям разных коммуникативных культур, которые отражают уникальность их языкового сознания.

В сопоставительном исследовании метапрофессионального дискурса [Стеблецова 2015] мы рассматривали, как носители британской, американской и русской коммуникативных культур реализуют дискурсивное действие оценки в событиях аттестации, рекомендации, соискания должности. Материалом анализа стали письменные тексты разных жанров, в которых англоязычные и русскоязычные авторы осуществляли оценку деловых и профессиональных качеств лиц, проходящих аттестацию, соискателей должностей, а также самооценку своих достижений при соискательстве должности. Полученные результаты свидетельствуют, что особенности национального дискурсивного стиля являются отражением языкового сознания носителей этого стиля, то есть представителей англоязычной или русскоязычной коммуникативных культур.

Это положение можно проиллюстрировать следующими данными сопоставительного анализа. В англоязычных резюме – основных текстах, осуществляющих соискательство должности, содержится информационный блок *Профиль*, в котором автор представляет эксплицитную позитивную самооценку и открыто рекламирует свои профессиональные качества. При этом используются позитивные эмоционально-оценочные лексемы, например, *versatile team member, highly-motivated teacher, reliable and energetic worker*. В русских резюме аналогичный информационный блок содержит, как правило, биографические данные соискателя, автор не «хвалит» себя открыто, то есть эксплицитная самооценка отсутствует. Соискатель подразумевает, что объективные данные о его достижениях, например, *автор метода..., опубликовал более 80 работ*, сформируют у потенциального работодателя нужный образ соискателя.

Таким образом, эти особенности выражения самооценки позволяют предположить, что в языковом сознании представителей британской и американской коммуникативных культур заложено четкое представление о необходимости прямо и открыто описывать собственные достоинства – *blow one's own trumpet*. Самореклама является нормативной стратегией продвижения себя на рынке труда. Представители русской коммуникативной культуры демонстрируют, на наш взгляд, такие особенности языкового сознания, как неприемлемостью восхваления себя, своих достоинств, что и выражается в отсутствие лексики эмоционально-оценочного характера, сдержанности и лаконичности в письменном выражении самооценки.

Еще одно яркое различие в дискурсивном выражении оценки между англоязычными и русскоязычными авторами заключается в способе этого выражения, что также свидетельствует об особенностях их языкового сознания. Так, в англоязычном дискурсе аттестации используются *рационально-объективный и эмоционально-субъективный способы оценивания*. Первый способ «подразумевает изложение фактов (показателей статистики), характеризующих профессиональную деятельность аттестуемого и их соотнесение с критериями оценки» [Стеблецова 2015, с. 33], а второй содержит «...личную интерпретацию объективных показателей, выражение авторских суждений...» [Стеблецова 2015, с. 33]. Текст Evaluation Review (заключение аттестационной комиссии) является ярким примером того, как в одном тексте автор дает резюме результатов рационально-объективного оценивания и свою интерпретацию этих результатов, то есть эмоционально-субъективную оценку. Например, Dr. Montgomery *did well with the budget crisis by avoiding unnecessary layoffs. She has been successful in completing most of the tasks ...* Используется эмоционально-экспрессивная позитивная и / или негативная лексика, а также эксплицитно выраженная авторская позиция оценивающего – личное местоимение I лица и его формы, например I appreciate having you on my team. В русскоязычном дискурсе аттестации содержится исключительно *рационально-объективное* оценивание, его лаконичное текстовое представление, сжатый вид оценки. В текстах представления или аттестационного листа отсутствует письменная интерпретация показателей профессиональной деятельности. В тексте предлагается результат оценивания – *соответствует / не соответствует, рекомендован / не рекомендован, удовлетворительно / не удовлетворительно*. Характерно, что эта оценка всегда представлена как коллективное решение (по результатам голосования, например). Такой способ оценивания не использует ни эмоционально-оценочной лексики, ни разнообразных синтаксических конструкций для реализации в тексте.

Представленные особенности выражения оценки также отражают национально-специфические черты языкового сознания и дискурсивного стиля поведения. Закрепленный в британском и американском языковом сознании индивидуализм выражается в открытом выражении собственного мнения, особенно подкрепленного полномочиями. И напротив, коллективизм, свойственный русскому языковому сознанию, диктует сдержанность и лаконичность в оценках даже при наличии высокого статуса аттестуемого.

Таким образом, результаты сопоставительного анализа подтверждают существование определенной специфики языкового выражения оценивания, что, несомненно, свидетельствует об особенностях языкового сознания представителей англоязычной и русскоязычной коммуникативных культур.

Стеблецова АО. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): автореф. дис....док. филол. наук. – Тверь, 2015. – 44 с.

И.А. Стернин (Воронеж)

О ПОНЯТИИ НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Лингвокриминалистическая практика постоянно дает материал для анализа и осмыслиения таких понятий, как *ненормативная лексика, грубая лексика, оскорбление, неприличная лексика, обсценная лексика, бранная лексика, ругательства, инвективы, сквернословие, нецензурная лексика, мат* и под. В экспертной практике лингвокриминалистов используются разные термины из этого списка, причем часто без определения, поскольку в лингвистике эти понятия разграничены весьма условно и нечетко, а в обыденном употреблении эти понятия вообще фактически употребляются как синонимы, без какой-либо дифференциации. Вместе с тем практика показывает, что далеко не все из названных слов могут считаться синонимами, и в действительности многие из них обозначают не совпадающие понятия.

В связи с этим можно попытаться разграничить эти понятия. Сложность в том, что данные понятия разграничиваются по разным основаниям и целесообразно применить к ним комплекс классификационных критериев.

Представим в таблице предлагаемую нами комплексную классификацию лексики, которая позволит уточнить многие понятия из вышеназванных.

Классификация лексики по нормативности, стилистическим и морально-этическим признакам

по норматив- ности	нормативная		ненормативная				
	допустима в устной и письмен- ной речи	допустима преимущественно в устной речи	(допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)				
по стилисти- ческой отнесен- ности единицы	литера- турная <i>ехать</i> <i>окно</i> <i>читать</i> <i>большой</i> <i>горячо</i>	разго- ворная <i>картоиш</i> <i>ка</i> <i>элект- ричка</i> <i>малый</i> <i>влип-</i>	нефор- мальная <i>батя</i> <i>тряпки</i> <i>шмотки</i> <i>малый</i> <i>короче</i>	снижен- ная Сленг <i>тачка</i> <i>разборка</i> <i>наез- жать</i>	вульгар- ная <i>харя</i> <i>рожса</i> <i>пузо</i> <i>жопа</i> <i>срать</i>	бранныя <i>сволочь</i> <i>подлец</i> <i>дрянь</i> <i>ублюдок</i> <i>сука</i>	нецен- зурная <i>4 слова</i> <i>и их</i> <i>произ- водные</i>

	включить искусство создать считать	нуть табуретка бездельник и др.	типа земляк, старинан аберу и др.	Жаргон лох кент шпора клава	ссать мудохаться	дермо- говно урод гнида козел, приду- рок тварь	
	Грубая						
по формируе- мому стилю общения	формальный стиль общения	неформальный стиль общения					
по морально- этическо- му крите- рию (допусти- мости в общест- венном месте)	приличная (допустима в общественном месте)		некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)			сквернословие	непри- личная
							табуиро- вана, пол- ностью запрещен а к ис- пользова- нию в об- ществен- ном месте

Лингвистически могут быть определены и находятся в синонимических отношениях следующие группы единиц:

нецензурная лексика, непристойная лексика, мат – 4 нецензурных слова и их производные;

сквернословие, ругательства – бранные и нецензурные слова;

культурная лексика, приличная лексика – допустимая в общественном месте.

Некультурная лексика и неприличная лексика разграничиваются – как не рекомендуемая к употреблению в общественном месте и запрещенная к употреблению в общественном месте.

Что касается такие терминов как *ненормативная* и *инвективная* лексика, в лингвистике они трактуются весьма субъективно, противоречиво и непоследовательно, их конкретный состав не определен, в связи с чем их целесообразно считать нетерминологическим (бытовым, субъективным)

обозначением широкого круга не рекомендуемых к публичному употреблению единиц.

В.И. Теркулов (Донецк)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ АББРЕВИАТУРЫ В ЭКВИВАЛЕНТНОМ СЛОВОСОЧЕТАНИИ

Синхронный подход к описанию аббревиатур предполагает рассмотрение не деривационных связей, а отношений текстовой эквивалентности между сложносокращённым словом и эквивалентными ему словосочетаниями.

Эквивалентным аббревиатура словосочетанием мы считаем то, которое включает в свой состав компоненты, трактующиеся как формальные эквиваленты компонентов аббревиатуры, и употребляется как абсолютный синоним аббревиатуры в тексте. Например, синтаксическим эквивалентом аббревиатуры *автовыставка* мы считаем не только словосочетание *автомобильная выставка*, но и словосочетание *выставка автотехники*, поскольку оно содержит компонент *автотехники*, являющейся формальным эквивалентом абброконструкта (сокращенного компонента аббревиатуры) *авто*, и употребляется как абсолютный синоним аббревиатуры в достаточно большом количестве текстов.

Одна аббревиатура может иметь несколько синтаксических эквивалентов, формируя вокруг себя гнездо эквивалентности. Например, для упомянутой аббревиатуры *автовыставка* нами обнаружены следующие эквиваленты: *автомобильная выставка*; *выставка автомобилей*; *выставка автомобильной индустрии*; *выставка автомобильной промышленности*; *выставка автомобильной техники*; *выставка автотехники*; *выставка автомобильного транспорта*; *выставка автоиндустрии*; *выставка автотранспорта*; *автотранспортная выставка*.

Существование эквивалентных отношений между аббревиатурой и словосочетанием обусловлено текстовым развертыванием дешифровальных стимулов интерпретации аббревиатуры, то есть стереотипных эквивалентных расшифровок абброконструктов. Например, для абброконструкта *банд* нами обнаружены следующие дешифровальные стимулы: *бандитский* – *банды* – *бандитов* – *бандгруппы* – *бандформирования* – *бандгруппировки* (см., например, *бандглаварь* – *бандитский главарь* – *главарь банды* – *главарь бандитов* – *главарь бандгруппы* – *главарь бандформирования* – *главарь бандгруппировки*).

Дешифровальные стимулы, формируя абсолютную текстовую синонимию в паре «аббревиатура – словосочетание», одновременно могут различать семантику эквивалентных словосочетаний, что приводит к множественной текстовой трактовке аббревиатуры.

По типу актуализации значения аббревиатуры дешифровальные стимулы делятся на четыре группы:

а. Презентативы, предполагающие наиболее обобщенную, а значит немаркированную интерпретацию значения аббревиатуры; обычно это относительные прилагательные, поскольку в семантике таких единиц реализуется обобщённый квалификативный ономасиологический признак «относящийся к»: *авиабилет – авиационный* (имеющий отношение к авиации) *билет*.

б. Симультанты – ошибочные, паронимические дешифровальные стимулы презентативного типа, появляющиеся при ошибочной дешифровке аббревиатуры, например, *абонплата* (*абонентская* или *абонементная плата*) в результате симультанной дешифровки часто получает эквивалент *абонентная плата*.

в. Релятивы, которые указывают на актантную роль объекта в пределах номинации; например, слово *автоаксессуары* может иметь в качестве эквивалентов словосочетания *аксессуары для автомобиля* (дестинатив: назначение), *аксессуары на автомобиль* (дестинатив в соединении с локативом: назначение и место) и *аксессуары автомобиля* (посессив: принадлежность).

г. Интерпретативы, которые специализируют семантику аббревиатуры. Например, слову *авиавыставка* эквивалентно словосочетание *авиакосмическая выставка*, которое расширяет его текстовую семантику: *авиакосмическая выставка* представляет не только авиационную, но и космическую технику.

Задача последующих работ состоит в описании принципов и причин использования разных дешифровальных стимулов при дешифровке аббревиатур в текстах.

Г.В. Токарев (Тула)

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

Лексическая семантика является основным средством воплощения языкового сознания. Функция объективации представлений о мире реализуется в высказывании. В дискурсе семема обогащает свой состав, устанавливая связи с другими элементами семантического пространства. При этом возникают необычные конфигурации сем, эксплицирующих особенности миропонимания говорящего.

Важную роль в процессе объективации мировоззрения говорящего играет оценочная лексика. Она является основным средством выражения отношения говорящего к предмету речи. Очевидно, что оценке подвергаются прежде всего отступления от нормы, от обычного течения

дел: новые аспекты бытия человека – природные, социальные и т.д. Октябрьская революция вызвала бурную эстетическую реакцию в художественном творчестве своих современников. Люди искусства были разделены на тех, кто поддерживал революцию, и тех, кто ее отрицал. Каждый прочувствовал революцию по-своему. Остановимся на особенностях восприятия Октябрьской революции И.А. Буниным.

Свои дневниковые записи художник назвал «Окаянные дни». Многоаспектная оценочная семантика ключевого слова **окаянный** ‘грешный, отверженный, проклятый’ точно отразила магистральную когнитивную стратегию неприятия И.А. Буниным революционных событий. Характерно, что каждая из дифференциальных сем указанной семемы нашла в тексте своеобразное раскрытие.

Сема ‘грешный’ воплощается в значениях таких слов, как **вакханалия, Каин: Русская вакханалия превзошла все до нее бывшее..., Каин России, с радостно-безумным осторвенением бросивший за тридцать сребреников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью.** В понимании И.А. Бунина грешной является вся Россия, допустившая революцию.

Сема ‘отверженный’ воплощает когнитивную стратегию «противопоставление своего чужому», которая находит в тексте дневника различное воплощение. Она осуществляется с опорой на притяжательные местоимения: *Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое.* Бунин не принимает всё, что принесла в жизнь новая власть. Реформы не вошли в сферу его личного пространства, не стали своими.

Эта же стратегия выражена в неприятии нового языка, высокопарного, напыщенного, лживого: *Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь.... Революционный дискурс характеризуется с опорой на слова с отрицательной оценкой – высокопарно-площадной, угрозы, хвастовство, плоско, лживо: Тон газет все тот же, – высокопарно-площадной жаргон, – все те же угрозы, осторвенелое хвастовство, и все так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову и живешь в полной отрезанности от мира, как на каком-то Чертовом острове.*

Интенцию неприятия новой власти, ее негативную оценку передает перечисление штампов революционного дискурса, объективирующих коннотации ‘суконность’, ‘пошлость’, ‘примитивизм’.

Противопоставление своего чужому отражено в лексическом представлении России прошлого и современного: *Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье.... Прежняя Россия характеризуется рядом оценочных слов: мощь, сложность, богатство, счастье, эксплицирующих противоположную невербализованную*

характеристику России современной. Вырисовывается образ оккупированного, замершего в ожидании города: *Весь огромный город не живет, сидит по домам, выходит на улицу мало. Город чувствует себя завоеванным, и завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги.*

Представления о прежней России воплощаются через описание реалий дореволюционной жизни: храма, обряда венчания, пения церковного хора. Значения этих слов генерируют коннотации гармонии, красоты, веры, которые формируют смыслы, апеллирующие к кардинально противоположным представлениям о новой власти. *А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров «старого» мира в море грязи, подлости и низости «нового», тронули необыкновенно.*

Текстуальная семантика выражает ещё одну важную когнитивную стратегию: превращения своего в чужое. Революция искажает, извращает: *одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна.*

Оценочные слова передают коммуникативную тактику осуждения. Бунин упрекает современников, воспевающих революцию и не замечающих её разрушающей силы: *Блок слышит Россию и революцию, как ветер... О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им все нипочем.*

Атрибуты революционной действительности И.А. Бунин характеризует с опорой на арсенал семантических средств, репрезентирующих чужое пространство. Так, грузовик для художника становится «страшным символом». Его восприятие передаётся оценочными лексемами **самый тяжкий и ужасный**. Причастность и чужому миру подчеркивает метафора **животное** «ревущее и смердящее животное», используемая И.А. Буниным для характеристики революционеров.

Лексема **животное** (*Речь Ленина. О, какое это животное!*) объективирует смысл, отрицающий человеческое, духовное, и выступает с инвективной интенцией. *Вспомнился мерзкий день с дождем, снегом, грязью, – Москва, прошлый год, конец марта. Через Кудринскую площадь тянутся бедные похороны – и вдруг, бешено стреляя мотоциклетом, вылетает с Никитской животное в кожаном картузе и кожаной куртке, на лету грозит, машет огромным револьвером и обдает грязью несущих гроб».* // *«Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны, осторвлено катающие чурбан!»*

Образ революционера объективируется с опорой на оценочные слова: **в развратнейших галифе, кокаинистическими глазами. На этих лицах прежде всего нет обыденности, простоты. Все они почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем.**

Сема ‘проклятый’ раскрывается лексемами, называющими события этого исторического периода. *Кончился этот проклятый год.* Данный признак усиливается контекстуальными стилистическими синонимами: *...Может, нечто еще более ужасное // А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти // И вот уже третий год идет нечто чудовищное. Третий год только низость, только грязь, только зверство. Ну хоть бы на смех, на потеху что-нибудь уж не то что хорошее, а просто обыкновенное, что-нибудь просто другое!.*

Таким образом, дневник И.А. Бунина «Окаянные дни» отражает индивидуальное восприятие автором событий Октябрьской революции. Семантическая структура данного теста основана на развертывании сем ключевого слов *окаянныe* путём употребления оценочных и экспрессивных слов. Особенности словоупотребления отражают основные когнитивные стратегии противопоставления своего чужому, его неприятие, осуждение и отрицание.

Бунин, И.А. Окаянные дни [Электронный ресурс] // https://royallib.com/book/bunin_ivan/okayannie_dni.html (дата обращения 01.09.2017).

Д.В. Третьякова (Тольятти)

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

В настоящее время весьма важно зафиксировать актуальное значение слова, т.е. значение, представленное в языковом сознании носителя языка. Задача эта реализуема при условии использования комплексных методик, учитывающих значения в индивидуальном и коллективном сознании, а также разные аспекты формирования семантики в контексте, т.е. актуального функционирования слова.

Именно сочетание разных указанных подходов дает объективные и достоверные результаты. Так, в нашей практике описания значения наименований священнослужителей используется комплексный подход [Третьякова 2017]: метод обобщения словарных дефиниций [Стернин, Саломатина 2011; Стернин, Рудакова 2017], психолингвистическая верификация данных и анализ контекстных употреблений в Национальном корпусе русского языка. Данная методика позволяет выявить распространенность и приоритетность конкретного значения слова в сознании носителя языка.

Психолингвистический эксперимент позволяет выявить новые значения, не всегда зафиксированные словарями и подтвержденные контекстными употреблениями. С другой стороны, в результатах эксперимента могут быть представлены ошибочные значения, связанные с индивидуальным или микрогрупповым восприятием слова и его значения.

Приведем пример. Слово **поп** зафиксировано словарями как бытовавшее уже в XI в. Семантика этого слова претерпела ряд изменений – из номенклатурного обозначения (XVIII в. – начало XIX в.) оно превратилось в уничижительное и пренебрежительное наименование священника или шире – служителя культа.

Психолингвистический эксперимент, проведенный среди студентов светского и религиозного вузов, показал некоторые сдвиги в семантике этого слова на современном этапе функционирования языка.

Так, студенты светского вуза давали преимущественно ассоциации, связанные с церковью и церковнослужителями вообще (*церковь, батюшка, священник, чёрный, священнослужитель, служитель церкви, церковный, приход, купола, колокол, свеча, попадья, патер, мужчина в церкви*), догматами и обрядами церкви (*православие, бог, исповедание, белый, вера, святой, молитва*), элементами облачения и внешнего вида (*ряса, крест, золото, борода, толстый*), местом и средой бытования (*деревня, деревенский, крестьяне, Русь, народ*), чертами из прецедентных текстов (*толоконный лоб, балда, сказка о попе и работнике Балде, русские сказки, вредный, богатый, «заевшийся», жадный, алчный*), со словом как таковым (*актёр, поп-музыка, поп-культура от Поперечного, вульгарное слово*).

Студенты религиозного вуза, наряду с перечисленными выше категориями частотно упоминали исторические периоды, связанные со значением слова (*старина, древние времена, революционное название в годы СССР*), его происхождение (*Италия, папас, пана Римский*) и стилистические характеристики (*простонародное название, грубое выражение, разговорное стилистически сниженное слово, нельзя обращаться так, вульгарное выражение*), а также негативно-оценочную составляющую в семантике (*антиотец, деньги, власть, распутство, полный, злой*) и давали отдельные не интерпретируемые индивидуальные ассоциации (*существо, клоп, заяц, трава, шапка, маленький синий куб*). Примечательно также указание на семантику аббревиатуры ПОП (*паstryр овец православных*).

Таким образом, ассоциаты студентов светского вуза более традиционны, связаны с прецедентными текстами (поп из фольклорных и литературных сказок, например, «Сказка о попе и его работнике Балде» А.С. Пушкина), тогда как у студентов религиозного вуза они более разноплановы и индивидуальны.

Примечательно, что в сети Интернет мы находим примеры функционирования подобных значений: «Поп – вульгарное слово», например: «*Священник – хотя и в слове «pop» нет ничего обидного – тихонько постучал согнутым пальцем по плечу Е. С.: как будто в калитку*» [НКРЯ – А. А. Матвеева. Обстоятельство времени (2012)].

«– Вы что, хотите с попом разговаривать? – отчего-то перепугалась Бурова.

– Не с попом, Лера, забудьте это слово как вульгарное» [НКРЯ – Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Таким образом, комплексная методика позволяет не только выявить актуализированные значения индивидуального и группового языкового сознания, но и описать их семантику с учетом функционирования в языке на современном этапе.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Словарные дефиниции и семантический анализ. – Воронеж: «Истоки», 2017. – 34 с.

Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 150 с.

Третьякова Д.В. Комплексная методика описания значения слова (словари, тексты, психолингвистический эксперимент) // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2017. – Вып. 4. – С. 103-113.

Ю.А. Цофина (Ярославль)

АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ МЕЖДОМЕТИЙ В КОНТЕКСТЕ

Анализ значений слов в контексте является частью методики определения психолингвистического значения слова. Этот исследовательский этап следует за этапом обобщения словарных дефиниций, призванным выявить ядерные и периферийные значения слова [Стернин, Рудакова 2011]. Недостатком этого этапа является выявление неполного набора значений слова, выявление значений, которые устарели, вышли из употребления, но не имеют соответствующих лексикографических помет, и представление разных наборов значений слова в разных словарях. Анализ контекстуального употребления слова позволяет выявить семы, которые не вошли в словарное толкование, проранжировать их по степени употребительности, т.е. выявить наиболее употребительные значения и вышедшие из употребления [Стернин, Рудакова 2011, с. 12].

Мы проанализировали с помощью этого метода значения междометий **ага, алло, браво, господи, о, ой, ого, стоп, эй** в контексте, предварительно составив матрицу обобщенных словарных дефиниций на основе данных шести толковых словарей русского языка: Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Малый академический словарь русского языка, Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова. Для анализа контекстов мы использовали базу текстов Национального корпуса текстов русского языка

[ruscorpora.ru]. Нами были выявлены следующие значения, совпадшие с результатами обобщения словарных дефиниций:

АГА – злорадство (злорадное торжество), торжество, согласие, подтверждение, изумление, радостное удивление, уяснение, догадка;

АЛЛО – в телефонном разговоре: возглас в значении: слушаю, слушайте, у телефона, фамильярный оклик при встрече;

БРАВО – одобрение, восхищение, похвала, театр.: похвала игре артистов;

ГОСПОДИ – удивление, нетерпение, неожиданность, досада, восторг, негодование, гнев, печаль, огорчение, испуг, радость;

О – для усиления экспрессивности высказывания/выражает какое-либо сильное чувство, риторические восклицания, усиление утверждения и отрицания, риторическое обращение / требование взять речи, чувство боли, отчаяние, горе, восхищение, удивление, изумление, сожаление, негодование, возмущение, презрение, испуг, укоризна, насмешка, неудовольствие, страдание, тревога, выражение физического страдания, для усиления просьбы, мольбы с повелит. наклонением;

ОГО – удивление, изумление, восхищение, одобрение, неожиданное, непредвиденное, радость, оценка, об огромном количестве или большом размере чего-либо;

ОЙ – боль/неожиданная боль, испуг, недоумение, изумление/удивление, сомнение, негодование, досада, сожаление, предупреждение о возможных трудностях, радость, восхищение, эмоциональное подчеркивание высокой степени проявления признака, при обращении с целью усиления выразительности, в высокой степени/ усиливает слово, к которому примыкает (ой как, ой какой), страх, огорчение, страдание, в песенных зинах при обращении;

СТОП – команда для прекращения движения, работы в значении: *стой!*, *остановись!*, приказание в значении: *довольно!*, *хватит!*, *прекрати!*;

ЭЙ – возглас, которым окликают, подзывают, обращаются к кому-либо, возглас, которым предостерегают кого-либо: *кто там, слушай, поди сюда!*

Мы также выявили значения, которые не были указаны в словарях:

АГА – насмешка, насмешливо-пренебрежительное отношение, воспоминание, реакция на появление нового, возмущение;

АЛЛО – возмущение, приветствие;

БРАВО – ирония, насмешка, негодование, презрение;

ГОСПОДИ – усиливает слово или фразу, к которым примыкает, раздражение, возмущение, отчаяние, попытка вспомнить что-либо, неожиданное воспоминание, оплошность, озарение, реакция на неожиданно возникшие обстоятельства, выражение желаемого, пренебрежительное отношение, растерянность, недоумение, риторическое восклицание, насмешка, причитание, выражение облегчения, сочувствие;

О – удовольствие, радость, воодушевление, узнавание предмета речи, передача смысла *я тоже знаю, я тоже делал*, заинтересованность, реакция на возникновение новых обстоятельств, озарение;

ОГО – выражение физической боли, выражение физической тяжести, приветствие, душевный подъем, призыв откликнуться;

ОЙ – оплошность, реакция на неожиданно возникшие обстоятельства, внезапное воспоминание, употребление в зчине фразы («женское» употребление), пренебрежение, презрение, узнавание предмета речи, причитание, ирония, смущение, усиление отрицания;

СТОП – остановка мыслительного процесса, озарение, неожиданное воспоминание;

ЭЙ – ругательство, возмущение, недовольство, приказ остановить действие, испуг, тревога, побуждение к действию, калька с употребления английского *hey*, сочувствие, выражение моральной поддержки, передача особенностей говора людей другой национальности, физическая боль, удивление, насмешка.

Единственное значение, которое не было выявлено нами при анализе контекстов, это *замешательство* у междометия **АГА**.

Полученные методом контекстного анализа значения междометий необходимо верифицировать на третьем этапе методики определения психолингвистического значения слова при помощи психолингвистического эксперимента с участием носителей языка.

Национальный корпус русского языка. URL:<http://www.ruscorpora.ru/>

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Т.В. Чвягина (Ярославль)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ *ECOLOGY* И ЭКОЛОГИЯ

Возникнув в 1866 году в значении «сумма знаний, относящихся к экономике природы», термин **ecology** в настоящее время охватывает как область биологических знаний о живых системах в их взаимодействии со средой обитания, так и общен научный подход к исследованию проблем взаимоотношений человека и природы [Вронский 1996, с. 135].

Слово **ecology** – это зонтичный термин, который объединил в себе данные разных наук и, таким образом, способствовал развитию таких научных направлений как биоэкология (общая экология), геоэкология (глобальная экология), социальная экология (экология человека) и прикладная экология.

Однако, получив в последнее время широкое распространение в повседневной речи и средствах массовой информации, **ecology** теперь является и специальным термином, и словом обыденного языка, и реализует следующие основные значения:

- окружающая среда, среда обитания (*Social systems evolve in close relation to ecology*);
- охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности (...*safety and ecology are very important*);
- условия среды обитания, в которых существует вид (...*the basic information into which the ecology of the animal has to be accommodated*);
- состояние окружающей среды (*Long before our modern preoccupations with ecology...*);
- природа, природная среда (*Not only humans longed for liberation. All ecology groaned*);
- окружающая обстановка, среда (...*these aspects of classroom ecology are helpful for all pupils*);
- наука об окружающей среде (*The interactions between them and their surroundings are the subject of ecology*);
- проблемы окружающей среды (...*US biologist Barry Commoner put it in his seminal 1970 book on ecology, The Closing Circle*);
- внутреннее состояние, устройство (...*one which would not fundamentally damage the ecology of the system*).

В русском языке слово **экология** появилось в 70-80-х годах XX века, а в широкий обиход оно вошло лишь в 2000-х, получив при этом широкое семантическое развитие. В современном русском языке термин **экология** активно детерминологизируется и становится общеупотребительным; наравне с терминологическими значениями, у него появились значения, принадлежащие уже обыденному языку:

- окружающая человека природная среда (*Экология современной жизни настолько разрушена руками человека...*);
- состояние окружающей человека природной среды (*Материальный ущерб от плохой экологии трудно оценить...*);
- охрана окружающей среды (*В последнее время засовестился Министром и направляет на экологию внушительные суммы*);
- условия среды обитания, в которых существует вид (*Им была исследована экология близких видов крачек...*);
- наука об окружающей среде и её охране (*Экология — это, прежде всего, система представлений о взаимосвязи природы и живых существ...*);
- обеспечение экологической безопасности (*Технологичность, улучшение производственных условий, экология перевесили кажущуюся дешевизну производства резины...*);

- социальная обстановка, условия жизни общества (*Но новая «экология свободы» оказывается неблагоприятна для нормативного творчества в либеральном духе...;*);
- забота об условиях культурной среды человека, защита его культурных и духовных ценностей (*Любимая идея Дмитрия Сергеевича — экология культуры — собственно, сводится к проблеме, как исцелить Россию...;*);
- состояние внутреннего мира человека, степень его душевной чистоты (*Разрушаются экология души, и без того слабые народная самоорганизованность и национальная гордость*);
- природа, природная среда (*Один из наиболее существенных факторов, способствующих выбору места жилья в парке, — экология*);
- этническая среда человека; языковые, культурные и бытовые условия его существования (*Славянство выживало вместе со своими лесами, как своеобразная этническая «экология»...*);
- безопасные продукты (*Но эта экология стоит столько, что позволить ее себе могут только очень богатые сознательные борцы за чистоту организма*);
- плохое состояние, высокий уровень загрязнённости (*Экология языка его пугала.*);
- окружающая обстановка, среда (*Экология квартиры — тема для Федоровых не новая, и волнующая их ничуть не меньше, чем пространственные решения*);
- безопасность компонентов, экологическая чистота веществ (*если...экология выхлопа газа будет лучше, то нет вопросов, чтобы он присутствовал на нашем рынке*);

Исходя из выше сказанного, можно заключить, что термин **ecology** в большей степени сохранил свое терминологическое, естественно-научное значение, в то время как термин **экология** в русском языке в процессе детерминологизации развил множество метафорических значений и используется сегодня при обсуждении различных объектов природной и социальной действительности.

Вронский В.А. Прикладная экология: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.

National British Corpus (BYU-BNC). – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

Н.М. Черепкова (Воронеж)

СЕМАНТИКА СЛОВА *ПЕРЕКРЕСТОК* В КОНТРАСТИВНОМ СЛОВАРЕ

Одним из актуальных направлений современной лексикографии является создание контрастивных двуязычных словарей (Стернин 2007). Создание подобных словарей стало возможным в результате развития контрастивных исследований лексики и развития семной семасиологии, которая позволяет с достаточно высокой точностью описать как семантическое сходство, так и семантическое различие лексических единиц сравниваемых языков.

Семная семасиология на современном этапе исходит из представления о значении слова (семеме) как упорядоченной совокупности семантических компонентов разного типа. Семантические компоненты значения могут быть подразделены на мега-, макро- и микрокомпоненты [Стернин 1985, Маклакова 2013].

Приведем пример контрастивного описания русского слова *перекресток* в русско-французском контрастивном словаре.

ПЕРЕКРЕСТОК = carrefour

место
пересечение нескольких
дорог, улиц
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
общераспр.
употр.

ПЕРЕКРЕСТОК – croisement

<p>место пересечение нескольких дорог, улиц неоцен. неэмоц. межстил. общенар. соврем.</p>	<p>место пересечение двух дорог, улиц неоцен. неэмоц. межстил. общенар. соврем.</p>
--	--

общераспр.
употр.

общераспр.
малоупотр.

ПЕРЕКРЕСТОК – croisée

место	место
пересечение нескольких доро-	пересечение двух дорог
улиц	
неоцен.	неоцен.
неймоц.	неймоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
общераспр.	общераспр.
употр.	малоупотр.

ПЕРЕКРЕСТОК – embranchement-2

место	место
пересечение нескольких	пересечение (соединение)
дорог, улиц	нескольких дорог, улиц с
	главной дорогой
неоцен.	неоцен.
неймоц.	неймоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
общераспр.	общераспр.
употр.	малоупотр.

ПЕРЕКРЕСТОК – étoile

место	место
пересечение нескольких	пересечение нескольких
дорог, улиц	дорог, улиц
0	в виде звезды
неоцен.	неоцен.
неймоц.	неймоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.

общераспр.
употр.

общераспр.
малоупотр.

ПЕРЕКРЕСТОК – patte d'oie

место
**пересечение нескольких
улиц**
0
неоцен.
неймоц.
межстил.
общенар.
соврем.
общераспр.
употр.

место
**соединение двух дорог, улиц
под углом срезают главный
путь**
неоцен.
неймоц.
межстил.
общенар.
соврем.
общераспр.
малоупотр.

ПЕРЕКРЕСТОК – rond-point

место
**пересечение нескольких
дорог, улиц**
0
неоцен.
неймоц.
межстил.
общенар.
соврем.
общераспр.
употр.

**площадь
соединение (окончание)
нескольких улиц, авеню,
дорог
с круговым движением**
неоцен.
неймоц.
межстил.
общенар.
соврем.
общераспр.
малоупотр.

Подобная методика описания позволяет достаточно точно описать как семантические сходства, так и дифференциальные семантические компоненты русских и французских переводных соответствий.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.

Маклакова Е.А. Типы семантических компонентов и аспектно-структурный подход к описанию семантики слова. – Воронеж: Истоки, 2013. – 32 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1985. – 253 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ СИНОНИМОВ (на примере лексем «даг» и «дагестанец»)

Наименования лиц по национальности часто представлены в языке синонимическими рядами, в которые входят общеупотребительные и сниженные языковые единицы. Эти единицы различаются не только стилистически, но и рядом семантических компонентов, которые в словарях обычно не фиксируются – словари ограничиваются констатацией сниженности, разговорности, жаргонности единицы, не выявляя других дифференциальных семантических компонентов.

Потому особенно важным становится экспериментальное описание значения лексем, при котором выявляется его *психолингвистическое значение* [Стернин, Рудакова 2011].

Для описания психолингвистического значения слов *дагестанец* и *даг* нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором участвовало 112 ии. Значения также были определены по толковым словарям методом обобщения словарных дефиниций, а психолингвистические значения сформулированы методом семантической интерпретации (Рудакова, Стернин) с определением СИЯ – совокупного индекса яркости значения.

Были получены следующие результаты (приводятся только психолингвистические значения).

ДАГЕСТАНЕЦ

112 ии

Психолингвистическое значение

Человек, живущий в Дагестане

Человек 2, живущий на Кавказе 4 (*Кавказ 4*), в частности в Дагестане 4 (человек, живущий в Дагестане, Махачкала, Дербент, Каспий), в горах 9 (горы 8, горы красивые), где говорят на 40 языках 1 (сорок языков), представитель дагестанской национальности 2 (национальность, три народности), отличный от русских 1 (чужой), любящий песни и танцы 7 (веселые песни и пляски, танцы 2, танец 3, танцует), в частности лезгинку 11 (лезгинка 11); светлокожий 1 (светлокожий кавказец), сильный 1, справедливый 1, красивый 1 (красавец), гостеприимный 1, воинственный 2 (джигит, стрельба), имеющий оружие 3 (кинжал, оружие, пистолет), занимающийся борьбой 4 (борьба 2, борец 2), носящий характерную одежду: красные мокасины 2 (красные мокасины, мокасины), серебряный браслет 1; имеющий характерный нос 1 (нос) и патлы 1, водит «заниженный» автомобиль фирмы «Лада» 6 (Приора 2, заниженная Приора, заниженная машина, Гранта, машина), торгует на рынке 1 (рынок) арбузами 1 (арбуз), содержит животных 2 (ишик, овцы), работает на заводе 1 (кирпичный завод), добывает нефть 1 (нефть), употребляет выражение «по-братьски» 1, похож на чеченца 2

(чеченец; такой же, как чеченец), агрессивный 1, наглый 1 (наглость), опасный 1, хмурый 1, вызывает негативное отношение 3 (обезьяна, другой отморозок, нехороший человек), связан с криминалом 1 (бандит). Всего 92 реакции

то же, что 6 – хач 1, даг 1, абрек 1, чурка 3

идентификация 2 – Шамиль 1, Кадыров 1

актуализация исторических реалий 1 – война 1

СИЯ 0,82

Неинтерпретируемые реакции 3 (водник, Магги, улица)

Отказ 8

ДАГ 112 ии

Психолингвистическое значение

1. Дагестанец

Дагестанец 18, мусульманин 1 (мусульман), живущий 1 (население) на Кавказе 2 (кавказец 2), в Дагестане 5 (Дагестан 3, Махачкала, ноль пять), в горах 3 (горец 2, горы), с бородой 1 (борода), в черной кожаной куртке 1 (черная кожаная куртка), с характерным носом 1 (нос), смуглый 2 (черный, черномазый), танцует лезгинку 2 (лезгинка 2), занимается вольной борьбой 1 (вольная борьба), бывает молодой 1 (мальчик), простой 1, чересчур уверенный в себе 1, опасный 2 (опасно, опасный человек), наглый 2, грубый 1, агрессивный 1 (агressия), вспыльчивый 1 (горячая кровь), дерзкий 1, связан с мафией 1 (мафия), имеет машину 5 (машина, Приора 4) с тонировкой 1 (тонировка), имеет кинжал 1 (кинжал), любит девушек 1 (девушка), иностранец 1, похож на хача 2 (хач 2) и чурку 2 (чурка 2), носит имя Магомед 1 (Мага), отражает стереотипные представления о своем народе 1 (молодой представитель Дагестана со всеми воплощениями стереотипов), имеет негативный образ 3 (гад, мудила, черномазый). Всего 70 реакций

метаязыковой комментарий 3 – ругательство на дагестанцев 1, сокращенно от дагестанец 1, неформальное 1 (неформальность)

то же, что дагестанец 18

СИЯ 0,63

2. Мультиликационный герой

(Мультиликационный герой) по имени Дональд Дак 3 (Дональд, Дональд Даг, Дональд Дак).

СИЯ 0,03

Пример употребления: Дональд Дак был по-прежнему популярен у зрителей.

3. Мужское имя

(Мужское имя);

актуализация прецедентных текстов 2 – герой фильма «Мальчишник в Вегасе» 1, один из богов германо-скандинавской мифологии 1.

СИЯ 0,02

Пример употребления [НКРЯ]: «Это обаятельный педиатр Даг Росс, под бархатным взглядом которого млеют все представительницы прекрасного пола по ту и по эту сторону экрана». [Клариса Пульсон. Джордж Клуни – самый обаятельный доктор (1999) // «Здоровье», 1999.03.15]

4. Название горной местности

(Название горной местности);

идентификация 2 – Икра 1, Аю 1.

СИЯ 0,02

Неинтепретируемые реакции 4 (*даг 2, баг; поленце*)
Отказ 29

Таким образом, при описании психолингвистического значения слова «даг» были выявлены два значения этого слова, не зафиксированные в толковых словарях, а именно «мужское имя» и «мультипликационный герой». Последнее значение является ложным (контаминированным), оно возникло по звуанию с ДАК.

Лексема «дагестанец», в отличие от своего симиляра «даг», по результатам проведенного психолингвистического исследования имеет лишь одно значение – *представитель дагестанской народности* (зафиксировано в словарях). При этом коннотативный компонент данного слова содержит больше положительных характеристик: коэффициент реакций с однозначно положительными характеристиками составляет 0,04 (*сильный, справедливый, красивый, гостеприимный*), с негативными – 0,07, тогда как в слове «даг» однозначно негативных характеристик несколько больше (0,13), а однозначно положительные характеристики и вовсе отсутствуют.

На основании этого можно сделать вывод, что разница в значениях двух лексем наиболее существенна в коннотативном компоненте. Другими словами, в том случае если есть потребность в негативной характеристике представителя дагестанской народности, с большей долей вероятности будет использована лексема «даг», тогда как лексема «дагестанец» остается нейтральной, как стилистически, так и коннотативно.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

C.А. Чугунова, Ж.П. Залипаева (Брянск)

**СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ИДИОМАТИЧЕСКИХ
ВЫРАЖЕНИЙ С ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ
НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ**
(результаты эксперимента)

Идиоматические выражения распространены во всех известных языках и представляют собой языковую универсалию. В отечественной лингвистической традиции идиомы соотносятся исключительно с двумя классами фразеологических оборотов – фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами. Англо-американская традиция рассматривает идиомы шире – как любое словосочетание, значение которого не выводится из значений составляющих компонентов (частей).

На основании проведенных в разные годы экспериментальных исследований был предложен целый ряд моделей понимания идиоматических выражений. Различие между ними сводится к тому, что при понимании идиом идиоматические значения активизируются без доступа к буквальным значениям составляющих идиому слов, или доступ к идиоматическому значению происходит через анализ (разложение) идиомы на всех уровнях: семантическом, лексическом, синтаксическом, или в памяти параллельно активизируются и образные, и буквальные значения.

В проведенном нами разведывательном эксперименте на понимание идиоматических выражений с темпоральной семантикой на родном и иностранном языках использовались методы субъективного шкалирования и субъективного дефинирования. В эксперименте приняли участие студенты факультета иностранных языков Брянского госуниверситета, изучающие английский или французский язык в качестве основной специальности (53 чел.). Русские идиомы совпадали в обеих группах: *Не успеешь глазом моргнуть*, *В мгновение ока*, *Битый час*, *В час по чайной ложке*, *Тянуть время*, *Задним числом*, *По старой памяти*. Англо- и франкоязычные идиомы различались: **англ.**: *Beat the clock*, *Work against the clock*, *Make good time*, *Watch the clock*, *Have time on your hands*, *In the nick of time*, *Two-time*; **фр.**: *Faire des avances*, *Plier bagage*, *Faire la grasse matinée*, *Remettre les pendules à l'heure*, *De vieille souche*, *Passer à la trappe*, *Au bout de l'aune faut le drap*.

В результате эксперимента можно сделать следующие выводы.

1. Все испытуемые пытались вывести именно идиоматическое значение. В этом нас убеждает то, что, несмотря на известность всех иноязычных слов (они достаточно просты, частотны), респонденты часто отмечали выражения как «незнакомые» и/или «сложные» и даже отказывались от дефиниций.

2. Русские идиомы в целом истолкованы успешно, хотя встречаются и несовпадения, причем по одним и тем же идиомам, но они в меньшинстве.

3. Идиома может оцениваться как «незнакомая», но «простая для понимания», или как «знакомая», но «сложная для понимания», притом что, оценивая стимул как «знакомый» и/или «простой для понимания», испытуемый мог отказать от субъективной дефиниции. Это еще раз подтверждает гипотезу о континуальности знания, о том, что вход в ментальный лексикон обеспечивается по нескольким направлениям.

4. При работе с иноязычными идиомами нередко использовались одни и те же стратегии понимания: буквальный перевод, опора на фонетический образ слова в родном языке, опора на значение уже известной идиомы.

5. В ряде случаев зафиксировано переключение кодов при толковании, что может быть связано с будущей специальностью студентов – лингвист-переводчик (английская группа).

**СТРУКТУРНЫЕ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
СЛОЖНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА
В СОСТАВЕ ДЕРИВАЦИОННОГО ГНЕЗДА ГЛАГОЛА БИТЬ**

Одной из актуальных проблем современной лексикологии и дериватологии остается изучение сложных номинаций лица, в том числе и в ономасиологическом аспекте. Используя предложенную В.И. Теркуловым трехчленную типологию композитов с точки зрения их ономасиологического статуса (см. [Теркулов 2008, с. 232]), рассмотрим композиты-номинации лица, представленные в рамках деривационного гнезда глагола *быть* в словаре А.В. Петрова [Петров 2003, с. 15-26].

Деривационное гнездо глагола *быть* включает 31 номинацию лица композитного типа (в широком понимании термина *композит*), представляющую собой названия субъектов, т. е. это обозначения биологических субъектов. Все композиты, входящие в данную группу, — это существительные. При этом 30 единиц являются отглагольными дериватами (названия лиц мужского пола), одна номинатема — отсубстантивное модификационное производное (название лица женского пола: *челобитчица*). Отглагольные сложные наименования лица являются скриптовыми образованиями (сценариями), поскольку реализуют динамичное представление о ситуации.

Все анализируемые сложные наименования лица, образованные на базе глагола *быть* и того или иного существительного, представляют собой деривационные композиты, т. к. включают семантику не только производящего глагольно-именного словосочетания, но и «добавочную» сему «лицо». Это касается как композитов, образованных путем сложения с помощью интерфиксса *-о-* (*китобой*, *маслобой*, *сваебой* и др.), так и сложно-суффиксальных дериватов (*свинобоец*, *китобоец*, *молотобоец* и др.).

В нашем материале обращает на себя внимание ряд композитов, которые семантически восходят к глаголу *быть* в соответствующем значении как к своему производящему, но также коррелируют и со значением глаголов *забить*, *забивать* ‘убить, убивать’. В связи с этим композиты *быкобоец* 2 ‘участник боя быков’ (ср. *забойщик быков*, т. е. тореро), *свинобоец* ‘рабочий, занимающийся убоем свиней’ (ср. *забойщик свиней*), *скотобоец* ‘рабочий, занимающийся убоем скота’ (ср. *забойщик скота*) частично напоминают универбализационные композиты. Но в силу того, что в языке все-таки нет словосочетаний **бойщик быков*, **бойщик свиней*, **бойщик скота*, композиты типа *скотобоец* логичнее считать деривационными.

Рассматриваемые отглагольные производные входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с ономасиологическим базисом «агент»/«субъект действия», т. е. «производитель действия». Словообразовательное значение таких сложных дериватов прежде всего включает компонент « тот, кто совершает действие, названное производящим глаголом ». Данный ономасиологический базис конкретизируется в рамках следующих ономасиологических моделей: 1) «агент + объект действия», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие — в дериватах этой группы объект действия обозначает либо убитое живое существо (*волкобой*, *тюленебоец* и др.), либо же предмет неживой природы, испытывающий физическое воздействие (*шишкобой*, *сваебоец* и др.); 2) «агент + инструментив», где ономасиологический признак указывает на орудие производимого действия как в прямом, так и в переносном смысле (*кнутобой*, *молотобоец*, *челобитчик* и др.); 3) «агент + фактитив/финитив», где ономасиологический признак указывает на результат действия как на продукт, получающийся в результате этого действия (*воскобойник*, *маслобой*, *щебнебоец* и др.).

Среди сложных номинаций лица, представленных в составе деривационного гнезда глагола *бить*, частотны словообразовательные варианты: *воскобой* – *воскобойник*, *кнутобой* – *кнутобоец*, *сваебой* – *сваебоец* и др. [Петров 2003, с. 15-26]. Отметим, что для сферы номинаций лица в целом и неономинаций в частности характерны как вариативные единицы, так и синонимические пары и ряды разного типа (см. [Ярошенко 2016, с. 189-190]).

Петров А.В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. — Симферополь, 2003. — 286 с.

Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. — Горловка, 2008. — 472 с.

Ярошенко Н.А. Неономинации лица в русском языке: основные тенденции // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности» (г. Донецк, 16-18 мая 2016 г.); под общей ред. проф. С.В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. — С. 188-190.

СОДЕРЖАНИЕ

Акованцева Н.В. (Воронеж) Когнитивно-категориальная структура ассоциативного поля «отдых/отдыхать»	3
Борисова Л.М. (Воронеж) Номинация повествователя (на материале художественного текста)	4
Бубнова Н.В. (Смоленск) Оним ДНЕПР в составе фоновых знаний общенациональной языковой личности: данные ассоциативного эксперимента	7
Бурдина О.Б. (Пермь) Восприятие иконического знака в фармацевтическом тексте	10
Буренкова С.В. (Омск) Взаимосвязи окружающего мира в лексике и словаре	13
Бушуева Л.А. (Нижний Новгород) Поступок и его элементы по данным ассоциаций носителей русского языка	15
Вальтер Н.В. (Воронеж) Несоответствие между грамматическим и информативным значениями глаголов (на материале текстов событийных репортажей)	17
Виноградова О.Е. (Воронеж) К вопросу описания семантики слова как феномена языкового сознания	19
Виноградова С.А. (Мурманск) отражение в словарях значения относительных прилагательных английского языка	21
Дьякова Л.Н., Зубкова Т., Сахарова И. (Воронеж) Значения слов в языковом сознании дошкольников	23
Дьяконова Е.А. (Москва) «Визуальная составляющая» при описании психолингвистического значения	25
Иванова Н.И. (Якутск) Ассоциативное измерение языковых установок по отношению к родному и другим языкам в условиях языковой неоднородности	28
Ивина Е.Ю. (Воронеж) Эвфемистические языковые единицы русского языка, стимулирующие к даче или получению взятки	30
Илунина А.А. (Воронеж) Художественные тексты в языковом сознании носителя языка	31
Ипполитов О.О. (Воронеж) Явление диверсификации в образовательном процессе (на примере актуализации концепта «Жизненный путь-дорога» в русском языковом сознании)	33
Карпов Д.Л. (Ярославль) Определение значения слова в экспертном исследовании текста по антикоррупционным делам	35
Князев И.В. (Воронеж) Сопоставительный анализ семантики слова в темпоральном аспекте (на примере слова «декрет»)	38
Коваленко С.В. (Воронеж) Психолингвистическое исследование семантики антропонима ПИКАССО	39

Козельская Н.А. (Воронеж) К изучению гендерной специфики семантики слова (на примере лексем <i>учитель</i> и <i>учительница</i>)	41
Колесникова Е.И. (Воронеж) Гендерная специфика семантики слова	43
Колпакова А.С. (Борисоглебск) Субъективная оценка «нового слова» в обыденном сознании носителей русского языка	45
Крючкова О.Ю., Крючкова Н.В. (Саратов) Гнездовые ассоциативные реакции как материал для изучения актуальной семантики слов-стимулов	46
Кудрейко И.А. (Донецк) Сленг как форма репрезентации молодежного языкового сознания	49
Кудрявцева Т.Ю. (Воронеж) Формирование семантики безэквивалентной лексики в языковом сознании студента-иностранца	51
Курмакаева Н.П. (Донецк) Семантика поля безличности в русском языковом сознании	53
Лазарева М.Н. (Пермь) Синтагматическая сочетаемость как фактор актуализации значений многозначных наименований в терминологиях смежных наук (на материале французского языка) ...	54
Латышев О.Ю. (Москва) Языковое сознание транслингвальной личности студента	57
Литвинова Ю.А. (Воронеж) Интегрированное описание значений слов как способ выявления отношений синонимичности	60
Лыткина О.И. (Москва) Структура и содержание лексемы «чиновник» в наивной картине мира	62
Маклакова Е.А. (Воронеж) Собирательность и единичность как семантические компоненты значения слова	65
Милованова И.В. (Воронеж) Лексикографические особенности и проблемы описания термина	67
Новоселова О.В. (Тверь) Категории коммуникативной толерантности и справедливости в языковом сознании носителя языка	70
Пантелейева А.В. (Белгород) Лексические единицы с временной характеристикой в русском языке	73
Попова З.Д. (Воронеж) Значение объектного инфинитива в русском языковом сознании	74
Просовецкий Д.Ю. (Воронеж) Психолингвистический подход к описанию эмоционально-оценочной лексики	76
Розенфельд М.Я. (Воронеж) Исследование индивидуального лексикона писателя в статистическом аспекте	78
Рудакова А.В., Вальтер Н.В. (Воронеж) Описание психолингвистического значения служебного слова	81

Смехнова М.С. (Воронеж) Гендерная семантика лексических единиц в тексте (на материале англоязычной потребительской рекламы)	84
Смолицкая Е.Е. (Воронеж) Терминология налогового и гражданского права: единство и проблемы	86
Соколова-Сторчай Э.Ю. (Воронеж) Психолингвистическая дифференциация синонимов (на примере лексем сервис, обслуживание)	89
Стеблецова А.О. (Воронеж) Отражение языкового сознания в дискурсе оценивания	91
Стернин И.А. (Воронеж) О понятии <i>ненормативная лексика</i> в языковом сознании и лингвистике	94
Теркулов В.И. (Донецк) Актуализация значения аббревиатуры в эквивалентном словосочетании	96
Токарев Г.В. (Тула) Отражение языкового сознания носителя языка лексико-семантическими средствами	97
Третьякова Д.В. (Тольятти) Семантика наименований священнослужителей	100
Цофина Ю.А. (Ярославль) Анализ значений междометий в контексте	102
Чвягина Т.В. (Ярославль) Семантические особенности терминов ECOLOGY и ЭКОЛОГИЯ	104
Черепкова Н.М. (Воронеж) Семантика слова <i>перекресток</i> в контрастивном словаре	107
Черкашин А.Н. (Курск) Психолингвистическое разграничение синонимов (на примере лексем «даг» и «дагестанец»)	110
Чугунова С.А., Залипаева Ж.П. (Брянск) Стратегии понимания идиоматических выражений с темпоральной семантикой на родном и иностранном языках (результаты эксперимента)	112
Ярошенко Н.А. (Донецк) Структурные и ономасиологические типы сложных наименований лица в составе деривационного гнезда глагола «быть»	114